

Н.М. Пашаева

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ в Галичине XIX–XX вв.

Духовный храм.

КАРТА ГАЛИЧИНЫ.

Главный храм духовный во Владимире, восточный отделен от
церкви и часовни духовной.
Главный духовный отделен от церкви.
Рядом духовный отделен от церкви.
Часовня духовная отделен от церкви.

Православный центр имперских политических исследований

Н.М. Пашаева

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ
в Галичине XIX-XX вв.

Москва
2007

Издательство
Имперская
ТРАДИЦИЯ

ББК 63.3 (4)

П 22

Составитель серии М.Б. СМОЛИН

Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. — М.: Имперская традиция, 2007. — 192 с.

ISBN 5-85209-100-6

При информационной поддержке сайта «Единая Русь» (www.edrus.org)

© Пашаева Н.М., 2001

© Пашаева Н.М., 2007, с изменениями

© «Православный центр имперских политических исследований», 2007

© Смолин М.Б. Составление, 2007

© Бикашов Д.Е. Оформление, 2007

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГАЛИЧИНЕ XIX–XX ВВ.

Ко второму изданию
ОТ АВТОРА

Когда вышло первое издание моей книги, один московский украинист горячо, почти радостно спросил меня: «Но ведь это только прошлое!» Тогда я ответила положительно, действительно — изложение доведено только до 80-х годов XX в. Теперь я бы промолчала. В 2001–2004 гг. я четыре раза побывала во Львове (всего по нескольку дней). В ответ на мою русскую речь, узнав, что я из Москвы, самые разные, так называемые «простые люди» — от старой нищей или милиционера в подъезжавшем к Львову поезде и вплоть до ученых мужей университета — на чистом русском языке трогательно старались помочь в, как они понимали, незнакомом мне городе. Книжка моя разошлась в Москве очень быстро, как мне сказали, дважды угодила в интернет. До Львова почти не дошла (мои подарки библиотекам). Но о ней знали из рецензий.

За шесть лет после выхода первого издания многое изменилось, многие страницы можно было дополнить (но не переписать!) Мы не ошибемся, если скажем, что сама тема, до того практически почти запретная, отданная на откуп фальсификаторам, стала актуальной и во Львове, и в Москве. Из львовских изданий упомянем большую обзорную статью Марьяна Мудрого о галицком руссофильстве в современной историографии», увидевшую свет в 2001 году на страницах сборника в честь Феодосия Стеблия, две книжки по истории Львовского Ставропигийского института Ирины Орлевич и Александры Киричук (все три на украинском языке) и др. В Москве кроме моей книжки и статьи на ту же тему вышло несколько статей А.И. Миллера, справки о галицко-русских деятелях, прежде всего о Ваврике, заняли прочное место на страницах энциклопедий, иногда встречаются и большие исторические статьи — например, в Православной энциклопедии, выходящей в Москве.

К настоящему времени старшее поколение русских галичан, видевшее еще досоветские времена, практически, естественно, вымерло. Их детей, как правило, не интересовало дело отцов, они стали порядочными советскими гражданами. Как мне казалось, это и было концом русского движения. Здесь, вероятно, я была не совсем права. Русское движение как политическое явление прекратило свое существование вместе с утверждением советской власти в крае, но как явление культурное не погасло и даже подспудно развивалось.

Русские галичане-интеллигенты, бывшие лидеры и подвижники движения, нашли при советской власти свое очень скромное место в библиотеках, музеях, иногда как преподаватели, но они продолжали продвигать к читателю русскую книгу, русскую культуру, русский язык. Трудно сказать, как обстоит дело сейчас, никто не будет упоминать об этом сегодня, но некоторые косвенные данные говорят, что усилия старшего поколения были бесполезными.

* * *

Мы решили во втором издании ничего не менять, голько добавить в качестве приложения текст брошюры, написанной и изданной мною в 2003 г. тиражом в 50 экземпляров и практически мало кому известной. Эти сорок страниц — небольшая справка по проблеме, актуальной в Галичине доньше.

17 августа 2006 г.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю работа — первая в историографии попытка дать цельное изложение истории русского движения в Галичине на протяжении последних двух столетий.

Русское движение во всем Карпатском регионе, по древней терминологии — Червонной Руси, — сложный феномен отечественной истории. На протяжении последних 8 десятилетий история его — одно из белых пятен нашей историографии. Думается, для глубокого его исследования еще не настало время. Из-за распада СССР (и ряда сопутствующих причин) использовать богатейшие материалы архивов и библиотек Западной Украины сейчас исследователю-москвичу трудно. Множество материалов доньше хранится в частных архивах карпатских деятелей, однако внуки и правнуки их едва ли захотят вслух вспоминать сейчас своих русских дедов и прадедов. Московские государственные архивы относительно бедны. В библиотеках России далеко не полно представлены источники и литература, вышедшие за пределы ее, особенно начиная с 20-х годов XX в. Отечественная литература откровенно тенденциозна — прорусская до Октября и проукраинская в советскую эпоху; советских работ или упоминаний о русском движении почти нет, даже тенденциозных. Немного дали и послесоветские годы.

В этих условиях мы решили выбрать форму свободных популярных очерков, причём ограничиться лишь историей русского движения в Галичине — наиболее трагичной и наименее исследованной¹. Своей скромной задачей автор считает дать лишь представление о движении и идеологии русских галичан, практически не известных не только широкому читателю, но даже специалистам-славистам. Факты порой пришлось брать «из вторых рук», из литературы. Хотя работа популярная, она снабжена ссылками. Автор использовал доступную русскую и зарубежную литературу, некоторые обнаруженные им архивные находки, материалы небольшого собственного архива, а также прессу, как русскую дореволюционную, так и русских галичан. К сожалению, в московских библиотеках последняя представлена очень скудно.

Важнейшей работой, а отчасти и источником, является трехтомный труд Ф.Ф.Аристова (1888–1932) «Карпато-русские писатели». После краткого исторического введения автор дает развернутые биографии отдельных карпато-русских деятелей, максимально полные списки их трудов, включает в биографии их мемуары. (Поскольку все карпато-русские деятели, исследуемые Аристовым, оставили свои работы, автор использует для них понятие «писатели», хотя часто их труды не относятся к области художественной литературы.) К сожалению, в 1916 г. был опубликован только первый том труда Аристова [2]. Гранки двух других томов находятся в архиве дочери его Т.Ф.Аристовой и многие годы ждут своего опубликования.

¹ История карпато-русского движения в Закарпатье и за пределами Карпатской Руси — отдельные большие темы, также неразработанные.

Традицию писать не о движении, а об его отдельных деятелях подхватили В.Р.Ваврик (1889–1970) и Н.В.Водовозов (1902–1977). Перу Ваврика принадлежит небольшая, но емкая книга-справочник «Краткий очерк галицко-русской письменности», в которой читатель находит сведения о галицко-русских деятелях с XII по XX век. Биографиям предшествует предисловие о самом авторе, написанное издателями, — книжка вышла после смерти Ваврика в Лувене (Бельгия), рукопись удалось переправить за границу [8]. Небольшая статья Н.В.Водовозова «Русские писатели в австрийской Галиции» содержит некоторые общие сведения и биографии 14 галицко-русских писателей XIX — начала XX вв. [16]. Краткие справки о деятелях галицко-русского движения опубликовала в последние годы в Большой российской энциклопедии Т.Ф.Аристова. Ее перу принадлежит и ряд историко-публицистических статей в газетах по проблемам русского движения в Карпатском регионе [напр. 3].

Историю Галичины и галицких проблем XIX в. читатель находит в большом труде галицко-русского исследователя Ф.И.Свистуна «Прикарпатская Русь под владением Австрии» (1896). Книга, снабженная ценными дополнениями, была переиздана в США в 1970 г. [122]. Работа галицкого ученого содержит огромный комплекс фактических данных, подтвержденных ссылками на источники. Материалов по русскому движению там, конечно, много, но в целом труд не дает представления о том, что же такое было русское движение XIX в. По XX в., как нам известно, такого труда вообще нет². Таким образом, настоящие очерки — первый скромный опыт цельного изложения этого феномена отечественной истории.

Несколько слов о терминологии. Мы сознательно употребляем термин «Галичина» с ударением на последнем слоге, а не «Восточная Галиция». Он принят в исторической литературе и наиболее полно отражает понятие. Им обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне находятся в составе Западной Украины — Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области, — а также Польши — трагическая Лемковщина с древнерусским Перемышлем. Мы избегаем употреблять для Галичины термин «Западная Украина», а для галичан «украинцы». Эти термины появились лишь со 2-й половины XIX в., когда в национально-освободительном движении края произошел раскол, породивший антагонизм русских галичан и галичан украинцев. Тогда термин «украинец» носил не этнический, а скорее национально-политический характер. (Об этом ниже.) Первоначальное самоназвание населения — *русский, русский, руський*. С начала австрийского владычества в Галичине широко ходит термин «русины» и искаженное *rutheni*. Сам термин «русин» не нов, в частности, как синоним «русского» он встречается например, в московском памятнике XVI в. В XIX–XX вв. в Галичине, как и в Закарпатье, самоназвание «русины» наряду с «рус-

² Удачная попытка на одной странице церковной газеты дать картину русского движения в Галичине с 1848 по 1939 год принадлежит А.Внукову [15]. Это, кажется, единственный опыт подобного рода.

ские» получило и среди населения, и у представителей интеллигенции широкое распространение. Мы будем пользоваться этим термином для обозначения коренного населения Галичины. Примечательно, что прилагательное от «русин», как считают сами русины, не «русинский», а только «русский», «русский»³.

Нам еще необходимо определить, что же собственно подразумеваем мы под «русским движением» в Галичине. При всем разнообразии форм деятельности русских галичан и различий их убеждений в различные периоды неизменным было признание единства всего русского народа «от Карпат до Камчатки», включая, разумеется, Белоруссию и Украину, сознание собственной принадлежности к этому единому русскому народу и признание русского литературного языка родным литературным языком русинов.

В предлагаемых очерках мы будем говорить лишь о русском движении в самой Галичине. С рубежа XIX–XX вв. начинается массовая эмиграция галичан в США и Канаду, так называемая «демократическая эмиграция». Части ее свойственна «русская» идеология. Этого явления мы вообще касаться не будем, хотя именно там более всего понимают проблему.

І. ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ІХ в. — 30-е гг. XIX в.

В IX–XI вв. Галичина, Галицкая Русь, была частью Киевской Руси, затем входила в Галицко-Волынское княжество, которое прекратило свое существование в 1340 г., и с середины XIV в. оказалась под властью Польши вплоть до 1772 г. По первому разделу она была присоединена к Австрийской империи и вошла в состав «Королевства Галиции и Лодомерии».

Истоки русского движения в Галичине уходят своими корнями в национальные традиции эпохи единой Киевской Руси. Этноним «русский», «русский», «русский», название родной земли «Русь», наречия родного языка, сильно отличавшиеся от польского, сберегались в народной толще в эпоху более чем пятисотлетнего польского и австрийского гнета. Причем единство древнерусского племени ощущалось и в Галицкой, и в Московской Руси. Выходцем из Галичины, начавшим свою деятельность основанием монастыря на речке Рате в нынешней Львовской области, был будущий митрополит Московский и всея Руси Петр (г.р. неизв.—1326). Поддерживая объединительную политику Ивана Калиты, он перенес в Моск-

³ Цитаты на употреблявшемся галицкими будителями «русском» языке или «галицко-русском наречии» очень часто образные, но порой трудные для нашего понимания. Мы приводим их почти всегда в переводе на русский литературный язык.

ву митрополичий престол и сделал Москву духовным центром объединявшейся России. Он — основатель Успенского собора в Кремле (1326), где и донныне покоятся мощи святого. Не к иноплеменикам ушел из Москвы во Львов Иван Федоров (ок. 1510–1583), напечатавший там в 1574 г. букварь, посвятив его «возлюбленному честному, христианскому русскому народу», имея в виду местное русское население Львова [8, с. 23]. Русским деятелем был сподвижник, а потом и оппонент Петра I, галичанин Стефан Яворский (1658–1772) и т.д.

Особо важную роль в сохранении своего общерусского самосознания и культуры галичан играла Православная Церковь, единая со всей Русью, а позднее Россией, с ее единым языком богослужения, едиными обрядами, древними традициями. Католическая пропаганда имела успех в Галичине (и то относительный!) среди высших классов, но не в народной среде. Веками подвергавшееся тяжелой эксплуатации коренное население упорно сопротивлялось денационализации. Яркую страницу в историю борьбы против колонизации и натиска католицизма в крае вписало Ставропигийское братство [см. подробнее 55, 21]. Оно существовало при Успенской церкви недалеко от центра Львова (на нынешней Русской улице) с XV в. 1 января 1586 г. ст. стилия, проезжая через Львов, антиохийский патриарх Иоаким скрепил своей печатью статут братства, утверждавший его независимость от местных церковных властей. Именно эта дата считается началом Львовского Ставропигиона.

В 1593 г. константинопольский патриарх Иеремия, в церковной юрисдикции которого находилась Православная Церковь Галичины, своей грамотой подтвердил права Успенского братства, которое получило статус патриаршей Ставропигии (от греческого «утверждаю крест»). Этот термин обозначал, что монастырь или братство, на котором «утвердил крест» патриарх, зависит только от патриарха, а не от местного церковного начальства [55, с. 25, 33–35].

Твердые православные устои Галичины должна была подорвать на территории Речи Посполитой Брестская уния 1596 г. Населению оставался привычный православный обряд и церковно-славянский язык богослужения, но своим главой вновь создаваемая униатская церковь признавала римского папу. Но столь угодная польскому руководству Галичины уния вызвала отпор ее коренного населения. Напор унии, внедрявшейся с помощью административного натиска, православная Галичина выдерживала еще не одно столетие. Наконец, в начале XVIII в. во Львове пал последний оплот православия — из Успенской церкви молодчики выволокли православно-го священника и заменили его униатским. В 1710 г. Ставропигийское братство «добровольно» подчинилось Риму. С принятием унии братство было подчинено папе непосредственно, полностью лишилось своей автономии, которой издавна пользовалось, и находилось под управлением варшавского нунция [39, с. 8].

10 | Но папский престол рано праздновал победу. Насильно переподчиненная новому хозяину и ставшая униатской, галицкая цер-

ковь сохраняла древнее богослужение с его единым языком и официально единым обрядом. В Речи Посполитой она оставалась втростепенной, с католичеством не сливалась. В менталитете русинов сохранялось сознание единства с Православной Церковью. И тогда на протяжении многих десятилетий исподволь началось искажение древних обрядов, а также строгий контроль за тем, чтобы как можно меньше священников-патриотов занимали места в приходах. (Что продолжалось и при австрийском владычестве.) Позднее, в XIX в., как мы увидим, сложилась парадоксальная ситуация — именно из среды униатских священников вышло много убежденных русских деятелей. Тогда была сделана последняя попытка очистить обряд от позднейших искажений, очистить церковь, не выходя из-под власти Ватикана. Эта попытка потерпела полный провал, Ватикан на это не мог пойти. И постепенный возврат к православию стал логическим итогом этих событий.

В 1772 г. по первому разделу Польши Галичина была присоединена к Австрийской империи. Подводя итоги более чем четырехсотлетнего владычества Польши в Галичине, известный галицко-русский деятель Яков Головацкий позднее воскликнет: «Кто перечислит все гонения, преследования, оскорбления и понижения, якие истерпела наша Русь в продолжении пяти веков... Не дивно, что среди таких смут и беспрестанных лишений русское дворянство и вельможи дали переманиться в латинство и изменили своей народности. Мещане лишены прав и преимуществ, устранены от городских достоинств, исключены из обществ и цехов и отданы на произвол старостов и каштелянов. Народ сельский не защищен неким законом противу своевольству шляхты, порабощен и предан презренному невежеству» [39, с. 6]. Мы привели эту цитату без правки как образец русского языка галицко-русских деятелей XIX в. Он, хотя часто яркий и образный, но порой трудный для нашего уха, поэтому в дальнейшем мы почти всегда будем вынуждены переводить цитаты на русский литературный язык.

Действительно, в 1772 году в Галичине практически полностью исчезло местное панство и дворянство — некогда русские роды — Потоцкие, Дзедушицкие и многие другие, бывшие ранее православными, приняли католицизм и колонизировались, частично полонизировалось и городское население, в основном русинами оставались «хлопы да попы». «Было еще мещанство, — говорит далее Головацкий, — особенно в восточных округах Галиции, но лишенные древних прав и преимуществ, выброшенное из центров городов в предместья, оно большею частью занималось земледелием и мало отличалось от свободных земледельцев» [39, с. 24]. О том, что в Прикарпатской Руси исчезло дворянство, говорит и известный составитель галицко-русской библиографии И.Е.Левицкий [61, т. 1, с. 6], а польский статистик Ступницкий прямо пишет в 1849 г., что у русинов «нет шляхты» [149, с. 17]. Эта социальная особенность края не была известна Н.Г.Чернышевскому и привела его к ошибке (см. ниже).

Вошедшая в состав Габсбургской империи Галичина была отсталым краем. Переход в 1772 г. под австрийское владычество способствовал его экономическому развитию. Тот же Ступницкий прямо писал, что с тех пор, как Львов перешел под власть Австрии и стал столицей провинции, в нем выросло население, расцвели торговля и ремесла [149, с. 68]. Однако этот процесс вначале мало коснулся коренного населения. «Австрия, — писал в той же статье Головацкий, — приняла Галицко-Перемышльскую или Червонную Русь уже не как русскую область с живой и развивающейся народностью, но как полупольскую провинцию, в которой задавленная, порабощенная, униженная Русь едва подавала признаки жизни» [39, с. 6]. Мероприятия австрийской администрации эпохи просвещенного абсолютизма — отмена личной зависимости крестьянства, декрет Леопольда II 1790 г. о равноправии униатов с католиками и др. — положительно сказались на развитии края, однако ни социального, ни национального вопроса они не решали и не могли решить. Барщина отменена не была, польские пань сохраняли свою власть в деревне. Правительство поддерживало эту власть. Недаром искусственно созданное «Королевство Галиции и Лодомерии» включало в себя не только Восточную Галицию, населенную на 2/3 русинами, но и Западную, в которой преобладало польское население [31, с. 14–15]. И в то же время на гнет польских панов наложился гнет немецкой администрации. Крестьянство было по-прежнему нищим, отсталым, национальная культура задавлена, национальной интеллигенции почти не существовало. Ею могло быть в тех условиях прежде всего униатское духовенство, но и оно было сильно полонизировано и стояло, как правило, на очень низком культурном уровне. С последней трети XVIII в. в ряде славянских краев Империи начинается эпоха национального возрождения. Угнетенная и задавленная Галичина дала своих будителей лишь через полвека. Для подготовки новой интеллигенции, прежде всего униатского духовенства, ряд мер принимает правительство. Создаются немецкие и латинские школы. Латинские порой создаются на базе уже существовавших ранее [39, с. 11]. В 1788 г. Ставропигийское братство было изъято из-под власти Рима и преобразовано в институт Ставропигийский со своим издательством и типографией. Деятельность Ставропигиона продолжалась до 1939 г. В 1783 г. была открыта в крае русская духовная семинария с преподаванием на русском языке [39, с. 12]. Мы оставляем за этим языком самоназвание «русский», не сохраняя в том или другом случае написание с одним или двумя буквами «с» и не вдаваясь в исследование, на какой в какое время он был более похож — на нынешний русский литературный, на русский эпохи Екатерины II, на современный украинский, на церковно-славянский или еще какой-либо. Русским — *Russische Sprache, Lingua russica* — называют его и официальные документы того времени. Головацкий отмечает, что русинов тогда в немецких документах обозначали термином «Russen» вместо позднейшего «Ruthenen» [39, с. 16]. 16 ноября 1784 г. был открыт Львовский

университет, хотя как академия с правами и привилегиями университета это высшее учебное заведение известно с 1661 г. С 1787 г. здесь ведется преподавание на русском языке наряду с латинским, немецким и польским. Среди преподавателей — выходец из Закарпатья профессор философии, знаменитый доктор Петр Лодий (1764–1829). Однако уже тогда русские профессора подвергались дискриминации и не допускались ни в коллегию профессоров, ни в академический сенат [39, с. 28]. Однако эти послабления вскоре прекратились — Львовский университет был переведен в Краков, т.е. фактически закрыт до 1817 года, сохранился лишь Львовский лицей. Преподавание на русском языке прекратилось, профессора покинули Львов. Так, Лодий «после двадцатилетнего труда покинул в негодовании наши страны и переселился на дальний север в С.Петербург», — восклицает Головацкий [39, с. 19]. Во 2-м и 3-м десятилетиях XIX в. наблюдается некоторое оживление — так, в 1816 г. в Перемышле каноник Иван Могильницкий основал общество священников для распространения просвещения среди народа, однако оно не сыграло заметной роль в истории культуры края. В 1829 г. епископ Снегурский также в Перемышле учредил типографию, а Иван Лавровский — капитульную библиотеку [2, с. 18–19]. Далее подобных слабых проявлений национальной жизни дело не шло. За первое тридцатилетие XIX в. в Галичине вышло всего 30 книг, почти все на церковно-славянском языке, причем гражданским шрифтом не было выпущено ни одной, хотя в пределах Австрийской империи в сербских землях «гражданка» давно уже была принята [61, т. 1, с. 1–8]. В большей части это были либо богослужебные книги, либо брошюры духовного содержания. Ни научной, ни популярной, ни художественной литературы в Галичине на русском языке в ту пору не выходило. Начало национального возрождения сразу изменило положение.

II. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

С 30-х гг. XIX в. до революции 1848–1849 гг.

1. ПЕРВЫЕ БУДИТЕЛИ

На IX Международном конгрессе славистов в Киеве (1983 г.) в одном из выступлений прозвучала важная и, нам думается, чрезвычайно плодотворная мысль о том, что первый этап национального движения в Галичине был началом и русского, и украинского движения в крае.

С начала 30-х гг. XIX в. в Галичине начинается эпоха национального возрождения. В современной украинской историографии начало ее связывают с оживлением национально-патриотической деятельности польской молодежи в связи с восстанием 1830–1831 гг.

Однако первые явления, прошедшие весьма мало заметно, наблюдаются немного ранее. Они связаны с началом деятельности Дениса Ивановича Зубрицкого — признанного лидера «русского» направления в национальном возрождении Галичины.

Д.И.Зубрицкий (1777–1862) происходил из старинного дворянского галицко-русского рода. Он родился в семье небогатого помещика, т.е. арендатора-помещика. После окончания гимназии Зубрицкий поступает на службу в Березовский магистрат Сяноцкого округа, одно время управляет имениями малолетних графов Пининских, занимается изучением сельскохозяйственной литературы, выпускает несколько собственных статей по сельскому хозяйству, переводит с немецкого труды специалистов [2, с. 33–48]. Он интересуется древней историей родного края, изучает в архивах древние грамоты. В 1823 г. он напечатал в календаре «Пилигрим Львовский», издававшемся на польском и немецком языках, свою статью «О галицких народных песнях». «Д.И.Зубрицкому принадлежит неоспоримая заслуга в том, что он первый обратил внимание русских галичан на содержание и красоту народных песен», — пишет о нем Ф.Ф.Аристов [2, с. 34]. В 1830 г. Зубрицкий становится управляющим Ставропигийской типографией, позднее, в 1843 г., изучает и приводит в порядок архив Ставропигийского института. В том же 1830 г. он издает оду «Бог» Державина на русском языке и в переводе на польский и немецкий языки [61, т. 1, с. 7, № 84]. Это было первое произведение на русском литературном языке, изданное в Галичине. В этом же 1830 г. в венском журнале Зубрицкий пускает свою статью «Греко-католическая ставропигиальная церковь во Львове и соединенный с ней институт» [153]. В 1831 г. в газете «*Rozmaitosci*» статья появилась на польском языке. Она написана на основе документов архива, обнаруженных исследователем. Автор ссылается на старейшие грамоты, привилегию, отмечает, кто и когда дал братству статус ставропигийского, останавливается на отдельных моментах борьбы братства за свое существование и права. Переход в унию Зубрицкий излагает весьма лояльно как «согласие братства на соединение с Римом» [153, с. 608], и, наконец, останавливается на современном положении Ставропигийского института — он имеет доходы от сдачи двух домов в городе, процентов с капитала, а также доходы от типографии и продажи книг. Эта небольшая, однако очень емкая по содержанию статья положила начало деятельности Зубрицкого как исследователя-историка. В этот первый период национального возрождения увидели свет еще три книги и ряд статей на исторические темы, все они написаны Зубрицким по-польски⁴. Так была положена основа для исследования истории родного края, подхваченная другими будителями.

Параллельно этому, чисто научному направлению начинающегося национального возрождения, зачинателем которого был Зуб-

⁴ Хронологический список трудов Зубрицкого см. у Аристова [2, с. 45–48].

рицкий⁵, развивалось и другое направление. Душой его была студенческая молодежь Львовского университета во главе с Маркианом Семеновичем Шашкевичем (1811–1843), Иваном Николаевичем Вагилевичем (1811–1866) и Яковом Федоровичем Головацким (1814–1888), прозванными в университете «Русской Троицей». Они прочно вошли в историю галицкой культуры. Об их деятельности имеется большая, преимущественно украинская, литература⁶. Здесь мы лишь кратко изложим этот начальный период галицкого национального возрождения, послужившего основанием для формирования основ русского движения Галичины.

К началу 30-х гг. XIX в. в большей части славянских стран процесс национального возрождения проходил уже свой второй этап, однако у ряда славянских народов возрождение начинается лишь с 30-х гг. XIX в. (хорваты, лужицкие сербы). К этим народам принадлежали и галицкие русины. Как и в других славянских землях, активное участие в национальном движении в Галичине принимали представители национального, преимущественно сельского, духовенства. Из него вышли и члены «Русской Троицы» и их молодые друзья, будущие униатские священники, хотя к концу 20-х гг. и их сильно коснулась полонизация. Один из галицких будителей поэт Николай Леонтьевич Устиянович (1811–1885) писал спустя много лет в своих воспоминаниях: «Моя юность совпадала со временем тихой, безропотной, но на дивогляд успешной полонизации не только всей интеллигенции из коренно-русского роду, но и всего, что на себе сюртук навлекало. Почти нигде не слышалось русское слово в домах нашего священства и почти нигде церковной науки на народном языке. Около 1830 г. дошло то направление своей кульминационной точки» [133, с. 42]. Вероятно, мы можем согласиться с теми исследователями, которые считают, что польское восстание 1830–1831 гг., национальное одушевление польской молодежи во Львове в этот период способствовало оживлению национального движе-

⁵ «Первым на заре возрождения Галицкой Руси, захваченной Австрией», В.Р.Ваврик называет М.С.Гарасевича [8, с. 30]. Мы придерживаемся мнения, что латинские сочинения Гарасевича и некоторые другие явления конца XVIII — начала XIX в. в области галицкой культуры еще не означали начала национального возрождения [108, ч. 1, с. 53].

⁶ В украинской исторической литературе, в том числе и советской, подробно освещена фактическая сторона деятельности молодых будителей первого периода национального возрождения Галичины, даются ссылки на публикации их трудов. В то же время почти все украинские историки дают тенденциозное освещение этого периода как якобы «украинского». Все, что явно не соответствует этой схеме, объявляется реакционным или вообще замалчивается. Читая эти труды, нужно также помнить, что везде термин галичан «русский», «русский», «русский» попросту заменяется термином «украинский». Таким образом, все галицкие будители оказываются будителями украинскими, хотя никогда «украинскими» себя не называли. Да и термин этот не был тогда в употреблении — для Галичины отсутствует полностью, а для ныне общепринятого понятия украинский, т.е. касающийся Восточной Украины, чаще применялся термин «малорусский».

ния русинов. Тот же Устиянович продолжает: «...Я поплыл с рекою и чуть-чуть не заплыл под знамена Хлопицкого, верховного начальника войск польских во время революции 1830 г. Но со мной стала вскоре метаморфоза, як не одному из современников моих отворила та революция очи. Найшлося так много и довольно веских моментов, котрыи конечно отводили юношу галицко-русского, одушевленного здоровыми и благородными воззрениями, от стихии польской и увлекали его по примеру чехов, хорватов и сербов на народное поприще» [133, с. 42, специфика текста автора сохранена].

М.Г.Шашкевич поступил в 1829 г. в Львовскую семинарию на казенный кошт как сын бедного сельского священника и стал одновременно слушателем Львовского университета. Вскоре, в феврале 1830 г., он был исключен из семинарии, очевидно, из-за передовых взглядов, ибо предлог был слишком ничтожен (приятельская пирушка). Оставшись без средств к существованию, Шашкевич продолжает свои занятия. Он смог вернуться в семинарию только в 1833 г. В 1831–1832 гг. он близко сходитя с Иваном Николаевичем Вагилевичем и Яковом Федоровичем Головацким, в будущем одним из наиболее ярких деятелей русского направления в Галичине. Оба были сыновьями священников и готовились к духовной карьере. Много позднее Головацкий в своих воспоминаниях описал эти первые годы патриотической деятельности молодых галицких будителей. Маркиан Шашкевич, пишет Головацкий, «сблизился со мною, прямодушно открыл свои думы, сказав, что он Русин и заявил решительно, что нам молодым Русинам нужно соединиться (так! — *Н.П.*) в кружок, упражняться в славянском и русском языках, вводити в русских кругах розговорный русский язык, поднять дух народный, образовати народ и, противоборствуя полонизму, воскресити русскую письменность в Галичине» [35, с. 11]. Всякий вступающий в кружок Шашкевича обещал «всю жизнь действовать в пользу народа и русской словесности... мы приняли славянские имена: Шашкевич — Руслана, Вагилевич — Далибора, я — Ярослава. Затем явились Велемир Лопатынский, Мирослав Илькевич, Богдан, мой брат Иван... явились Всеволод, Мстиславы, Володари и пр.» «В семинарии, — пишет далее Головацкий, — начинались толки о русском народе, о его просвещении посредством народного языка. У нас, правда, не было ясного понятия и определенной программы; каждый понимал дело по-своему — но движение между молодым поколением было сильно» [35, с. 12]. В 1833 г. Шашкевич составляет первый сборник «Син Руси», который, однако, тогда не увидел света — он был опубликован украинским ученым К.Студинским лишь в 1909 г. [57, с. СХIV–СХ]. В 1833–1834 гг. Головацкий и Вагилевич совершают несколько путешествий по родному краю, записывают народные песни, интересуются древностями. Вагилевич пробовал даже просвещать народ, но этому воспрепятствовала полиция.

В 1834 г. по инициативе Шашкевича, которого Головацкий называет «смелейший от нас всех на всякий подвиг» [35, с. 11], созда-

ется серьезный сборник «Зоря», куда входят оригинальные стихи, записи народных песен, переводы, статьи. На основе труда Бантыш-Каменского Шашкевич составил биографию Богдана Хмельницкого. На публикацию его портрета удалось получить цензурное разрешение, текст сборника цензура не пропустила, а полиция сделала обыск на квартире Шашкевича, и он уничтожил рукопись.

Прежде чем первый альманах галичан увидел свет, произошло еще одно важное событие национального возрождения — первый этап борьбы за национальную азбуку. С переходом галицкой церкви под власть Рима в униатском богослужении сохранились старые богослужебные книги, печатанные кириллицей; кириллицей печатались не только богослужебные книги, но и азбуки. (Гражданская азбука, введенная в России Петром I, принята была у сербов Воеводины уже с XVIII в., в Галичине, однако, «гражданкой» впервые были напечатаны примечания к стихотворению Иосифа Левицкого в честь Иоанна Снегурского лишь в 1837 г.) [61, т. 1, с. 15, № 167].

В 1833 г. Вацлав Залеский издает сборник польских и галицко-русских песен. В предисловии, по словам Головацкого, он «прямо заявил, что галицкие русины (*nasí rusini*) должны присоединиться к польской литературе» [35, с. 20]. Если бы это выступление осталось единичным, оно не вызвало бы резкой отповеди галицких будителей, тем более что оно исходило от польского этнографа. Однако идея была подхвачена молодым галицким священником Иосифом Лозинским (1807–1889), который в львовской газете *Rozmaitosci* (1834, № 29) напечатал статью «О введении польского алфавита в русскую письменность», а в следующем 1835 году выпустил латиницей свою этнографическую работу «Русская свадьба». Введение польского алфавита было чрезвычайно желательно польским кругам в Галичине, стремившимся окончательно оторвать ее от исторических и культурных древнерусских корней. «То вопрос о существовании: быти или не быти русинам в Галичине, — говорил много позже Головацкий, — прими Галичане в 1830-х годах польское абецадло — пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русский дух, и из Галицкой Руси сделалась бы вторая Холмщина» [35, с. 20]. В галицких патриотических кругах идея Лозинского вызвала дружный отпор. «И я впрочем уверился, — скажет много позднее в своих воспоминаниях сам Лозинский, — что опиния публична (общественное мнение. — *Н.П.*) на Руси розбудилась и против моего мнения решительно высказалась» [65, с. 117]. Особенно острой была отповедь Шашкевича, который в 1836 г. издал брошюру «Азбука и абецадло». Она вышла на польском языке в Перемышле [текст см. 136]. В обстоятельной, строго аргументированной, чуждой полемического задора и тем более убедительной форме Шашкевич показал неосновательность, неприемлемость и прямую вредность предложения Лозинского. Отход от кириллицы не приблизил бы галичан к европейской культуре, а лишь отдалил бы их от других славян, пользующихся латиницей и употребляю-

ших для обозначения звуков различные в каждом славянском языке значки. Идея введения латиницы на время была отставлена. Как мы увидим, во время революции 1848–1849 гг. алфавитом печатались брошюры пропольского «Русского собора», а в конце 50-х гг. австрийская администрация попыталась навязать польскую азбуку «сверху», но все эти попытки разбились о непреклонную верность галицких будителей традициям, кириллице. (Не забудем, что «гражданка» — та же кириллица, только с упрощенной формой букв.)

Несмотря на неудачи, идея опубликования альманаха не оставляла членов «Русской Троицы». С 1835 г. Яков Головацкий учился в Пеште, в Пештском университете, где подружился с сербским студентом Георгием Петровичем. В 30-е гг. Буда и Пешт, тогда еще не объединившиеся в Будапешт, были одним из важнейших славянских центров. В 1836 г. у «Русской Троицы» уже был готов новый альманах «Русалка Днестровая». И через Петровича в Пеште удалось получить цензурное разрешение на ее издание. Она вышла в свет в 1837 г., в нее вошли многие материалы из «Зори». В Галичине альманах тотчас был запрещен и конфискован полицией. Позднее, в 1845 г., губернское управление приказало весь тираж уничтожить, передав лишь один экземпляр в университетскую библиотеку. Однако тираж погиб не весь — сотня экземпляров была послана тотчас после выхода в Вену, часть сохранилась в цензурном комитете и была выпущена в свет во время революции. Считается, что к читателям дошло немногим более 200 экземпляров [98, с. 229]. Составители сразу попали под полицейский надзор. «Русалка Днестровая» была важнейшей вехой в истории национального возрождения Галичины. В ней мы находим стихи, прозу, народные песни, а также образцы древних документов и даже рецензию на «Русскую свадьбу» Лозинского, принадлежащую перу Шашкевича, с настоящим дифирамбом кирилловской азбуке, которой Лозинский пренебрег. Трогательные строки посвящены «народу Русскому». «Святая Русь, — пишет Вагилевич, — была селом райских птиц, русский народ великим и прославленным» [118, с. X–XI]. В песнях и думах читатель находит трагические повести о турецких и татарских ужасах, о гибели предводителя карпатских опришков Довбуша, песни про казаков, например, вариант знаменитой украинской песни о Морозеньке. Программное стихотворение Шашкевича «Воспоминание» в первом же куплете говорит «Як весело колись було Як то сумно ныне в нас!» («Как весело было когда-то и как печально ныне у нас!»). И дальше вспоминаются и суд Любуши над Влтавой (в подлинность Краледворской рукописи тогда будители свято верили!), и Ярослав Мудрый и его «Русская правда», и вечевой колокол, который звенел над «русскими сторонами», и сила и слава Новгорода⁷, и золо-

⁷ Украинский исследователь нач. XX в. К.Студинский подчеркивает, что упоминания о славном Новгороде было лишь знаком славянофильских симпатий Шашкевича: «...все те було далеким від москвофільства» [57, с. XXI–XXII].

тая глава Киева, и гибель Ретры и Арконы, и татарское иго. И теперь

Як Славяне колись жили
Журна думка лишь гадаєт:
Из Русина щирою груди
В побратимий летит край,
Побратимі де сут люди
По за Волгу за Дунай.

[118, с. 61–64]

О татарской неволе горько говорит и Вагилевич, но хуже татар была недоля панщины, когда приставшие к врагам лукавые честолюбцы становились чужими и ковали цепи своим братьям [118, с. XII–XIII]. Прямых антиавстрийских выпадов в «Русалке» нет, ибо если бы они были, ее не пропустила бы никакая цензура. Но исследователи не даром находят в ряде ее текстов «мотивы антикрепостнической борьбы» и считают, что «она была направлена своим содержанием против национального угнетения, ...выступала как пропагандист идей славянской солидарности, направленной против австрийского абсолютизма» [98, с. 229]. «Русалка» напечатана «гражданкой», язык ее — народный, правописание фонетическое, «пиши як чуешь, а читай як видишь», причем написание отдельных букв и соответствие их звукам народного языка Шашкевич определил сам, оговорив это в предисловии [118, с. V]. Скромный альманах стал для Галичины яркой вехой национального возрождения.

2. РУССКИЕ КНИГИ. РУССКИЕ ДРУЗЬЯ

Книги из России с трудом доходили до галицкого читателя — если они и оказывались в библиотеках, их попросту старались не выдавать читателю, а при пересечении границы они надолго задерживались в цензуре. Известно также, что в 1822 г. ввоз русских книг был вообще запрещен [70, с. 6]. «Как ни мало доступна была русская книга австрийским славянам, еще меньше галичанам, она все-таки попадала в Карпатскую Русь и делала свое дело», — пишет исследователь галицкой истории И.С.Свенцицкий [Цит. по 70, с. 9]. Но именно с русских книг началось знакомство галицких будителей с Россией и русской культурой, с русским литературным языком, о котором в своей брошюре 1846 г. Головацкий скажет: «Русский язык, т.е. книжный язык русских, поскольку он основан на русинском наречии и церковно-славянском языке и является результатом развития (Ausbildung) обоих, легко понятен каждому образованному русину, который, кроме родного языка, безусловно знает церковно-славянский, только великорусский разговорный язык ему нужно специально учить» [143, с. 4]. Недаром Шашкевич захотел познакомиться с Я.Головацким именно тогда, когда узнал, что тот «занимался русским языком и историей Руси» [70, с. 19]. Русские книги попадали к молодым галицким будителям случайно. Так, Я.Головацкому удалось купить несколько од Державина, он их выучил наизусть, «хранил как драгоценный клад» [70, с. 19]. Исследователю

В.Малкину, на которого мы ссылаемся и еще будем ссылаться⁸, удалось найти неопубликованную рукопись Я.Головацкого «О книгах, находящихся в руках отдельных ученых или в библиотеках и архивных собраниях Галицкой Руси». Наряду с богословской литературой Головацкий называет сочинения Ломоносова, Феофана Прокоповича, Державина и других видных писателей XVII–XVIII веков [70, с. 9]. Особенно трудно доходила до галицкого читателя новая русская литература, но все же еще в студенческие годы Головацкий и его товарищи знали отдельные произведения Пушкина, Крылова, Лермонтова и других русских писателей, тайно переписывали их. Об этом вспоминает в своих мемуарах ученик Головацкого Богдан Дедицкий. В 50-х годах он пользовался тетрадями, хранившимися у Головацкого, для составления своей «Русской анфологии». Но и в 50-е годы Головацкому приходилось хранить эти «самиздатовские» тетради за семью замками — профессора могли заподозрить в московской пропаганде [70, с. 20]⁹.

В 30–40 гг. в России оживляется интерес к славяноведению, открываются 4 славянские кафедры в русских университетах, русские ученые едут в славянские страны, завязывают переписку со славянскими будителями. Галичина не была исключением. В 1835 г. Львов посетили русские ученые и литераторы М.П.Погодин и Н.П.Надеждин, (профессора Московского университета), а также Д.М.Княжевич и П.В.Киреевский. Они посетили Онуфриевский монастырь, где похоронен Иван Федоров, познакомились с его настоятелем, василианским ученым монахом, историком и краеведом Варлаамом Компаневичем. Позже, в начале 1842 г., состоялось знакомство известного русского слависта И.И.Срезневского с братом Якова Головацкого Иваном, и в том же году с Яковом Головацким и Вагилевичем. Постепенно, в 30–40-е гг. XIX в. завязались научные контакты, обмен книгами, переписка галицких будителей Зубрицкого, Вагилевича, Головацкого с учеными из России М.П.Погодиным, М.А.Максимовичем, И.И.Срезневским, О.М.Бодянским¹⁰, в Галичину с большим трудом, порой окольными путями, поступают русские книги и периодика [70, с. 32–38]. На страницах русской прессы выходит ряд работ галицких будителей и даже одна книга — труд Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных

⁸ В монографии В.Малкина [70] читатель найдет многочисленные примеры интереса галицких деятелей культуры к России, к русской литературе. Выражать сочувствие москвофилам и их предшественникам в советской печати, ориентировавшейся исключительно на украинофильскую точку зрения, было попросту невозможно. Автор сообщает лишь очень интересные фактические данные. Несмотря на его осторожность, труд был подвергнут озлобленной критике. Автор вынужден был не возвращаться более к теме галицко-русских связей и симпатий.

⁹ О Я.Ф.Головацком как популяризаторе украинской и русской книги в 30-е и 40-е годы см. сообщения В.Е.Задорожного [31, с. 12–13].

¹⁰ Эта страница галицко-русских связей достаточно хорошо изучена. Фактические данные см., напр., у Гербильского [31, с. 81–83; 32, с. 196–209].

лет Червонной, или Галицкой Руси. От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XVI столетия», перевод и издание которого осуществил О.М.Бодянский в 1845 г.

Особенно важным было знакомство и близкие контакты галицких будителей с М.П.Погодиным, много сделавшим для того, чтобы познакомить галичан с Россией, а Россию с Галичиной. По возвращении в Москву он посылает большой короб книг и периодики на сумму более тысячи рублей, предназначенных частично институту Оссолинских, а частично Онуфриевскому монастырю. Книги посылаются Компаневичу [32, с. 69]. Погодин переписывается с галицкими будителями, информирует их о событиях научной жизни в России, которые могут их интересовать, получает из Галичины книги, рукописи, снабжает галичан книгами и журналами, сообщает интересные сведения и т.д. Изданные позднее письма корреспондентов Погодина, рукописи которых хранятся в Отделе рукописей РГБ, доныне — важнейший источник по истории национального возрождения Галичины [111].

В украинской исторической науке существует стойкое убеждение, что именно с подачи Погодина¹¹ Зубрицкий пришел к убеждению о единстве русского народа «от Карпат до Камчатки». «В национальном вопросе, — пишет Гербильский, — Зубрицкий стоял на погодинских позициях, признавая российский («русский») народ единым народом от Карпат до Тихого океана...» [31, с. 80–82], а Иван Франко прямо писал, что Зубрицкий «был отцом доктрины про единство всего русского («русского») народа...» [31, с. 80]. С этими построениями трудно согласиться. Думается, Погодин решительно ничего не изобретал, а лишь признавал общепринятое тогда (и еще много позже!) понятие своей русской национальной принадлежности. Нужно помнить, что проблемы «Украина ИЛИ Россия» вообще тогда не существовало — Украина была неотъемлемой частью России, Киев — матерью русских городов. С решения Переяславской рады 1654 г. «волим под царя Московского, православно» прошло тогда уже почти 200 лет, Украина, по официальным царским документам — Малороссия, как и вся Россия, состояла из отдельных губерний — Черниговской, Псалтавской, Киевской, Подольской, Волынской [141, т. 28, с. 492]. Пятой графы тогда вообще не существовало, население делилось не по национальностям, а по вероисповеданиям, а так как украинцы и русские-великороссы были православными, между малороссом из Киева или москвичом не было

¹¹ Погодин посетил Галичину дважды — второй раз в 1839–1840 гг. Известный украинский исследователь 1-й четверти XX в. К.Студинский, враждебно относившийся к русскому движению в Галичине, обнаружил в архиве рукопись польского писателя Генрика Богданьского, который рассказывает о пребывании Погодина в Галичине в его второй приезд 1839–1840 гг. Студинский кратко излагает сообщаемые Богданьским сведения о якобы производившейся Погодиным агитации в пользу «москвическия русинув».

никакой разницы. Русский язык знали все, на нем шло и начальное, и среднее, и высшее образование. Для галичан же вопрос состоял в том, являются ли они, называвшие себя порой малоруссами или южноруссами, частью этого великого русского народа или нет. Понятие отдельного от русского украинского народа тогда не существовало, перед галицкими будителями стоял только вопрос — они принадлежат к русскому или к польскому народу — и ответ был однозначный. Недаром издревле русины называли себя «рускими», «руськими», повторяя свое самоназвание, сохранившееся еще с Киевской Руси. Галицкие будители вообще часто смешивали понятие «русский», т.е. русин, или русский — великоросс. (Да и доныне едва ли мы назовем Гоголя великим украинским писателем!). То же было и с понятием «русский язык». Так, Головацкий обозначает этим термином и язык од Державина, и язык «Энеиды» Котляревского, и живой разговорный язык русинов Галичины. На это явление обратил внимание Малкин [70, с. 21].

3. ЯЗЫК? НАРЕЧИЕ?

На каком языке писать? Какой язык станет литературным? Этот вопрос стоял перед будителями едва ли не всех славянских стран. Разные деятели решали его по-разному. Писать на языке богослужения — чешском — призывал своих протестантских словаков Коллар. Сильное влияние церковно-славянского и русского литературного языка испытала литература Сербии — так возник славянско-сербский язык, на котором писали и ученые, и литераторы конца XVIII — начала XIX в., более или менее приближаясь к живому народному языку. Лишь смелая реформа Караджича сделала этот народный язык литературным, а предложенное им фонетическое правописание утвердилось доныне. По другому пути пошли иллиры, предложив всем югославянам принять единый «иллирский» язык по штокавскому наречию. Этот опыт частично удался, и наследие его — сербохорватский язык, официально существующий доныне.

Когда Галичина с опозданием входила в общеславянское движение национального возрождения, у первых ее будителей не было четкой языковой программы. Не вдаваясь в решение лингвистических проблем, мы остановимся здесь лишь на констатации тех явлений, которые наблюдались в 30–40-е годы. Было прежде всего понимание, что нужно сохранить кириллицу и русский язык вопреки активному польскому нажиму. (Недаром делались попытки издавать богослужебные книги греческого обряда латинскими буквами. Эти книги Лозинский считал древними, а Шашкевич подчеркивал в своей полемической работе, что они могли появиться только после введения унии.) Сохранять родной русский язык было необходимо, но что представлял собой этот «русский», «русский», «руський», «южнорусский», «малорусский» язык — разные галицкие будители на этот счет не имели единого мнения. Сейчас украинские исследователи галицкого национального возрождения пытаются нас уверить, что «Русалка Днестровая» написана по-украински. Однако для 30-х гг.

XIX в. украинского литературного языка в нашем понятии вообще не существовало. В своей Пространной грамматике Греч называет язык, который мы позже назовем украинским, «малороссийским наречием» [67, с. 400]. Наречием называли его не раз и другие деятели первой половины XIX в. (еще задолго до того, как этого стала требовать официальная политика в России 2-й пол. XIX в.). Правда, была уже написана «Энеида» Котляревского, которой зачитывались галицкие будители, знали они и Квитку-Основьяненко, Гулака-Артемовского. Однако «основное значение в создании современного литературного украинского языка имело творчество Т.Г.Шевченко» (БСЭ, изд. 3, т. 26, с. 596), а в пору создания «Русалки» еще не были написаны ни «Кобзарь», ни «Гайдамаки», не было опубликовано ни одного из знаменитых украинских произведений Шевченко. Не существовало и общепринятого украинского правописания. Хотя есть сведения, что впервые украинское фонетическое правописание было предложено в 1818 г. Ол.Павловським [95, с. 285], а И.Франко подчеркивал, что фонетическое правописание «идет по крайней мере от Котляревского» [59, с. 313–314], однако распространения оно не получило. Позднее Максимович в статье «О правописании малороссийского языка» 1840 г. [67, с. 312–328] предложил свое правописание, довольно сложное, оно также не удержалось. Начиная с 50-х гг. П.А.Кулиш начинает интенсивно вводить в написание украинских текстов фонетическое правописание, его порой даже считали изобретателем украинской «фонетики».

Представляют интерес высказывания М.А.Максимовича, недаром именно он, известный украинский ученый, издал собрание украинских песен. В своем письме из Киева 22 апреля 1840 г. он пишет Зубрицкому, в 30-е гг. уже хорошо владевшему русским литературным языком — только отдельные слова и обороты порой выдавали в нем галичанина: «Письмо Ваше для меня чрезвычайно было приятно во всех отношениях — и самый Русский язык, ежечасно здесь слышимый, становится чем-то новым, более внятнм и родным, более красноречивым в Ваших устах, чем под пером наших немногих писателей... Возрождение Русской словесности в Червоной Руси есть явление утешительное... На каком бы ни писали языке Галичане, все равно, лишь бы писали они о своей Руси; но молодому — нынешнему и будущему поколению надо писать на своем родном языке... У нас, в Империи Руской, Руским языком стал Великорусский язык, которым и говорим, и пишем, и думаем, как языком общим, живое употребление и в Украине (в образованном классе народа) имеющим. Потому все, что у нас пишется по-Малороссийски, есть некоторым образом уже искусственное, имеющее интерес областной только... У нас не может быть словесности на Южнорусском языке, а только могут быть и есть на оном сочинения... Но для Русинов Австрийской Империи живой язык — Южнорусский; пора польского языка для них давно прошла; пора Великорусского языка для них еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они подобно Вам усвоили себе Великорусский язык; но Ваша Червоно-

русская словесность — по моему мнению — должна быть на Вашем родном Русском языке, т.е. на Южнорусском... Ваши молодые писатели должны писать чистым Южнорусским языком, какой представляется особенно в песнях и думах Украинских и Червонорусских» [68, с. 25–26]. В 1839 г. Максимович писал в своей «Истории древней русской словесности». «Собственно Русским языком называется у нас теперь язык Великороссиян, которые сами себя зовут и в Малороссии называются собственно Русскими; народный же язык Южной Руси называется обыкновенно Малороссийским наречием... Но в Галиции и по сию пору тамошний язык не перестал называться просто языком Русским — тем именем, которое и всей Южно-Русской речи принадлежало истари, которым называлась она первая, еще прежде чем усвоилось оно языку Великороссиян (как и самое имя Руси или Русской земли сперва принадлежало Киевской земле или Украине)» [67, с. 398]. В южнорусском языке, говорит далее Максимович, «можно различить, и то не очень резко, только два наречия: Восточное — Украинское или Малороссийское и Западное Галицкое или Червонорусское» [67, с. 400]. Позднее в письме к М.П.Погодину Максимович скажет: «Южнорусский язык... состоит в двух наречиях: 1) Малороссийском, существующем издревле оба-полы Днепра на Украине, Подольи, Волыни и в Северщине и 2) Червонорусском, существующем издревле обои-пол Днестра в Галиции и в Карпатах» [69, с. 7–8]. Заметим, что и донныне считается: «Современные диалекты украинского языка объединяются в три основные наречия: северное, юго-западное и юго-восточное (легло в основу литературного украинского языка)» (БСЭ, изд. 3, т. 26, с. 595). В этих условиях подвигом «Русской троицы», и прежде всего Шашкевича, было издание альманаха на родном языке с применением собственной фонетической транскрипции, употребленной по предложению Шашкевича. Однако среди самих галицких будителей не было единого понимания родного языка, об этом говорит хотя бы тот факт, что, по замечанию Нила Попова, «Вагилевич переписывался с Погодиным на местном наречии, отчасти им самим изобретенном. Вместо русского “т” он писал латинское “t”. Кроме того, он менял сам свое правописание почти с каждым письмом» [111, с. 623]. Подлинники писем, хранящиеся в отделе рукописей РГБ, подтверждают это замечание. В дальнейшем развитие галицко-русской литературы шло под влиянием как «южнорусских», т.е. по-нынешнему украинских, образцов, так и в еще большей мере церковно-славянского, а также русского литературного языка. Писать на последнем галицкие будители, за редкими исключениями, в 30–40-х гг. еще не могли, т.к. хорошо его не знали, а русские книги были малодоступны. В 1841 г. Максимович во 2-м томе своего «Киевлянина» напечатал большую статью «О стихотворениях червонорусских». Она написана с большой теплотой, в нее включены отрывки и целые стихотворения, но непредвзятый читатель сразу увидит, что это стихи вовсе не украинские в нашем нынешнем понимании.

чины состояла б.ч. из представителей духовного сословия, а известно, что полонизация конца XVIII — начала XIX в. коснулась его очень сильно, и порой даже домашним языком был язык польский. Для того чтобы писать на родном языке, надо было его хорошо знать. Для научной деятельности народные наречия — будь то бойковское, лемковское или гуцульское — были вовсе непригодны. Решить вопрос мог бы только гениальный лингвист типа Караджича, такого в Галичине не было. Да и был ли он нужен, когда русский литературный язык давно уже существовал? Но перейти тогда на него могли лишь Я. Головацкий да Зубрицкий, и то только в письмах, и лишь позднее в научных трудах. Большая часть галицких будителей-священников обращалась к своему читателю на том же языке, как к пастве, понятном ей — смеси народных говоров, церковнославянского и русского языков. Именно этот язык и получил название «язычия» и позже подвергся беспощадной критике Чернышевского и Пыпина (о чем ниже). Лишь с начала XX в. галицкие писатели и поэты русского направления переходят на русский литературный язык. «Язычие» лингвисты называют искусственным языком, но для галицких будителей из среды духовенства этот язык был, думается, не искусственным литературным, а естественным. (Недаром позднее и Наумович, и Хиляк, и другие писатели находили отклик у широкого галицкого читателя.)

Понятия «второй родной язык» тогда не существовало, однако мы, вероятно, наблюдаем здесь именно это явление — наряду с переходом на «язычие», а позднее на русский литературный язык поэты продолжали писать на своем родном наречии. Никакого противоречия в этом галицкие будители, как и позднейшие деятели русского направления, не усматривали. Наступление русско-украинского антагонизма в Галичине и ее литературе, наблюдаемое лишь с конца 60-х гг. XIX в., как нам думается, имело скорее политическое, а не лингвистические причины.

4. НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Предреволюционные годы — конец 30-х — весна 1848 гг. — не были благоприятными для галицких будителей. Зубрицкому, правда, удастся печататься, но его важный труд «Хроника города Львова» был покалечен цензурой. К тому же на родине все его работы выходят только на польском языке. «Русалка Днестровая» до галицкого читателя не дошла. Часть материалов из нее опубликовал в своем двухтомном альманахе «Венок русинам на обжинки (т.е. окончание жатвы)» в 1846–1847 гг. Иван Головацкий при участии брата Якова, причем книжки вышли не во Львове, а в Вене. Окончившие курс семинаристы были разсланы по глухим приходам. Шашкевич скончался от чахотки в 1843 г. Вагилевич долгие годы не мог получить вообще никакого прихода, т.е. куска хлеба. В глухом приходе, обремененный семьей (ибо, как известно, униатские священники, как и православные, должны были быть женатыми, если они не становились монахами), Яков Головацкий неустанно продолжал свою

будительскую работу. И самым важным его трудом этого периода была статья, выпущенная и отдельным оттиском и ставшая первой политической брошюрой галицкого национального возрождения. В 1842 г. лужицкий будитель Ян Питер Иордан начинает издавать журнал «Летописи славянской литературы, искусства и науки». Отдельные статьи выпускаются и в виде брошюр, часто под псевдонимом. Для Австрийской империи это был независимый бесцензурный журнал. И в 1846 г. на его страницах, а затем и отдельным оттиском выходит статья «Положение русинов в Галиции». Она была подписана псевдонимом *Гаврило Русин* и была настолько острой и беспощадной, что признаться в ее авторстве Яков Головацкий смог только спустя десятилетия, давно уже находясь в России. Автор кратко знакомит читателя с тем, кто такие русины, показывает их тяжелейшее положение. «Под австрийским мягким скипетром они живут без литературы, без журналов, без национального образования, без школ — как варвары», [143, с. 4]. Всего на 22 страницах автор вводит читателя в круг острейших проблем национального и культурного развития Галичины. Считая, что среди славянских народов малорусское племя (Stamm) находится в глубоком упадке (am tiefsten gesunken), называя русинов также малоруссами и южноруссами (Kleinrussen oder Sudrussen) и кратко упомянув важнейших «заслуженных мужей» отечественной литературы Малороссии, среди них — Шевченко (с. 3), автор затем переходит к трагическим судьбам Галичины. В ней нет литературы, нет идеи родства славянских народов и нет надежды на лучшее будущее (с. 4). Под австрийский скипетр народ Галичины попал угнетенной разорванной нацией, и такой она остается донныне, бесправной, отданной на произвол польских и полонизированных аристократов (с. 5). Положительно оценивая реформы Иосифа II, автор показывает, как бюрократия и аристократия утаивали их от крестьян (с. 8). Введенный в духовных учебных заведениях и в делопроизводстве национальный язык изгонялся. Ныне декреты и другие официальные документы печатаются по-немецки и по-польски (многие еще по-еврейски), но не по-русински¹². И дальше автор останавливается на антинародной деятельности митрополита Михаила Левицкого, видя в ней причину застоя (des Stockens) и духовного регресса (Abstreebens). Митрополит, богатейший русин, идущий рука об руку со шляхтой, угнетает вокруг себя все русинское (с. 12). Раньше семинария была украшением русинов, надеждой отечества. Теперь «в нынешней семинарии разные элементы, но нет истинной веры, нет христианской любви и нет надежды на лучшее. Иезуитские лицемеры, — польские ренегаты — жадные чревоугодники родственники и Левицкого — все пестро перемешано» (с. 13). Митрополит распространяет свое влияние и на цензуру — не были разреше-

¹² У русинов крестьян, а от них и у галицких будителей, обычно прилагательное от «русин» — «руский», «русский», а не «русинский». Головацкий в своей брошюре не раз по-немецки употребляет слово gussinisch, поэтому мы переводим его «русинский».

ны многие работы. Семь лет митрополит не посвящал Вагилевича в священники, наконец посвятил, потребовав расписку, в которой Вагилевич обязывался ничего не писать и не печатать ни на родине, ни за границей (с. 15). Автор пишет о тяжелом положении низшего духовенства, которое могло бы способствовать подъему нации (Nationalitat). Но оно находится в жалких условиях, бедно, лишено всех средств. Оно борется с несправедливостями и к тому же поставлено ниже латинского. Именно низшее духовенство живет с народом, делит с ним радость и горе и стремится по возможности идти вперед. Именно то малое, что сделано на ниве национальной литературы, пришло от низшего духовенства — на нем покоится все будущее (с. 17).

Головацкий называет две главные беды русинов. Первая — им не хватает хороших вождей и руководителей, не хватает центра и организованной связи отдельных частей (с. 4) и вторая, главная, беда — это разобщенность русинов в политическом, социальном и церковном отношении (поскольку русины Буковины православные)¹³ (с. 5). И, наконец, в брошюре впервые Головацкий сказал о вынужденном австрославизме русинов. (К этому большому вопросу он вернется позднее еще раз.) Говоря о напештывании противников русинов, будто движение русинов (Russinenthum) представляет опасность из-за соседства Галиции с Россией, автор восклицает «Пустая болтовня!» и подчеркивает, что русины в Галиции униаты, в России не униаты. Ортодоксальные русские будут плохо смотреть на униатов, образованным русинам не понравятся постоянные посты и монашеская жизнь русских попов. Москвитизм затопляет все, раздаются жалобы, и весьма частые, на пренебрежение правами малоруссов. Нигде помещик не может так безнаказанно плохо обращаться со своими крестьянами, как в России (с. 20–21). А отсюда вывод: «Австрия превыше всего, если только она этого хочет» (с. 22).

III. «ВЕСНА НАРОДОВ» 1848–1849 50-е годы — ГОДЫ РЕАКЦИИ

1. РЕВОЛЮЦИЯ

Революция 1848–1849 гг. вызвала бурный подъем национального движения и политической активности во всех славянских землях Империи. С первых же дней она нашла отклик и в Галичине. Оживилось движение крестьян, надеявшихся на коренное изменение своего тяжелого положения. Подняло голову польское национальное движение. В этих условиях австрийской администрации не оставалось ничего другого как искать союзников. Революционные годы, 1848–1849, стоят особняком в истории русского движения в Гали-

¹³ До 1849 года Буковина входила в состав Королевства Галиции и Лодомерии на правах особого округа [98, с. 49]. В Буковине сохранилось православие, хотя и насаждалась униа.

чине. Из гонимых, отданных на произвол польских помещиков на местах, галицкие будители на короткий срок вдруг становятся союзниками зашатавшейся империи. Страх перед оживлением польского революционного движения заставил австрийскую администрацию пойти на уступки национальному движению русинов.

Галицкая национальная интеллигенция оказалась совершенно не подготовленной к такому повороту событий. Я. Головацкий, Н. Устиянович, И. Вагилевич сидели в своих глухих приходах, Зубрицкий был уже стар и политиком не был. Никакой политической программы русинов не существовало — и «уряду» легко было найти наиболее покладистых представителей еще недавно гонимого племени. Наметившееся вначале сближение передовых деятелей русинов с польскими демократами вскоре оказалось невозможным, т.к. последние вообще отказывали русинам в самостоятельном национальном существовании и причисляли их к польским племенам [107, с. 58].

В польский лагерь перешел только Вагилевич [подробнее см., напр., 107]. 2 мая 1848 г. оформился политический орган галицких русинов — была создана «Головная руская рада» из 66 человек, в нее входили мелкие чиновники, интеллигенция, представители низшего и высшего духовенства, студенты. Председателем был избран епископ Григорий Яхимович [115, с. 475], как мы увидим дальше, деятель либеральный, но весьма осторожный. Печатным органом Рады стала газета «Зоря Галицкая» — первая газета русинов. По призыву Рады на местах стали создаваться ее филиалы, местные рады, порой более решительные, чем Головная. Их было организовано около 50 [98, с. 476].

В революционные 1848–1849 годы были остро поставлены насущные вопросы экономической, национальной и культурной жизни Галичины. В своей экономической программе «Головная руская рада» предусматривала ряд умеренных прогрессивных преобразований [98, с. 475].

В революционные годы окончательно был решен вопрос о невозможности выступления единым фронтом русинов и представителей польских буржуазно-шляхетских кругов, отрицавших национальные права русинов. Агитация деятелей пропольского Русского Собора, несмотря на участие в его работе Вагилевича, не получила поддержки крестьян, которых пытались уверить, что паны благодетельствовали крестьянам до прихода немцев, пруссаков и москалей, т.е. до разделов Польши [107, с. 58], ни будителей, которых пугали Москвой. Знаменательно, именно на материалах Русского Собора видно, как польскими панско-шляхетскими кругами в Галичине была взята на вооружение только набиравшая тогда силу теория украинского национализма. На страницах органа Собора «Дневника Русского» мы находим большую статью, подписанную инициалами Ф.С., в которой дается своеобразная концепция истории Руси, начинающейся с Киевской Руси. Татарское иго принесло разделение Руси на две части, из которых одна прозябала под турецким игом, а другая

процветала под польско-литовской эгидой. Фанатизм иезуитов вызвал ненависть и возмущение народа. И тут явился пан Хмельницкий, в невзгодах неразумный, дикий, необузданный в мести. В истории Малороссии только два человека понимали, что необходим союз с Польшей и недопущение влияния России — это Выговский и Мазепа. Последний хотел «скинуть ненавистное ярмо», это ему не удалось. «Русь» (т.е. Украина) подпадала под власть России и потеряла свои свободы [107, с. 59]. Разумеется, такая концепция была неприемлема для галицких будителей.

Важнейшим был вопрос о национальной самоидентификации русинов. В воззвании к народу «Головная руская рада», сообщая о предоставлении императором конституции, впервые в официальном заявлении утверждала: «Мы, русины галицкие, принадлежим к великому русскому народу, который говорит на одном языке и составляет 15 миллионов, из которого два с половиной миллиона населяют Галицкую землю» [98, с. 475]. Это заявление соответствовало тогдашним воззрениям галицких будителей, причислявших себя к малорусскому (по нынешней терминологии — украинскому) племени. Так, в своей брошюре Головацкий писал, что русинское или малорусское племя (russinische oder kleinrussische Stamm) после великорусов самое сильное, по Шафарику оно насчитывает 10 370 000 живущих под русским скипетром и 2 774 000 под австрийским [143, с. 3] «Нарід Руский» располагатся «з поза гір Бескидських за Дон» — сообщается в «Русалке Днестровой» [118, с. IX]. Но это были лишь частные мнения. Официально провозгласить их стало возможным только в революцию. Однако эту точку зрения посланцы русинов не решились отстаивать перед губернатором края Ф.Стадионом. Когда депутация русинов, состоявшая из 6 членов, пришла к Стадиону, он спросил их: «Кто вы?» Они ответили на это: «Мы рутены» (Wir sind Ruthenen). Стадион возразил на это: «Такой ли вы народ, как население России?» Они отвечали: «Население России есть схизматическое, мы к нему себя не причисляем». Стадион спрашивал их далее: «Какое письмо (т.е. шрифт) употребляете вы?» Они ответили: «У нас есть старое церковное письмо». Стадион опять спросил: «А может быть, что это такое письмо, как гражданка в России?» Депутация не могла дать удовлетворительного ответа, так как не знала истории русского письма. Об этом разговоре через десятилетия поведал деятель русского движения Богдан Андреевич Дедицкий [122, с. 122]. Об этом эпизоде с горечью и стыдом говорит в своей статье 1866 г. Иван Григорьевич Наумович, один из наиболее ярких лидеров русского движения в Галичине XIX в. «В 1848 г. нас спрашивали: кто мы? мы сказали, что мы всемирнейшие рутены. Господи! если бы праотцы наши узнали, что мы сами прозвали себя тем именем, каким окрестили нас во время гонения наши наилютейшие враги, они в могилах зашевелились бы... Мы клялись душою-телом, что мы не русские, не Russen, что мы так себе, рутены, что граница наша при Збруче, что мы сторонимся от Russen, как от окаянных схизматиков, с которыми ничего общего не хотим

иметь. Какое ваше письмо? — допрашивали нас далее. Мы сказали, что письмо наше такое, как в церковных книгах, и опять душой-телом отрекались гражданки, будто она Serbisch-russische Civilschrift и чужая нам. Так никого удивить не может, если нам, рутенам, некоторое время после того, не позволили употреблять ни русские выражения, ни русскую гражданку, ни русскую скоропись, а допустили лишь, чтобы нам, как рутенам, свободно было писать просьбы в ведомства и суды и печатать книги церковной кириллицей и таким языком, на каком говорят в окрестностях ведомства и суда по торгам и корчмам. И почему же мы не сказали, в 1848 г., что мы русские, что граница наша не Збруч, но что она идет дальше Днепра? Мы не сказали этого для того, чтобы правительство не опасалось, чтобы мы, связанные тысячелетней историей, церковным обрядом, языком и литературой с великим русским народом, не пожелали оторваться от Австрии. Мы опасались в 1848 г., что нас, как русских, не допустят к конституционным свободам и как слабеньких придушат так, что не дохнем русским дыханием... Нам русским никогда не приходила мысль оторваться от Австрии, с которой нас связала судьба и вяжет постоянно надежда лучшей будущности...» [122, с. 231]. Автор этой филиппики, И. Наумович, в 1848 г. не мог еще сказать ничего вразумительного — двадцатидвухлетний семинарист вступил тогда в польское «Общество братьев», провозглашавшее братство русинов и поляков, и попробовал вести пропаганду среди крестьян. Но первое же столкновение с ними кончилось комически. Пропольские речи юного семинариста вызвали хохот слушателей. Наконец, один из крестьян спросил: «Чи вы, паничу, не русска дитина. Ваш тато ходит на службу Божу до церкви, що вы за такой поляк?», другой сорвал с головы Наумовича конфедератку и бросил в Днестр, а какой-то парень попробовал просто подражаться с семинаристом, который не смог произнести ничего внятного. По словам самого Наумовича, этот случай произвел переворот в его воззрениях [85, с. 13]. О единстве русского мира и о русинах как части его заявил, кажется, в 1848 г. только черновицкий униатский священник Спиридон Литвинович, бывший позже галицким греко-католическим митрополитом [15].

Во время революции впервые был поставлен вопрос о национальном размежевании русинов и поляков в Галиции и выделении Восточной Галиции вместе с Северной Буковиной, тогда в нее входившей, в отдельную провинцию. Это требование было выдвинуто «Головной русской радой» 9 июня 1848 г. в обращении к императору [98, с. 477], вопрос позднее был поставлен перед министерством внутренних дел и в рейхстаге, его поддержали местные рады — к концу января 1849 г. было собрано более 200 тысяч подписей [98, с. 477]. В поддержку этого требования выступил со своей брошюрой «Границы между русским и польским народом в Галиции» Д.И.Зубрицкий. Брошюра вышла в 1849 г. на польском и немецком языках [151, 152]. В январе 1849 г. делегация русинов Закарпаття во главе с А.И.Добрянским вручила императору петицию об

объединении Восточной Галиции и Закарпатья. С подобной петицией в апреле выступила и «Головная руская рада» [98, с. 483]. Однако правительство игнорировало эти требования, рейхстаг вообще 4 марта 1849 г. был распущен [98, с. 477]. Более того, Буковина, в которой официально была разрешена Православная Церковь, перестала быть частью Галичины, а конституцией 4 марта 1849 г. была провозглашена коронным краем [98, с. 483]. Галичина осталась в составе Галиции, в западной части населенной поляками, что позволило правительству после краткого испуга вновь отдать галичан во власть польских панов.

Насущными вопросами в Восточной Галичине были вопросы национальной культуры, испытывавшей, как мы видели, жестокий прессинг польско-австрийской администрации. Революция открыла новые возможности для развития национальной культуры русинов, а последующей реакции не удалось свести на нет ее плоды. Впервые начала выходить на «русском» языке пресса¹⁴. Идея выпуска галицкого периодического издания носилась в воздухе еще до взрыва революции в Вене 13–15 марта 1848 г. Эту идею поддерживал либерально относившийся к национальному движению русинов губернатор Галиции в 1847–1848 гг. немец граф Стадион (недаром замененный в июне 1848 г. венской администрацией на преданного династии поляка В.М.Залеского) [98, с. 471]. Так, Д.Зубрицкий пишет Я.Головацкому 2 марта 1848 г. в село Хмелевое, где тот был священником (приводим текст без перевода): «Уже за несколько недель назад некоторые из наших Русских ревнователей начали под влиянием Ставропигианского Института советовать об издании Русскаго Журнала на нашем диалекте. Г-н Губернатор, который и для Ставропигии, и для нашего народа благорасположен, настаивает на этом и обещался исходатайствовать позволение в Вене... Начали меня хлопотать... чтоб я занялся редакциею... Вот новая забота! Новый труд мне старому человеку, над могилою, который едва ли две или три строки писал на Малорусском наречии!» [57, с. 22]. Зубрицкий склонен был все же дать свое согласие, из этого плана, однако, ничего не вышло, а революционные события поставили на повестку дня издание не развлекательного журнала, а политической и литературной газеты. Ею стала «Зоря Галицкая», выходившая с 15 мая 1848 г. под редакцией Антония Павенцкого. После 19 декабря 1848 г. редактором стал Ив.Гушалевиц [111, с. 611]. С июля 1849 г. начал выходить официальный орган «Галичо-Руский Вестник», под редакцией Николая Устияновича. Были основаны и начали выходить также газеты «Новины» и «Пчола».

13 сентября был издан патент об открытии кафедры «русского» языка во Львовском университете, кафедра была открыта с начала 1849 г. и профессором был приглашен Я.Головацкий. В том же 1849 г.

¹⁴ Заметим попутно, что «русский» язык, порой самими галичанами называемый «малорусским», а советскими украинскими историками переводимый «украинский», был во время революции весьма пестрым и порой достаточно далеким от украинского языка Тараса Шевченко.

он издает свою Грамматику русского языка [36]. И в этом, и в другом случае речь идет о «русском» («малорусском») языке, как определяет его Головацкий (с. 7). В правописании использована «максимовичевка», сам язык, как видно даже при беглом знакомстве, довольно сильно отличается от современного украинского языка, как и языка Шевченко¹⁵. Поскольку разрешена была только церковнославянская азбука, книга напечатана кириллицей. Грамматика употреблялась в качестве учебника в школах и имела «технические выражения, заимствованные из великорусских грамматик» [122, с. 175].

В 1849 г. возникла идея создать Народный дом. Мысль подал священник Лев Трещаковский. Во Львове нужно построить специальное здание, в котором могли бы сосредоточиться все средства, способствующие духовной жизни, — библиотека, музей, место для различных собраний и т.д. Делом постройки и сбором пожертвований занялась «Головная русская рада», а когда она была распущена, в 1851 г. дело было передано комитету из 10 членов и, наконец, в том же году император Франц-Иосиф собственноручно заложил первый камень [122, с. 153]. Народный дом оставался национально-культурным центром вплоть до 1939 г. Пожалуй, одним из наиболее важных культурных явлений революционного периода было создание Галицко-русской матицы. Культурно-просветительные общества, Матицы, к 1848 году уже существовали у сербов, чехов, хорватов, лужичан. И в момент национального подъема весны 1848 г., 17 мая на заседании «Головной русской рады», советник краевой бухгалтерии Иоанн Гуркевич предложил основать Матицу по образцу других славянских матиц и представил проект ее устава. Предложение было принято, и 4 (16) июня председатель Рады провозгласил основание Матицы и предложил присутствующим участвовать в сборе фонда для издания «общеполезных книжек народных русских» [38, с. VIII, см. также 103]. Издательская деятельность с того времени и вплоть до 1939 г. стала главной задачей Матицы, хотя собственной типографии ей так и не пришлось иметь. Согласно уставу членами ее могли быть как организации и общества, так и отдельные лица без различия сословия и веры. Только члены правления должны были быть обязательно «обряду греческого», что исключало в дальнейшем возможность колонизации общества.

Однако вновь организованное первое галицкое научно-просветительское общество не имело базы для своей работы. Необходимо было собрать национальные научные силы, и первую идею Собора русских ученых подал в «Головной русской раде» Николай Устияно-

¹⁵ Вероятно, к подобной близости не стремился и сам Головацкий. Указывая на особенности произнесения отдельных букв в словах в разных частях Галичины, Головацкий среди прочего, например, замечает (буква «о» читается как «и». — *Н.П.*): «На Оукраине говорят: возьме, только, сколько зам, возме, только, колько» [36, с. 19]. Впрочем, в научной литературе отмечается, что Грамматика Головацкого оказала позитивное влияние на южноукраинские грамматик 2-й пол. XIX — нач. XX в. [42, с. 165–167].

вич. Собор состоялся в октябре 1848 г. На съезде присутствовало 99 ученых, работало несколько секций, были поставлены серьезные животрепещущие вопросы. На первом же заседании председатель Матицы Михаил Куземский подчеркнул, что для народного просвещения нужны книги, и именно издание необходимых книг должна осуществлять Матица силами собравшихся здесь ученых. На заседании секций были приняты знаменательные решения. Так, «Отдел любомудрия и наук природы» занимался составлением программы обучения философии, и на нем было решено приобрести новые книги из России по философии, математике и физике по одному экземпляру за счет членов секции.

Председатель секции истории и географии Антоний Степанович Петрушевич поставил вопрос о планомерном изучении истории родного края, его прошлого как части истории всей Руси.

На секции училищ была утверждена программа обучения, причем среди языков европейских предполагалось во втором классе изучать русский литературный язык. Наконец, секция языка и словесности под председательством Я. Головацкого занималась проблемами того самого «русского» языка, на котором должны были издаваться труды Матицы и вестись преподавание. В своем докладе на секции Головацкий говорил, что «мова» (язык) в общем значении «русская» делится на три языка — южнорусский (малорусский), или как у нас говорят «русский», великорусский и белорусский, однако в Галицкой и Угорской Руси есть наречия, которые не совсем сходны с малорусским (украинским). Секция попыталась выработать единые правила, первым из которых было: «мы должны держаться того языка, каким наш народ говорит, но в то же время считаться с этимологией¹⁶, если понадобится». Алфавитом признавалась как кириллица, т. е. буквы церковнославянские, так и гражданская азбука (принятая в России с Петра Великого), некоторые гражданские буквы снабжались фонетическими значками. Авторам оставлялось право не придерживаться принятого правописания. На пленарном заседании было создано «Общество просвещения народного», включавшее в свой состав Галицко-русскую матицу, однако только сама Матица стала живым действующим учреждением, прибавлявшим в 50-е годы к своему названию лишь громкий титул общества [103, с. 64–65]. Основная часть Матицы были галичане, и притом небогатые, никакой помощи извне она не получала на протяжении всего своего существования. Хотя при основании было постановлено, что Матица будет иметь свою типографию, осуществить этот план ей не удалось. Историю основания Матицы мы находим в сборнике, из-

¹⁶ Галицко-русские деятели придавали особое значение этимологическому правописанию (принятому в России до 1918 г.), особенно букве «ять». Читаемая в русском языке как «е», в украинском как «и», в польском как «я» и т. д., буква «ять» как бы сохраняла корни древнеславянского единого языка. На протяжении десятилетий советской власти в Галичине старые «русские» деятели сохраняли порой в переписке этимологическое правописание вплоть до своей кончины.

данном Я. Головацким. Годом издания помечен 1850 [38]. Вероятно, книжка вышла в самом начале года или издание задержалось — сборник носит № 5 изданий Матицы, а упоминавшаяся грамматика Головацкого вышла в 1849 г. и носит № 6.

Как видим, революционные годы прошли еще под знаком развития местной культуры и языка, даже близость с Украиной, кажется, лишь раз была громко провозглашена. И тем не менее для русского движения это были важнейшие годы. Основанный тогда Народный дом и особенно Галицко-русская матица¹⁷ стали наряду со Ставропигийским институтом почти на столетие культурными центрами русского движения. Когда были сняты, хотя и на короткое время, жесткие административные заслоны, началось мощное проникновение русской культуры и литературы в затхлую до того жизнь Галичины, причем скорее надо говорить не только о собственно русской литературе, но о литературе из России, и из Украины как части ее. Так, И. Борисикевич издал в 1849 г. «Марусю» Г. Квитки-Основьяненко, Я. Головацкий поместил в «Пчолу» статью о Иване Котляревском (1849, № 3, с. 37–41) [98, с. 479], а также посчитал необходимым перевод «Тараса Бульбы» Гоголя на родной язык галицкого крестьянина. Он поручил это сделать своему брату Петру в начале октября 1849 г., а в ноябре перевод уже был представлен в цензуру. (С некоторыми отступлениями от текста и добавлениями книжка вышла только в 1851 г., год издания указан 1850 и переводчик помечен лишь инициалами из опасения быть обвиненным в русофильстве) [70, с. 37–39.] Весь тираж был быстро раскуплен. На страницах «Галичо-русского вестника» в 1849 г. были напечатаны рассказы Даля «Легко пришло и легко ушло» и «Рождество и служба», рассказ Соллогуба «Нечистая сила». Не считая упоминавшейся нами оды «Бог» Державина, изданной Зубрицким в 1830 г., это были первые произведения русских писателей, напечатанные в галицких изданиях [70, с. 46]. В 1848 г. Богдан Дедицкий¹⁸, по собственному признанию, «передал ужасными стихами «Слово о полку Игореве», которое и было напечатано Гушалевицем в его журнале «Пчола» в 1849 г. [61, т. 1, с. 49, № 580], причем сам Дедицкий позднее удивлялся, как мог Гушалевиц, напечатать «такой фальсификат» на страницах своего журнала [70, с. 50–51]. Зимой 1849 г. Дедицкий написал поэму «Конюший», в которой «дерзнул подражать поэме Лермонтова «Боярин Орша» [70, с. 51].

Уже на этих немногочисленных примерах — а их много больше — мы видим тягу галицкой интеллигенции к России, ее культуре, языку, литературе. Эта тяга проявлялась вопреки антирусскому направлению политики австрийской администрации. Именно в революционные годы естественно, стихийно складывались основы буду-

¹⁷ Украинские ученые очень не любят называть Матицу Галицко-русской. По их терминологии, это украинская «Галицько-руська» матиця [см., напр., 132, т. 2, с. 450].

¹⁸ Как он сам себя назвал много позднее, «галицко-русский поэт-дилетант» [70, с. 51].

шего русского движения, складывались не вопреки фольклорной языковой, а отчасти и культурной близости с «Малороссией», т.е. Украиной — она сохранялась и даже крепла, а расширяя эту близость до границ всего русского племени. Тогда же, в революционные годы, складывался и круг будущих «русских» деятелей Галичины. В своем труде Ваврик называет наиболее известные имена [8, с. 32–44]. Среди них Николай Леонтьевич Устиянович (1811–1885), Богдан Андреевич Дедицкий (1827–1909), Иоанн Николаевич Гушалевич (1823–1903), Антоний Степанович Петрушевич (1821–1913), Михаил Иванович Малиновский (1812–1894), Антоний Любич Могильницкий (1811–1873), Иосиф Петрович Лозинский (1807–1889), Иосиф Васильевич Левицкий (1801–1860), Василий Степанович Ильницкий (1823–1891), Василий Дамианович Ковальский (1826–1911), только что отошедший в 1848 г. от своих польских порывов тогда еще семинарист Иоанн Григорьевич Наумович (1826–1891). Многие из этих представителей, по формулировке Ваврика, «галицко-русской письменности», станут в 50-е годы активными деятелями русского движения, а в 60-е его политической базой¹⁹. Наиболее яркими лидерами в 50-е годы были, безусловно, Денис Иванович Зубрицкий (1777–1862) и Яков Федорович Головацкий (1814–1888).

2. ГЛУХИЕ 50-е

Поражение революции означало для Галичины потерю тех надежд, которые на нее возлагались. «Революция ускорила улучшение состояния нашего поселянина, и то есть единственное ее благое последствие», — писал М.П.Погодину Зубрицкий в сентябре 1848 г. [106, с. 185]. Однако отмена барщины на деле едва ли не ухудшила положение крестьянина, т.к. он лишился прав на сервитуты, т.е. луга и пастбища («лиса и пасовиска»). И в апреле 1858 г. тот же Зубрицкий с горечью напишет, что множество крестьян, «уже обнаженных, брошенных по городам и местечкам», что «настоящее их состояние незавидное, а будущая судьба Богу только известна». «Легче было отработать один или два дни в неделю барину, употребив к тому домашнюю челядь, как теперь платить огромные подати» [111, с. 609]. Едва оправившись от испуга, вызванного революцией, венское правительство вернулось к своей традиционной политике — тесному союзу с польской помещицей верхушкой в Галичине. В 1849 году губернатором назначается Агенор Голуховский, граф, сторонник колонизации края. (Недаром «Голуховский запретил Матице и редакциям русских газет употреблять гражданский шрифт и выражения, заимствованные из общерусского литературного языка» [122, с. 169]²⁰).

¹⁹ К деятелям русского движения принадлежал, безусловно, среди других и брат Я.Ф.Головацкого Иван, врач в Вене (1814–1899). Именно он в 1846–1847 годах издал альманах «Венок русинам на обжинки», где он поместил часть материалов из запрещенной «Русалки».

²⁰ В начале 1852 г. последовало официальное цензурное предостережение, чтобы «не употреблять московских слов под опасением запрещения». Об этом Зубрицкий писал Погодину [111, с. 587. См. также 58, с. LVI].

Постепенно сводились на нет приметы оживления национальной жизни, возникшие в революционные годы. В 1851 г. была распущена «Головная русская рада», «Зоря галицкая» с 1 марта 1853 г. стала исключительно литературной газетой, а в 1857 году вообще прекратила существование [111, с. 611; 58, с. LXVIII]. О тяжелой картине после-революционной реакции писал в частном письме Ганке в 1855 г. Я. Головацкий. Ганка переслал письмо через Гильфердинга редактору-издателю «Русской беседы», и так письмо попало на страницы русского журнала. Головацкий с горечью пишет, что перестают выходить главные периодические издания, задерживается печатание книг, не выходят даже учебники. В заключение ученый пишет знаменательные слова: «Несчастный год, поправший Галицию неурожаем, дороговизною, губительною язвою на людей и помором на скот, а литературу злобными, односторонними, краткозракими, самолюбивыми людьми» [104, с. 94–95]. Много позднее Головацкий писал о Голуховском: «Под его руководством выработана была отмена сервитутов, т.е. права бывших крестьян на леса и пастбища, исключительно в пользу помещиков к крайней обиде простого народа...» Голуховский всеми силами препятствовал разделению Галиции на русскую и польскую половины [37, с. 18–19].

Однако духовная и культурная жизнь в этих трудных условиях продолжалась, и в это десятилетие складываются основы русского движения, которое получило прозвание «москвофильство» или «руссофильство», а деятели его именуются руссофилами и москвофилами. Украинская историография, как досоветская львовская, так и советская, не жалеет черной краски при упоминании о москвофилах. Напр., «лидеры “москвофильства”... выслуживались перед русским царизмом. Одновременно они пытались добиться расположения польской шляхты, австрийских господствующих слоев» [88]. Москвофилы «субсидировались царской администрацией» [132, т. 2, с. 551], «были далеки от русского народа» [99, с. 202] и т.д. Наибольший накал вызывал, прежде всего, языковой вопрос, проблема литературного и научного языка Галичины. Готового украинского языка науки тогда еще не существовало, галичанам пришлось бы только участвовать в его создании. Следует возвратиться к церковно-славянскому языку, языку богослужения? Или развивать язык, которым говорит народ... но где? Под Киевом или на Лемковщине, где местное наречие ближе подходит к формам русского литературного языка, или, наконец, обратиться к уже давно сложившемуся русскому литературному языку? Это, казалось бы, наиболее естественное решение вызывало наибольшее отторжение всех противников москвофилов, ибо, если литературный и научный язык един для всей территории древней Руси — Малой, Белой, Червонной, — то, следовательно, это единый народ, а следовательно, украинцев как отдельной нации, противостоящей «москалям», тоже нет... Поэтому-то становится понятным то, что наибольший гнев у оппонентов руссофилов вызвала деятельность даже не откровенно отстаивавшего свои руссофильские взгляды престарелого Зубрицкого, как мы увидим чуть ниже,

много сделавшего в 50-е годы для русского движения, а Якова Федоровича Головацкого, который, по формулировке Свистуна, «сначала стоял на правительственной точке зрения и намерял образовать отдельный южно-русский язык, но по мере того как расширял свои исторические, языкословные и литературные сведения, начал опускати защищаемые ним взгляды и склоняться в сторону одного общерусского литературного языка и одной общерусской словесности» (сохраняем специфику языка Свистуна) [122, с. 174]. Сподвижник Маркиана Шашкевича, один из «Русской Троицы», издатель «Русалки Днестровой», которого позже назовут «Галицким Ломоносовым», лингвист, историк и этнограф, с начала 50-х годов Головацкий был потерян для сторонников украинского языка в Галичине. «Надежд, которые возлагали на Якова Головацкого Русины, он как профессор университета не оправдал. В идеалах молодых лет он скоро изверился» [57, с. СIV]. «Изменениям взглядов» Головацкого посвятил большое исследование М.Возняк [18]. По мнению советского историка М.Й.Шалаты, после 1849 года Головацкий «навсегда свернул с правильного пути»; как утверждает советский украинский историк А.Пашук, он был центром конспирации кружка галицких москвофилов, действовавших в пользу царизма [105, с. 153] и т.д.

Однако зададимся вопросом, правильно ли вообще говорить о переходе на москвофильские позиции Головацкого или кого-то из его сподвижников. В 50-е годы в той или иной степени к «русскому» движению принадлежали едва ли не все будители не только Галичины, но и Закарпатья. (Во главе с Александром Васильевичем Духновичем, которого украинские авторы упорно стараются представить украинским педагогом и общественным деятелем, поскольку замолчать его деятельность просто невозможно.)²¹ В решении вопроса о литературном языке Галичины будители с начала 50-х гг. отходят от «русского» языка, признанного габсбургской администрацией во время революции за национальный язык галичан, на котором выходили официальные документы, а также пресса и литературные произведения. Это язык, близкий нынешнему литературному украинскому языку, хотя и не идентичный ему. Начинаются поиски путей создания литературного и научного языка. Этапы этих поисков ярко отразились на научном творчестве Головацкого. Он обращается при выборе форм языка, на котором писал научные работы, не к современным образцам украинской художественной литературы, а к старинным памятникам, на некоторое время переходит в своих работах на так называемое «язычие» — смесь народного, древнерусского, церковно-славянского и русского языков, а к началу 60-х годов в печатных работах переходит полностью на русский литературный язык. В то же время позднее он писал, что «никто из поборников общерусского языка не чуждался и

²¹ Как пишет Я.И.Грицак, общественно-политические взгляды Якова и Ивана Головацких «постепенно эволюционировали в сторону “москвофильства”. В этом отношении они разделили судьбу большей части деятелей первой волны украинского национального возрождения в Галичине 30–40-х годов XIX в.» [42, с. 53].

не чуждается народного говора. Все они признавали и признают необходимость писать популярные сочинения на местном наречии для лучшего понимания полуграмотного или вовсе неграмотного народа. Но каждый писатель должен стремиться образовать народ, развивать и обогащать язык на природных, естественных и присущих ему началах, очищать его от чуждого, наносного хлама, пополнять все утраченное в лексическом и грамматическом отношении словами из того языка, который лучше сохранил свою чистоту, то есть славяно-русский или общерусский. На этой дороге народ остается русским, цельным народом...» [37, с. 68–69].

Этапы освоения русского литературного языка, пройденные Головацким за 50-е годы, растянулись в целом и в научной, и в художественной галицко-русской литературе на десятилетия. До конца XIX в. господствовавшим оставалось язычие. Этот «особый русский язык», как назвал позднее осудивший его Пыпин, до недавнего времени считался «москвофильским» явлением, инспирированным М.П.Погодиным, и зачастую Я.Головацкого обвиняли за приверженность «язычию». Лишь недавно была сделана попытка проследить у Головацкого в этом вопросе славянофильские тенденции [42, с. 22–24. См. также 104, с. 99–100]. Нам думается, что устойчивое присутствие «язычия» в галицко-русской литературе можно объяснить тем, что значительным его элементом был церковно-славянский язык, язык богослужения. Писателями часто были священники, а читателями их прихожане, хорошо понимавшие язык батюшек, хотя и не говорившие на нем. Степень близости к разговорному народному языку, как и к русскому литературному, в каждом конкретном случае была очень различной. Нельзя забывать и того, что в 50-е годы будителям приходилось подделываться под официальный «рутенский» язык²² — иначе книгу не пропустила бы цензура, отмененная во время революции и возрожденная после ее поражения. Недаром гражданка была запрещена и книги печатались в значительной мере церковно-славянской кириллицей.

Против утверждения, что Погодин «виновен» в распространении «язычия», говорит не только то, что оно легко привилось и долго сохранялось, но и факт, что сходные явления наблюдались и в Закарпатье, хотя в менее резкой форме. Там «русский язык, мало чем отличающийся от русского литературного языка (т. наз. подкарпатская разновидность русского литературного языка)» утвердился в произведениях карпато-русской письменности во 2-й пол. XIX в. [34, с. 67]²³. В Галичине этот процесс запоздал.

²² «Приказано было составлять учебники на галицко-русском (рутенском) жаргоне» [37, с. 53].

²³ Языковой проблеме Закарпатья посвящено серьезное исследование крупнейшего карпатского языковеда, фольклориста и историка проф. Георгия Юлиановича Геровского (1886–1959). Труд был опубликован на страницах чешского журнала в 1934 г. на чешском языке. В 1995 г. перевод с чешского вышел отдельной книгой в Москве [34]. К сожалению, подобного труда по проблемам языка Галичины донныне нет.

Наряду с Головацким, лидером русского движения в Галичине в 50-е годы оставался Зубрицкий, не переживший языковых изысканий и опытов, а однозначно стоявший за русский литературный язык как язык культуры и науки в Галичине. Понимая, как важно, чтобы исторические корни общерусского единства были известны галицкому читателю, престарелый Зубрицкий предпринимает труд по древней истории Галичины. В июне 1851 года он возобновляет переписку с М.П.Погодиным. «Три года — пишет он, — я не имел удовольствия переписываться с Вами, Милостивый Государь... Наша революция помешала все сообщения с Россией, и она остается для нас опять terra incognita — а мы никогда не нуждались столько в помощи Русских ученых как в настоящее время» [111, с. 584–585]. И далее Зубрицкий сообщает своему московскому другу, что им уже составлена «родословная карта всех князей Рюрикова поколения...слишком 670 лиц», а также окончена первая часть Истории Галицкого княжества. Причем ученый пишет на русском литературном языке, стараясь «по возможности избежать и Хохлацизмов, и Полонизмов» [111, с. 586]. Более того, считая, что народное наречие не годится для языка научных трудов, во втором томе своей «Истории» он даже обмолвился знаменитой фразой, назвав его «областным наречием галицкой черни» [54, т. 2, с. 47. См. также 108, ч. 1, с. 57]. Украинские историки в своих обвинениях Зубрицкому, разумеется, любят вспоминать эту цитату²⁴.

Ученый возлагал большие надежды на свой труд. «Если же мы, — пишет он Погодину в том же письме, — успеем бросить в народ несколько сот экземпляров Истории, тогда мы упрочим навсегда русскую стихию; ибо невежество в этом отношении доселе было невероятное» [111, с. 588]. Эти надежды, однако, не сбылись. В 1852 г. вышли первые два тома, но расхворались они плохо, разумеется, в школы их не допустили. И более того, на подписавшихся на них, как сообщает Нил Попов, правительство стало смотреть «как на своих противников, так что многие из них отказались от вторичной подписки, боясь, чтобы их имена не были обнародованы». Собирающие подписчиков на третий том было вообще запрещено не только в Галичине, но и в Закарпатье. Он, правда, вышел в 1855 г. Но четвертого тома Зубрицкий выпустить уже не смог, он заменил его отдельным трудом «Аноним Гнезенский и Иоанн Длугош» [111, с. 543; 53]. В России труд Зубрицкого распространения не получил, а «Аноним Гнезенский», вышедший в количестве 200 экземпляров,

²⁴ Так, напр., Г.Ю.Гербицкий пишет: «В национальном вопросе Зубрицкий стоял на погодинских позициях, признавая российский (“русский”) народ единым народом от Карпат до Тихого океана, а украинский язык наречием единого российского. Отсюда его отрицательное и презрительное отношение к украинскому языку, который он называл “областным наречием галицкой черни”... Пресмыкаясь перед российским самодержавием, Зубрицкий оставался верноподанным габсбургской монархии...» [31, с. 80–81].

уже в конце XIX в. составлял в России библиографическую редкость [111, с. 544].

Вокруг престарелого Зубрицкого группировались галицкие будители. В порыве восторженности он назвал свой кружок в письме к Погодину «Галичорусской Погодинской колонией», а себя «Атаманом Погодинской колонии в Галиции» [111, с. 597, 598]. Однако не стоит преувеличивать роль Погодина в становлении «москвофильского» направления в культуре Галичины (хотя этот термин возник в 60-е годы наряду с термином «украинофильство», «украинофилы», которых в 50-е годы еще вообще не существовало.) Симпатии, интерес к русской культуре, близость языка, красота русской классической литературы был, очевидно, достаточно широк, поскольку на страницах галицкой прессы появляются все чаще произведения русских писателей, правда, в «передруках». Это не переводы на родной язык, а лишь замена некоторых форм, скорее всего для того, чтобы обеспечить прохождение текстов через цензуру. «Перепечатками или передруками, — писал позднее Богдан Дедицкий, — следовало бы назвать все наши переводы из Московского, так как вся работа наших переводчиков состояла преимущественно лишь в том, что московские формы слов, например: “что, как, это, очень, святой, ходит, идет” переводили на наши: “що, як, то, дуже, святий, ходити, иде” [70, с. 47]. В 50-е годы галицкий читатель познакомился со стихами Пушкина, Языкова, Хомякова, баснями Крылова [70, с. 46]. И, вероятно, Зубрицкий был прав, когда писал Погодину в мае 1852 г.: «Что касается нашей литературы, образования и других обстоятельств, — невзирая на препятствия, запрещения и недостаток книг, хотя и медленно, все поступает к лучшему, и будущее поколение сулит нам прекрасные плоды. Юношество читает с восхищением русские книги, вникает в язык, понимает его и подражает ему, и теперь, хотя бы и запрещено было преподавать русский язык, что, может быть, и последует, то уже возникшее стремление не остановится» [111, с. 588]. Продолжала выпускать свои издания Галицко-русская матица. Если в первые полтора года было выпущено только 6 книг, то к началу 60-х гг. их уже насчитывалось приблизительно 30 [103, с. 66], причем среди них много учебников [124, с. 210–211]. На страницах периодической прессы постоянно мелькают имена будущих «москвофилов» — Наумовича, Петрушевича, Гушалевича, Устияновича. Разбуженное революцией русское движение набирало силу. Особняком стоит попытка молодого Северина Шеховича издавать якобы на русском литературном языке сначала в 1853 г. женский журнал «Ладу», а затем ежемесячный журнал «Семейная библиотека», выходивший два года в 1855–1856 гг. и тоже прогоревший. Зубрицкий весьма критически отзывался о Шеховиче, называя его ненадежным вертопрахом [111, с. 596]. И знаменательно, что в проспекте «Лады» Шехович предлагает подписчицам выпускать журнал «латинскими черенками» и просит их «выразити свою волю». В 60-х годах он участвует в украинофильских изданиях, а в 1871–1872 гг. издает

«Господаря» «латинскими черенками» [58, с. LXXV–LXXVI]²⁵. Но опасность «Абецадла» подступила к галицким будителям не от Шеховича. В 1859 г. наступление на кириллицу в ее гражданском и церковно-славянском обличи начал губернатор Галичины Агенор Голуховский. Акция была, казалось, надежно подготовлена и рассчитана на внезапность. По заданию Министерства культов и образования Империи известный чешский будитель, австрийский чиновник Йосеф Иречек выпустил в начале 1859 г. на немецком языке брошюру [144]. В ней русинам предлагалось писать латинскими буквами. По всей вероятности, сам Иречек был введен в заблуждение и уверен в том, что вопрос о латинском алфавите для Галичины уже решен и нужна лишь форма правописания, — он и предложил форму, скроенную по чешскому образцу [148, с. X].

Во второй половине мая 1859 г. несколько представителей галицкого высшего духовенства и деятелей образования Галичины получили брошюру вместе с предписанием, подписанным губернатором Галичины графом Агенором Голуховским 15 мая, в котором содержится приглашение принять участие в работе комиссии, созываемой министром культов и просвещения 30 мая. Весь тон приглашения, а скорее именно предписания, показывает, что вопрос уже решен, что от участников комиссии ожидают только «всестороннего исследования», какие бы улучшения можно было предпринять, чтобы способствовать пониманию этих мер в широких кругах. А также обсудить те мероприятия, которые следует провести, чтобы латиница была введена в школы уже с ближайшего учебного года [148, с. 2]. В комиссию входил председатель Голуховский, митрополит Львовский Спиридон Литвинович, соборный кустиос Львовского каптула (и председатель Галицко-русской матицы) Михаил Куземский, Яков Головацкий, Йосеф Иречек, Михаил Малиновский и др. — всего 12 человек. Члены комиссии вели себя архилюбяно, однако, лишь двое высказались за латиницу, остальные дружно ее отвергли, причем были выставлены самые разные, но всегда убийственные аргументы. Среди протестовавших был Иосиф Лозинский, некогда, в 30-е годы, как мы помним, предлагавший галичанам латиницу. Посылая ему приглашение, Голуховский приписал, что рассчитывает на него особо, т.к. он в свое время высказался за эту идею и публично ее защищал [148, с. 4]. Однако Лозинский не оправдал его надежд. По мнению Лозинского, новая орфография вызовет стойкое сопротивление «рутенской нации», насильственное ее введение раскол литературу, а ее раскол приведет к устным и печатным перебранкам и даже ссорам в лоне нации [148, с. 163–164]. Как мы увидим, последние слова оказались пророческими!

Открывая новое заседание комиссии, Голуховский прямо заявил, что введение латиницы вызвано необходимостью поставить

²⁵ Левицкий сообщает даже, что в конце 50-х годов Шехович в своих доносах в министерство предлагает между прочим введение в «русское» письмо латинского алфавита [61, т. 1, с. 77, № 803].

преграду распространению великорусского языка. К большому сожалению, русины ничего не сделали, чтобы отграничить свой язык и шрифт от великорусского языка, и поэтому правительство вынуждено было взять инициативу в свои руки [148, с. XIV]. Выступления участников комиссии на четырех ее заседаниях, горячие прения, которые возникли, заставили правительство отказаться от введения латиницы и лишь ограничиться распоряжением несколько модернизировать алфавит кириллицы, а также в учебниках исключить возможность употребления гражданки [148, с. 203–210]. Это был полный провал для Голуховского, он вынужден был уйти в отставку. (Хотя для его карьеры это не сыграло существенной роли, он был слишком нужен австрийской администрации — в том же 1859 г. он был назначен министром внутренних дел Империи вместо отставленного Баха.)

Вся работа комиссии проходила на немецком языке. В 1861 г. Я. Головацкий собрал все материалы и издал отдельной книгой во Львове в типографии Ставропигийского института. Книга состоит из предисловия, изложения всех четырех заседаний комиссии и текстов поданных в нее документов. Всего их 17. Среди них и текст приглашения Голуховского, и мемориал Михаила Куземского от 3 июня 1859 г., и его же протест, с которым он вышел из комиссии, и замечания, а фактически развернутые рецензии на брошюру Иречка М. Малиновского и самого Я. Головацкого, и доклад Голуховского министру внутренних дел фон Баху, в котором содержится прямой донос на Куземского и др. Один экземпляр книги, хранящийся ныне в ГПИБ [148. Шифр 128 01/116], Головацкий прислал в начале 1862 г. А. Ф. Гильфердингу со своей надписью. (На обл.: «Александру Гильфердингу отъ Я. ? Головацака Львовъ 18/II 862 г.».) Но еще гораздо раньше русский читатель был информирован о том, что пытались провести в Галичине. В шестом номере «Русской беседы», редактором которой в 1859 г. был И. С. Аксаков, появилась без подписи статья, заимствованная, как сообщается в подзаголовке, из памятной записки одного из членов комиссии. В ней содержится не просто протест против введения латиницы, а яркая картина планомерной колонизации образования в Галичине, сопротивления ей галицких русинов. Впечатление еще усиливает подстрочное примечание редакции, говорящее о печальной картине взаимных отношений народностей, составляющих общее Австрийское отечество, о своекорыстии польской народности относительно Русской в Галиции, о том, что Вена искусно пользуется раздором, который «упрочивает существование Австрийского владычества» [115, с. 81–82]. Разумеется, ни имя автора, ни имя «одного нашего соотечественника из Австрии», приславшего русский перевод, не указывается. Сопоставление текстов позволяет установить, что статья — сокращенный текст мемориала Куземского, полный текст которого опубликовал в своей книге через два года Головацкий. В коротеньком примечании переводчика, которым завершается публикация, сообщается о провале плана министерства, о запрещении употребления гражданских

букв, даже скорописи в школах. «И все это для того только, чтоб Галицкие Русины не имели ничего общего со всеми прочими Руссами!» [115, с. 92].

Несмотря на гнет, в глухие 50-е все же выходят галицкие книги. И, безусловно, событием можно считать выпуск в самом конце эпохи подготовленного и изданного неутомимым Дедицким большого тома. Посвящение в начале его датировано 30 августа 1860 г., он был напечатан в типографии Ставропигийского института в том же году, частично гражданкой, частично кириллицей под тем же названием, что и прекратившая в 1857 г. свое существование газета «Зоря Галицкая». Это фактически огромный альманах более чем в полтысячи страниц [52], выпущенный специально к поставлению в митрополиты Галицкой Руси Григория Яхимовича (1792–1863), бывшего в 1849–1859 гг. Перемышльским епископом. На фронтисписе — портрет Яхимовича, далее следуют посвящение издателя Дедицкого, поздравительные стихи Николая Устияновича, Луки Данкевича, Александра Духновича, Маркила О.Попеля, а также «Росписание» четырнадцати премий, которые предполагает вручить за «составление наилучших утворов красного и полезного искусства в русском нашем языке и письмом руским» замечательный галицко-русский деятель Михаил Качковский²⁶. Далее следует собственно текст сборника — материалы, традиционные для альманаха будителей. Это стихи, художественная проза, исторические, этнографические, историко-литературные, краеведческие статьи, публикации древних документов. Особый раздел носит название «Дела церковные». Среди авторов мы встречаем имена русских деятелей Галичины — самого Дедицкого, Устияновича, Якова и Ивана Головацких, Гушалевича, Наумовича. Малиновского, Шараневича и др. Наряду с ними участвуют в альманахе и будители Закарпаття — Александр Васильевич Духнович, Александр Иванович Павлович, Анатолий Федорович Кралицкий. Все это «русские» деятели. Однако знаменательно, что наряду с произведениями этих авторов мы находим на страницах альманаха и стихи Владимира Шашкевича, сына Маркиана, поэта украинского, печатавшегося в украинских галицких изданиях, и что еще более знаменательно — поэму Емельяна Огоновского, будущего украинского галицкого литературоведа, яркого противника москвофилов. Недаром историки отмечают, что на первых порах никакого противостояния, а тем более вражды между сторонниками «русского» и «украинского» направлений вообще не было. Это доказывает и альманах Дедицкого, в котором мы наблюдаем и множество разных вариантов языка галичан — это и церковно-славянский, и язычие в его разных видах, и очаровательный язык Маркиана Шашке-

²⁶ Михаил Алексеевич Качковский (1802–1872) не был ни писателем, ни политиком, а лишь достаточно скромным чиновником — судьей, получавшим чиновничье жалованье. Отказавшись от создания семьи, ограничив себя лишь самым необходимым, он все свои деньги отдавал на общественные нужды и запомнился русским галичанам как бескорыстный благотворитель [14].

вича в четырех его письмах, опубликованных Дедицким в статье «Вспоминка о Маркияне Шашкевиче», и трогательный украинский язык в стихах Владимира Шашкевича.

IV. ПОД АВСТРИЙСКИМ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИМ СКИПЕТРОМ 1861–1918

1. В ПРЕДДВЕРИИ ДУАЛИЗМА

Поражение в войне 1859 г., внутренний кризис империи заставил ее правительство пойти на реформы. 20 октября 1860 г. был издан так называемый «Октябрьский диплом», согласно которому Австрийская империя превращалась вновь в конституционное государство, недаром и сам диплом называют иногда федеративной конституцией. Он был подготовлен все тем же Голуховским и предусматривал разделение законодательной власти между императором, рейхсратом и областными сеймами. В феврале 1861 г. по указу Франца-Иосифа основан Галицкий краевой сейм как представительство Королевства Галиции и Лодомерии вместе с княжеством Краковским. Буковина в том же году получила право созывать сейм в Черновцах. Сеймы занимались только вопросами своего края, причем его решения имели силу только после утверждения соответствующим австрийским министерством или императором. Согласно избирательной системе 1861 г. избиратели делились на 4 курии, первые три из них, в которые входили помещики и высшие городские слои, избирали своих депутатов непосредственно, а четвертая, крестьянская, курия имела двухступенные выборы, на 500 выборщиков избирался один уполномоченный, который имел право непосредственно голосовать и, таким образом, один голос помещика приравнивался к 500 крестьянским [131, с. 45–47]. До реформы 1873 г. 14 краевых сеймов избирали и нижнюю палату рейхсрата [131, с. 48]. В этих условиях большинство населения Галичины оказалось фактически почти полностью лишено конституционных прав. Недаром позднее Я. Головацкий писал, что «Голуховский всеми силами препятствовал разделению Галиции на русскую и польскую половины, и по возобновлении конституции 1860 г. при помощи польской партии он выработал и представил правительству хитро составленный статут, по которому, несмотря на большинство русского населения, русские всегда остаются в меньшинстве... Таким образом, Голуховский окончательно приготовил русским галичанам на их же родной земле конституционную смерть» [37, с. 18–19]. Все же в депутаты сейма и даже рейхсрата порой попадали галицкие русские деятели.

С наступлением общественного оживления в Империи и вплоть до Первой мировой войны в политической жизни края активно

участвовали деятели русского движения, имевшие поддержку в широких кругах населения. Положение их, однако, в отношении программы и тактики действий было чрезвычайно сложным. Понимая, что они являются отторженной частью великого русского народа, в состав которого тогда входила Украина, они сталкивались в то же время с чрезвычайно осторожной официальной политикой царской России, вовсе не стремившейся к еще большему ухудшению и без того плохих отношений с Австрийской, а с 1867 г. Австро-Венгерской империей. Добиваться автономии Восточной Галичины было совершенно бесполезно, даже во время революции, на взлете «дружеских» отношений австрийской администрации с галичанами, эти попытки, как мы видели, были заблокированы. Союз ее с польскими помещичьими кругами был нарушен тогда очень ненадолго и вскоре еще более укрепился. А в границах «Королевства Галиции и Лодомерии», где западная часть была по этническому составу преимущественно польской, русские галичане не могли ни на что претендовать. Оставалось одно — принять «вынужденный австрославизм», т.е. полную лояльность по отношению к существующему режиму и в его рамках защищать национальные права русинов. И в то же время в своей культурной работе ориентироваться на непреходящие ценности великой русской культуры. В этих сложных условиях необходимо было иметь свою прессу, и первым таким органом, просуществовавшим более четверти века, было львовское «Слово».

2. ЛЬВОВСКОЕ «СЛОВО» И ЕГО ОППОНЕНТ

Еще в 1859 г. Богдан Дедицкий задумал издавать журнал под названием «Зоря Галицкая» с приложением «Приятель народа». На отправленное им в краевое правительство прошение пришел ответ в том же 1859 г. Ему разрешалось издавать журнал, но не политический, а чисто литературного содержания. В исторических работах не должно было быть истории недавнего прошлого. В корреспонденциях авторы, даже попутно, не должны касаться политических, социальных и религиозных вопросов, причем к последним относиться и разъяснение церковных русинских обрядов. Исключается употребление «гражданки». (Весь текст ответа в подлиннике, на немецком языке, приводит Левицкий [61, т. 1, с. 122].) Дедицкий от своей идеи тогда отказался, и «Зоря Галицкая» вышла в виде альбома. Оживление политической и общественной жизни в Империи в 1860 г. позволило Дедицкому основать настоящую политическую газету. Первый номер «Слова» вышел 25 января 1861 г. (Заметим попутно, что в 1861 г. в Галичине не выходило ни одного журнала, ни одной газеты, из периодических изданий только два календаря.) Тем важнее было появление «Слова». Его профинансировал все тот же бескорыстный Качковский. Он же склонил Дедицкого быть редактором, обязался внести требуемый правительством немалый залог в 3000 гульденов, назначил жалованье редактору и его сотрудникам — их было всего трое. Более того, на всякий случай Качковский завещал Дедицкому небольшую пенсию, которую тот получал

от Общества им. Качковского годы спустя после смерти самого благотворителя. Изданию «Слова» в течение первого полугодия помог материально и митрополит Григорий Яхимович. Газета выходила 2 раза в неделю при тираже в 1500 экземпляров. Успех газеты был огромный, и уже через три месяца Дедицкий сообщил Качковскому, что все расходы по изданию окупаются и его материальная помощь больше не требуется [61, т. 2, с. 7]. «Слово» сразу же нашло признание у широкого галицкого читателя именно потому, что на него было рассчитано.

В первом же номере помещена программа газеты. Издатель сразу же сообщает: «Смотрим на наш край яко на областную часть Державы австрийской, в державе той владеет Монарх и мы не из самой привычки, но з тверезого пресведчения». (Полностью сохраняем язык.) История галицко-русского народа учит, как указывается в программе, что в течение 400 лет после потери самостоятельности Русь денационализировалась и ожила под правительством более «бессторонним», т.е. беспристрастным, каким оказалось для нее правительство австрийское [123, 1861, № 1, с. 1]. «Слово» все время выходило со сквозной нумерацией в течение года и сквозной годовой пагинацией. Обычно при ссылках указывается год, номер и страница, дата выхода газеты опускается. (Мы придерживаемся того же принципа.) На 2–3 страницах — строки из писем — наказы будущим членам депутатий. Корреспонденция «День Григория Богослова» — это воззвание к имениннику митрополиту Григорию Яхимовичу (с. 1). В анонимной статье «Русь и ее отношение к соседям» проявляется, хотя и весьма в умеренном тоне, антипольская направленность газеты, сохранявшаяся практически все время.

Но главный интерес представляли для подписчиков и ныне для историков безыскусные корреспонденции с мест, помещавшиеся в каждом номере и занимавшие едва ли не главную часть газеты. (К сожалению, насколько нам известно, доньше нет монографического исследования, посвященного «Слову», с анализом статей и особенно корреспонденций, дающих живую картину разных сторон жизни Галичины, причем многие из них — из отдаленных сел. Эта работа ждет еще будущего историка.) В статье «Русь говорит», помещенной в № 3, с. 11, 1 февраля 1861 г., издатель и редактор (Дедицкий) объявляет словом чести, что издаваемая им газета «Слово» — это независимая, самостоятельная газета в том смысле слова как это понимают все другие неофициальные газеты. «Слово» выходило два, а позднее, с 1873 г., три раза в неделю. Шрифт — гражданка, а в приложениях, печатавших порой официальные документы — кириллица. Правописание этимологическое. Языковая палитра весьма своеобразна. Это отнюдь не русский литературный язык. Это скорее «язычие». Но это отнюдь не ломаный язык «каким никто не пишет нигде, кроме Львова», как скажет в запальчивости Чернышевский [135, с. 776]. «Слово» горячо защищает «русский» язык. Уже в первом номере (с. 2) анонимный автор пишет: «Напрасно кричат некоторые плиткие головы (*плітки* — сплетни. — Н.П.) из польского лагеря, что русский язык

наречие польского». В пятом номере (с. 22) анонимный корреспондент пишет: «Мильно (напрасно. — *Н.П.*) думают наши побратимы (речь идет о поляках. — *Н.П.*), же мы ныне зачинаем в Галичине литературный язык творити, — язык сей, дяковати Богу, был от давних давен; писали ним Котляревский, Основьяненко, Шевченко, Маркиян и много иных — и як они писали, пишут ныне наши писатели». Самое любопытное, что москвофильское общерусское «Слово» прекрасно принимало украинскую культуру, считало, судя по этой корреспонденции, свой язык таким, как у признанных украинских писателей. Вспомним, что и позднее признанный лидер москвофилов Наумович назвал себя «Малорусин» и свой выговор «малорусским» [85, с. 65]. Эти примеры еще раз утверждают нас в том, что борьба москвофилов с «украи́нством» велась отнюдь не против украинской культуры или языка, а лишь против украинского национализма, ограничивавшего свой политический и культурный кругозор только Украиной, включая в нее Галичину как «украинский Пьемонт», враждебный России. «Слово», уже в первый год издания, представляло читателю самый разнообразный материал — и статьи на актуальные темы (многие о тяжелых взаимоотношениях с «поляками»), и корреспонденции с мест, и стихи, и рассказы, и официальные документы, и сведения о текущих событиях в пределах Галичины, Империи и за границей. Находим мы даже перепечатку из газеты «День» (№ 48), статью Н.Костомарова из украинского петербургского журнала «Основа» (№ 67) и т.д.

Несмотря на свою архилояльность, номера «Слова» неоднократно конфисковывались и редакции приходилось печатать номер вторично. Впервые, как сообщает Левицкий [61, с. 33], жертвой пал № 56 за 1863 год, с наступлением дуализма конфискации следовали постоянно.

Два первые номера «Слова» попали в руки Н.Г.Чернышевского, и на страницах «Современника» (правда, с цензурными купюрами) появилась его полемика, а фактически гневная отповедь. Может быть, на этом эпизоде не стоило останавливаться подробно, тем более что об откликах русской прессы на галицкие дела нам уже приходилось писать [104, 105, 109]. Однако на протяжении всего советского периода две статьи Чернышевского считались непреложной истиной в последней инстанции, на них ссылались почти как на источник, любая критика, конечно же, не допускалась, да и не могло быть иначе. В центре внимания Чернышевского были не собственно события в Галичине, а прежде всего польское революционное движение, недаром много позднее точка зрения Чернышевского прямо поддержана была В.И.Лениным, который писал, что «шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» и здесь же отмечал позицию «всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения» [64, т. 25, с. 297]. Уже с первых строк статьи «Национальная бестактность» [135] — рецензии на первые

два номера «Слова», Чернышевский проявил свой горячий полемический задор, журналистскую хватку и... полное непонимание конкретных условий, в которых работали будители Галичины. Сразу же Чернышевский обрушивается на издателей «Слова» за несходство языка газеты с малорусским языком²⁷ и, приводя обрывки фраз, объявляет, что это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове (!) (с. 776), т.е. понятия не имеет, что «язычие» тогда, хорошо это или плохо, уже сложилось, читатели, на которых ориентировалась газета, его прекрасно понимали. Останавливаясь на поздравительном воззвании к митрополиту Григорию Яхимовичу, Чернышевский считает, что Львовское «Слово» «основано для борьбы с противниками русинского народа», а поэтому не следует вмешивать архипастыря в это дело, поскольку он должен «благословлять, а не проклинать», проповедовать любовь и христианское смирение [с. 781]. Чернышевский приводит всю статью из «Слова», не заметив, что «Слово» просит благословения архипастыря на «добрый подвиг духа» и вовсе не предлагает ему быть лидером политической партии [с. 870, 782]. В пылу полемики революционный демократ неоднократно называет Яхимовича православным, быть может, даже не зная, что он униат, и в Галичине православия в то время вообще практически не было. Комично звучит упрек Чернышевского «Слову» за его радость иметь русинам газету на своем языке. «Кто же не позволял русинам до нынешнего года издавать газету на русинском языке. Чье согласие нужно на это?» — восклицает незадачливый русский журналист, не имевший понятия о том, что содержалось, например, в ответе на прошение Дедицкого в 1859 г. Но более всего приводит Чернышевского в негодование антипольская направленность «Слова» и его верноподданнические заверения в отношении австрийской монархии. Обе проблемы тесно связаны. Автора возмущает, что русины якобы помнят лишь старые обиды поляков и не желают видеть в них сегодняшних искренних союзников. «Львовское “Слово” совершенно ошибается, воображая в поляках вражду против русинской национальности», — восклицает автор (с. 787). И дальше в абзаце, вычеркнутом цензурой, произносит знаменитую фразу: «Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу» (с. 792). Чернышевский проявил здесь истинно классовый подход, однако эта схема не годилась для Галичины, где почти всегда помещиками были поляки или совершенно ополячившиеся, перешедшие в католицизм, русины, потерявшие свой национальный облик (Потоцкие, Дзедушицкие и пр.), а поселян-поляков не было.

²⁷ Чернышевский горячо защищает права «малорусского языка» и высказывает русинам совет, «чтобы они писали своим малорусским языком, а не ломаным нашим литературным языком» также в статье «Народная bestолковость» [135, с. 844].

Приводя верноподданнические высказывания из «Слова», Чернышевский делает вывод, которого, конечно, нет в «Слове», будто оно «объявляет от имени русинов, что они не хотят соединиться с другими малороссами» (с. 777), прибавляя при этом, что если необходимость заставляет отлагать на время заветную мысль, то надо просто молчать. Точно кто-нибудь в России предлагал тогда присоединить Галичину к Украине! Это сделал только Сталин в 1939 году.

Престарелый Зубрицкий скончался в начале 1862 года. Уже с конца 50-х годов неофициальным и даже частично негласным лидером русского движения становится Яков Головацкий — некогда член «Русской Троицы», ученый, историк, знаток общерусского прошлого Галичины, этнограф, литературовед и писатель, тогда профессор Львовского университета, которого недаром позже назовут «галицким Ломоносовым». Ему-то пришлось дать ответ на статью Чернышевского. Но сделать он это он смог, разумеется, лишь анонимно. Австрийский «уряд» зорко следил за Головацким. Недолгое время, всего два года (1861–1862), в Петербурге издавался украинский либеральный журнал «Основа», печатавший статьи по проблемам украинской истории, этнографии, литературы и культуры на украинском и русском языках. На его страницах Головацкий напечатал в 1862 г. две статьи на русском языке — «Русины в 1848 г. (Памяти Т.Г.Шевченко)» [41] и «Об отношениях галицких русинов к соседям» [40]. В обеих статьях — полемика с Чернышевским (хотя ссылки на «Современник» мы находим только во второй). Но скорее это даже не полемика, а обоснованное, терпеливое разъяснение, что представляет собою история Галичины и почему, по выражению Головацкого, попросту «русины не хотели и не хотят умереть заживо» [41, с. 25]. Головацкий останавливается на тяжелом положении Галичины. «С потерю независимости в продолжение нескольких веков жизнь Русинов состояла из непрерывного ряда несчастий», — пишет автор [41, с. 1]. Говоря о якобы враждебном отношении к полякам, Головацкий объясняет, что не только опыт бед прошлого, но и нынешняя политика поляков заставляет русинов отказываться от союза с ними. Причем становится именно на «социальные», «классовые» позиции, с которых выступал Чернышевский, и подчеркивает, что в «Галиции дворянство все польское и католическое» [40, с. 65]. В то же время Головацкий сообщает читателям, что в 1848 г. «русины утверждали, что польская рада не может назваться народною, потому что народ не признает ее даже в округах, которые заселены исключительно поляками. Что касается не партии, а собственно народа, то Русины обращались к нему с сочувствием, помня, что он вместе с ним и терпел от панов и не питал враждебных чувств, руководивших партиями» [41, с. 26]. Последовательный период показал, что противоречия между крестьянами-русинами и угнетающими их поляками-помещиками еще углубились. «Национальная бестактность Русинов, — пишет Головацкий, — по мнению автора, состоит и в том, что Русины не доверяют

Полякам, не хотят подчиниться просвещенному руководству людей, которые искренно желают им добра, готовы сделать всевозможные уступки русскому галицийскому народу. Странно, что автор не понял отношений Русинов к Полякам: он, вероятно, не знает, что народ ведет здесь нескончаемую тяжбу с бывшими своими помещиками» и дальше подробно разъясняет, что помещики удержали в результате отмены крепостного права исключительное право на леса и пастбища, на право рыболовства, помола хлеба и т.д., в Галиции в результате проведенного в пользу помещиков освобождения крестьян «образовался класс сельских пролетариев» [40, с. 66, 68]. «Спрашиваем, может ли существовать любовь и согласие между польским дворянством и русским народом?» [40, с. 69]

С этих позиций Головацкий переходит едва ли не к самому важному вопросу, стоявшему тогда перед славянами — к проблеме австрославизма. Надежду создать из монархии, где большинство населения составляли славянские народы, славянскую империю, источник благоденствия для австрийских славян, лелеяли очень многие деятели разных славянских народов. В 1848 г. славянские будители с оружием в руках помогли Австрии справиться с венгерской революцией. Головацкий, один из немногих, а быть может, даже единственный, на страницах русского журнала дает совершенно иное понимание этого кардинального вопроса. Он видит в Галичине явление, которое можно назвать вынужденным австрославизмом, далеким от прекраснодушных мечтаний его современников. Вопрос решился во время революции. Русины не желали немедленного распада Австрии. «Причины, по которым Русины считали полезным существование Австрии во время их переходного состояния от неволи к гражданской жизни, были следующие. При всем стремлении к самобытности и свободе, Русины очень хорошо понимали, что, по своей малочисленности, они не могут образовать самостоятельного государства. Чувство народности влекло их к кровным братьям, но слиться с ними в одно политическое целое не было никакой возможности, при тогдашних политических отношениях двух держав, в состав которых вошли восточные и западные Малоруссы. Оставалось единственное средство — выбор между Австриею и Польшею. Они выбрали Австрию, потому что она представляла более гарантий для их народности, нежели Польша... Поляки же с первого дня конституции заявили себя против русинской народности, отрицали ее совершенно и всячески старались противодействовать Русинам...» [41, с. 8]. Впрочем, Головацкий был далек от идеализации Австрии (чем порой страдали будители). «Несмотря на свои посягательства, — пишет он чуть далее, — Австрия в некоторых случаях признавала Русинов народом самостоятельным... уже благоразумие требовало — из двух недоброжелателей выбрать того, который хотя изредка становится другом и во время вражды действует осторожно, не увлекаясь личным пристрастием, — а не того, который враждует непрерывно и увлекается призраками. Русины, Впрочем, не вполне доверяли Австрии... не обольщая себя розовыми

надеждами, они видели печальную необходимость поддержать ненадежного союзника... В настоящем Австрия предлагала, хотя неизвестно надолго ли свободу, равноправность и конституцию, а Польша — рабство и политическое самоубийство...» [41, с. 9–10].

Останавливается автор и на вопросе языка. Он считает, что язык книжно-русский не московский, а общерусский, что он «возник в Южной Руси и только усовершенствован Великоруссами» [40, с. 63]. Он приводит мнение из выходявшей начиная с революции и вплоть до 1857 года «Зори Галицкой»: «Большинство образованных Русинов держится того мнения, что самый естественный путь для развития русинского языка — тот же, что и для русского литературного, т.е. чтобы «простонародное наречие дополнялось непрестанно словами нашего старорусского языка». Исходя из этой точки, писатели все более и более сближали книжный русинский язык с русским литературным» [41, с. 24]. Отвечает Головацкий на упрек Чернышевского, зачем русины вмешивают духовенство в мирские дела. «Духовенство в Галиции, — пишет он, — не составляет замкнутого сословия, оно выходит из народа и живет среди него». «Русины, как известно, не имеют ни администраторов, ни дипломатов, ни юристов; весь образованный класс народа составляет духовенство... Если устранить духовенство от мирских дел, кто же станет впереди народа?» [40, с. 64]. Две небольшие статьи, перепечатанные в следующем году в «Слове», содержат в себе практически всю политическую и культурную программу русских галичан.

3. ОБРЯДОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. И.Г.НАУМОВИЧ

На начало 60-х гг. падает так называемое «обрядовое движение», т.е. попытки в рамках униатской церкви очистить ее обряд от позднейших католических наслоений и искажений. Как известно, уния 1596 г. предусматривала полное сохранение православного богослужения и только переход под власть папы. На деле все сложилось совсем иначе. К середине XIX в. вследствие прямого католического нажима, а также бессилия и бесправия униатского духовенства, продолжавшегося в столетия польского владычества и последующие десятилетия пребывания Галичины в составе Австрийской империи, накопилось множество искажений богослужения и даже прямых абсурдов. Позднее Наумович перечислит многие из них, и кто немного знает православную службу, поймет, насколько они серьезны. Иногда в униатских церквях вообще нет иконостасов, нет завесы на царских вратах, нет трех обычных дверей, есть много алтарей, употребляются органы, монстранции (католические дарохранительницы в виде звезды), колокольчик во время службы. Существуют церкви, в которых опускаются или произвольно сокращаются молитвы при совершении таинств, в пост не служитя литургия преждеосвященных даров, духовенству дано право совершать литургию трижды в день, нет ни одного вполне устойчивого обряда, и между русскими униатами возникла пословица «что попик, то типик» и т.д. [90, с. 21–22]. На страницах газеты «Слово» анонимный автор писал о

многих безобразиях, которые творились в униатских церквях. На почернелых и запыленных стенах были развешаны не только образа святых, но часто мирские портреты шляхтичей и королей польских. Вместо греческого престола стоял алтарь со статуями святых иезуитов. Богослужение было сокращено, опускались ектении, для бедняков не полагалось отпевания, а только «покропление», хотя православный требник, не отмененный в униатской церкви, не делает никакого различия между богатыми и бедными и т.д. [85, с. 36].

Православных Церквей в Галичине вообще практически не было, попытки вернуться к православию или приблизиться к нему жестоко пресекались. Так, Зубрицкий писал Погодину в 1845 г. о священнике Любковиче. Короткий срок в 1809–1815 гг. Тернопольская область принадлежала России. Тогда в униатские священники был поставлен священник Любкович. «Человек этот, — пишет Зубрицкий, — усердно предан православию, не хотел в церкви помянуть папы Римского, исповедовать “от Сына и пр.”» Когда область вернулась под власть Австрии, священник не отказался от своих убеждений, несмотря на требования епархиального начальства. Тогда его признали слабоумным и заключили в смирительный дом, где он «уже более 20 лет отлучен от жены и детей непоколебимый в своем веровании томится» [111, с. 574]. В середине XIX века в Галичине ставить вопроса о возвращении православия не было никакой возможности, и дочь Зубрицкого Станислава еще только мечтала о сборе пожертвований для постройки Православной Церкви во Львове [111, с. 538]. Как известно, единый дневной, недельный и годовой круг церковных служб Православной Церкви содержит в себе не только обряд, но и законченный цикл проповеди христианства, православия, а языковое наследие в богослужении, оставленное Кириллом и Мефодием, возвращало отторгнутых от восточнославянских корней галичан к их древней единой русской истории. В то же время восстановление чистого православного обряда можно было проводить легально в рамках униатской церкви. По мнению известного галицко-русского историка Филиппа Ивановича Свистуна (1844–1916), первый толчок к движению дал польский писатель Ипполит Сигизмунд Терлецкий — фигура достаточно противоречивая. Терлецкий стремился к соединению церквей под властью Рима, подвизался в Париже и Риме, был знаком с Зинаидой Волконской, как известно, принявшей католицизм, перешел в унию, принял духовный сан и мечтал распространить унию среди южных славян. Он искал поддержки у папы Пия IX, но в конце концов его попытки потерпели провал. Он ушел в Россию, принял православие и умер в Одессе в 1886 г. архимандритом [122, с. 133–202]. Насколько именно Терлецкий дал толчок к обрядовому движению в Галичине или идея уже носилась в воздухе, нам пока не удалось выяснить. Но осуществлял ее в нелегких галицких условиях крупный деятель русского движения, ставший вскоре одним из его лидеров, Иоанн Григорьевич Наумович (1826–1891).

Наумович был знаком галичанам со времени революции своими корреспонденциями в венском «Вестнике», статьями по эконо-

мическим вопросам, стихотворениями и даже комедией «Гриць Мазниця або муж заманенный» — перевод комедии Мольера. Выходец из семьи учителя, в 1851 г. он окончил семинарию, женился и был рукоположен в униатские священники. Прослужив некоторое время недалеко от Львова, он получил, наконец, в 1856 г. приход в местечке Перемышляны, где даже не было дома священника и пришлось поселиться при «дочерней» церкви в селе Коростне. Здесь он прослужил 11 лет, до 1867 года, здесь со своего прихода начал «обрядовое движение». Потом на страницах «Слова» в 1861 г. он писал, что с самого поставления во священники исправление обряда было для него, по его выражению, «приятнейшею мыслью» [123, № 70, 30/IX, с. 361] и что он начал его шесть лет назад, т.е. сразу же при получении прихода в Перемышлянах. Его деятельность вызвала горячий отклик прихожан, недаром на первой литургии, которую он там служил, присутствовало всего 17 человек, а потом к приходу принадлежало 800 душ [85, с. 20]. Идея исправления обряда была подхвачена и другими священниками и прихожанами, недаром на первых же выборах в краевой сейм Наумович был избран депутатом. Как только стало выходить «Слово», на его страницах стали печататься материалы по этой горячей теме и самого Наумовича, и других авторов, большею частью анонимно. Успех движения вызвал резкий отпор в католических кругах, Наумовича обвиняли в «схизме» (схизматиками католики называют православных). Митрополит Григорий Яхимович не мешал движению, даже сочувствовал ему, но под давлением Рима вынужден был в 1862 г. издать пастырское послание, призывавшее униатское духовенство воздержаться от очищения обряда до решения собора, который митрополит обещал вскоре созвать. Но неожиданно — это было 29 апреля 1863 года — владыку нашли поутру мертвым в его комнате. Тотчас разнеслись слухи, что он отравлен [122, с. 201]. Новый митрополит вообще прикрыл это движение. Злоупотребления продолжались, о чем позднее будет писать Наумович в своей апелляции.

4. НА НИВЕ КУЛЬТУРЫ

Культурная жизнь русских галичан не прерывалась в самые тяжкие 50-е годы. Оживление общественной жизни первой половины 60-х годов способствовало и оживлению литературной и издательской их деятельности. Об этом, в частности, можно судить по упоминавшейся уже нами Галицко-русской библиографии И.Е.Левитского [61], в которой собраны сведения о всех галицких изданиях, в том числе периодических, с указанием помещенных в них материалов. Мы приведем лишь несколько примеров. Так, в 1862–1863 гг. Я.Ф.Головацкий и Б.Дедицкий выпускают альманах «Галичанин» [29]. На его страницах печатаются и галицкие, и закарпатские авторы — стихи Гушалевича, Устиановича, Духновича, закарпатского поэта Александра Павловича, статьи Петрушевича, Ивана и Якова Головацких, рассказы В.Д.Залозецкого и А.Кралицкого и мн.др. С 1863 г. Ставропигийский институт начинает выпускать свой «Временник»,

выходивший вплоть до 30-х гг. XX в. Это ежегодное солидное издание. В нем в разное время помещались порой и сведения, типичные для календарей будителей, но главное место, помимо материалов о самом Ставропигийском институте, занимали научные статьи. В канун дуализма на его страницах мы находим статьи А.Петрушевича, Я.Головацкого, И.Наумовича, Д.Зубрицкого, М.Машиновского и др.

Оживилась и деятельность Галицко-русской матицы. В 50-е годы она находилась в полуполюгальном положении — напрасно в 1853–1856 гг. Правление Матицы четыре раза обращалось к правительству с просьбой об утверждении ее устава, как того требовало законодательство. Каждый раз текст возвращался на доработку. Представленный в очередной раз текст устава был наконец утвержден 18 августа 1861 г. [124, с. 206]. 7 июля 1864 г. после 14 лет перерыва было созвано общее (третье по счету) собрание членов Матицы, на котором обсуждались проблемы издательско-просветительной и организационно-хозяйственной деятельности общества. Но самым острым был вопрос о литературном языке и правописании. Нужно было решить — применять ли фонетическое правописание, распространенное тогда уже на Украине (современное украинское) или историко-этимологическое (т.е. русское правописание до реформы 1918 года), в котором деятели русского движения видели залог сохранения восточнославянского языкового единства, а для того, чтобы отметить особенности местного произношения, предлагались специальные надстрочные знаки. Победили сторонники этимологического правописания, среди которых были Я.Головацкий, Б.Дедицкий, А.Петрушевич, и Матица до конца своего существования в 1939 г. сохранила свою «русскость» [124, с. 207–208]. В 1865 г. Матица начинает выпускать «Научовый сборник» ежегодно в 4-х выпусках с единой пагинацией. На его страницах в 1865–1866 гг. мы находим и галицких, и закарпатских авторов — Я.Головацкого, А.Петрушевича, А.Кралецкого, В.Площанского, К.Меруновича, который предлагал темы для будущих исторических драм из «общерусской», украинской, польской и галицкой истории (1865). В 1866 г. на страницах сборника появилась драма Тита Блонского «Анастасия» из галицкой истории XII столетия, в сборнике печатались и документы самой Матицы — отчеты, устав и т.д.

5. УКРАИНА? МОСКВА? РУСЬ!

В 60-е годы в Галичине наблюдается раскол национального движения на две сначала ветви, а затем два враждующих направления — москвофилов и украинофилов. Внешним признаком того или иного направления было признание украинофилами в качестве литературного языка украинского, близкого к галицким наречиям, хотя и не идентичного ни одному из них. Москвофилы признавали литературным языком Галичины русский литературный язык, а употребляли на первых порах более всего «язычие», хотя деятели русского направления отнюдь не отрицали существования украинского языка как языка

восточных украинцев, однако считали его лишь наречием²⁸. Анализ наследия деятелей русского движения, оформившегося в 60-х гг. и продолжавшего свой исторический путь еще целое столетие, как думается нам (и не только нам), говорит, что спор о языке был лишь маленькой вершиной огромного айсберга. Главным был вопрос — единая Русь «от Карпат до Камчатки» или Украина, враждебная «Московии». (Недаром еще в недавнем прошлом, а, возможно, и доньше, в перебранках галичан на оскорбительное «москаль!» звучит не менее оскорбительное «Мазепа, мазепинец!»)²⁹.

Знаменательно, что в начале деятельности галицких украинцев никакой взаимной вражды не наблюдалось. Это отмечает знаток и свидетель тогдашней галицкой жизни Свистун: «Украинофильству с начала сочувствовали майже (почти. — *Н.П.*) все галицко-русские писатели» [122, с. 218]. Подтверждений этому можно найти достаточно. Так, например, «Слово», орган русского движения, в год смерти Шевченко (1861) помещает его некролог и затем еще раз обращается к его памяти, на страницах известного уже нам «Галичанина» наряду с произведениями галицко-русских авторов мы находим стихи О.Федьковича и Е.Огоновского, повесть Д.Мордовцева «Солдатка», драму Н.Костомарова «Гремуций Корд», т.е. чисто украинские произведения. В свою очередь на страницах украинских «Вечерниц», издаваемых сыном Маркиана Шашкевича Владимиром, заведомо украинским поэтом, мы находим работы русских галичан — стихи Залозецкого и Устиановича, статьи Исидора Шараневича. Никого подобные явления тогда не удивляли, только прозорливый Головацкий заметил будущую опасность. «Австрийские власти приняли под свое покровительство все книги и издания на так называемом чисто-народном языке и поощряли авторов, упавших в общественном мнении уже потому, что деятельность их получила официально-австрийский оттенок», — так писал Головацкий на страницах украинского петербургского журнала «Основа» в 1862 г. в известной уже нам статье, посвященной памяти Шевченко [41, с. 24]³⁰.

²⁸ В начале моего знакомства в середине 50-х гг. нашего века с пожилым тогда уже галичанином, до конца сохранившим свою «русскость», мне был задан вопрос: «Украинский язык — это язык или наречие?» Не искушенная в тонкостях истории Галичины, мне тогда неизвестной, я наивно ответила: «Пусть этот вопрос решают лингвисты». Он не стал спорить, а лишь ответил: «Вы нанесли мне прискорбную пощечину».

²⁹ Насколько глубоко уходят в прошлое корни украинского, и прежде всего галицкого национализма — на этот счет существуют самые разные мнения. Нам думается, что корни феномена галицко-украинского национализма следует искать, начиная с 60-х гг. XIX в. Верное своему принципу «разделяй и властвуй», австрийское правительство с самого начала 60-х годов внимательно отнеслось к первым слабым еще росткам галицко-украинской культуры в Галичине и активно способствовало трансформации культурного движения в политическое.

³⁰ Пиетет Шевченко постоянно сохранялся в среде русских галичан, недаром, выпуская в 1970 г. в Америке вторым изданием «Историю» Свистуна, на его суперобложке они поместили портреты всего двух поэтов — Пушкина и Шевченко [122, экземпляр ГПИБ].

Все скоро изменилось. Нам думается, что едва ли не главную роль сыграл знаменитый циркуляр министра внутренних дел Российской империи П.А.Валуева 1863 г. В ответ на усиление революционных настроений в украинской среде России циркуляр определял, что «к печати дозволялись только такие произведения в этом (т.е. украинском. — Н.П.) языке, которые принадлежат к области изящной литературы, пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так и учебных, и вообще назначаемых для первоначального чтения приостановиться» [цит. по: 50, с. 40]³¹. Циркуляр, ударивший административной дубиной не по политической направленности, а по украинской культуре, был поистине царским подарком, который сделала Россия враждебной ей Австрии. И австрийский «уряд» сразу же оценил его. Галицкие украинцы стали получать поддержку австрийской администрации, а украински настроенная часть галицкого общества взяла на себя роль украинского Пьемонта, стремясь создать из Галичины и Восточной Украины отдельное государство, враждебное России. Историкам еще предстоит выяснить многие стороны той поддержки, явной и тайной, какую оказывал австрийский «уряд» галицким украинцам. Ни одному из них не инкриминировалась государственная измена за принадлежность к украинскому движению³². И сколько бы ни пытались советские ученые назвать жертв Талергофа 1914 года «украинцами», это был лагерь русских галичан.

6. ПОД ЗНАКОМ ДУАЛИЗМА. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА. СУДЬБА ЯКОВА ГОЛОВАЦКОГО

8 февраля 1867 г. в Империи было заключено австро-венгерское соглашение. Это — дата создания государства Австро-Венгрия, просуществовавшего до 1918 г. Наступление дуализма было крахом австрославизма в Империи. Права получали только венгерские национальные силы, «Идея Австрийского государства», как озаглавил свою брошюру 1865 г. Палацкий, потерпела крах. Наступление дуализма для Галичины было менее трагично, чем для Словакии и Закарпатья, где почти сразу же венгерские власти начали планомерный безжалостный поход против славянского населения, игнорируя его какие бы то ни было национальные права. Однако и в Галичине создание по сути дела нового государства Австро-Венгрии было поворотным пунктом русского движения, хотя подчеркнутое соблюдение лояльности по отношению к государству сохранялось неизменным. Потерпели крах весьма и без того слабые надежды рус-

³¹ Циркуляр Валуева не был случайностью — царский указ в 1876 г. вообще запретил не только печатание в пределах Российской империи произведений на «малорусском наречии», кроме художественной литературы и исторических памятников, но также свободный ввоз книг и брошюр из-за границы, театральные представления, чтения и даже подписи под нотами [50, с. 41–42].

³² Репрессии, которым подвергались И.Франко, М.Павлик и др. украинские деятели Галичины, были вызваны их революционной работой, а не принадлежностью их к украинскому движению.

ских галичан на создание по преимуществу славянского австрийского государства. И знаменательно, что именно в начале эпохи дуализма галицко-русское движение потеряло своего лидера.

Помощи русским галичанам ждать было неоткуда, кроме России. И действительно, значительной части тогдашнего русского общества, и прежде всего развернувшим свою деятельность славянофилам, Россия виделась защитницей угнетенных славянских народов. Этой точки зрения придерживались и определенные официальные русские круги. Однако судьбы русских галичан (к тому же униатов!) гораздо меньше в ту пору интересовали и русскую дипломатию, и славянофилов, чем судьбы сербов или болгар. (Это хорошо показано в монографии С.А.Никитина [96].)³³

Значительным явлением в истории славяноведения и славянского движения была Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Работа по ее организации была начата в 1862 г. [96, с. 67], а в 1865 г. по инициативе профессора истории Московского университета, близкого к славянофилам Нила Александровича Попова, был предусмотрен специальный ее отдел — славянский. Попов был введен в состав выставочного комитета и деятельно занялся славянским отделом. Параллельно шла подготовка славянского съезда. На выставку и съезд были приглашены лидеры партий и движений практически всех славянских народов (кроме Польши). Участниками съезда были 62 депутата, среди них Ф.Палацкий, Ф.Ригер, Л.Гай, М.Маяр, Я.Смолер и др. [96, с. 175–187]. На выставке и съезде были и 4 представителя русинов — М.В.Молчан, нотариус Пряшевской униатской епархии, приславший в дар на выставку собрание фотографий, а из Галичины трое — Евгений Осипович Павлович — молодой адвокат из Львова, Иосиф или Осип Николаевич Ливчак (1842–1919), которому тогда было 25 лет, но который, живя в Вене, успел уже много сделать для русского движения, будучи редактором журналов «Страхопуд» и «Золотая грамота» и, конечно же, Яков Головацкий, признанный лидер русских галичан, только что отстраненный от преподавания в Львовском университете. Н.Попов хотел завязать контакты и с Наумовичем, но тот ответил решительным отказом. В РГБ хранится письмо Наумовича Попову, датированное февралем 1867 г. Наумович мотивировал отказ тем, что

³³ Небольшим частным подтверждением могут служить и приводимые в отчете Н.Попова о деятельности Славянского благотворительного комитета в Москве цифры о помощи славянским народам. Галичанам среди других была предоставлена минимальная помощь, т.к. «главным образом Комитет употреблял входившие в его распоряжение суммы на образование молодых южных Славян в московских учебных заведениях» [113, с. 18]. Так, напр., на пересылку русских книг в Галицию, чешские и словацкие земли и в Сербию в 1863 г. было израсходовано 120 р. 25 к. [113, с. 20], в 1864 г. на пересылку русских книг в славянские земли употреблены были «незначительные суммы», в 1865 г. на пересылку пожертвованных членами Комитета книг для училищ во Львове, Пряшеве, Праге, Загребе и Белграде употреблено было 55 рублей [113, с. 21] Сколько «досталось» галичанам, не известно, а в 1866 и 1867 гг. они не получили уже вообще ничего.

«надо поступать благоразумно», чтоб «народность наша не понесла вреда... во время всемогущества Польши» [91]. Такая осторожность на некоторое время сохранила Галичине Наумовича. Недаром немного ранее подобную осторожность пришлось соблюдать и Головацкому. Первые два выпуска альманаха «Галичанин» издавали совместно Головацкий и Дедицкий, а третью книгу (вып. III–IV) [29] пришлось выпускать в 1863 г. одному Дедицкому. На обороте титульного листа он сообщает читателю, что Я.Ф.Головацкий, бывший издателем первых двух выпусков совместно с Дедицким, вынужден отказаться от участия в издании, т.к. в теперешних «для обряда нашего не дуже потешных временах» ему была бы опасна ответственность за некоторые обрядовые статьи перед той властью, от которой он как священник находится в особой зависимости.

К началу выставки участь Головацкого, ученого, известного далеко за пределами Львова, была решена. В материалах выставки и съезда, опубликованных в том же 1867 г., даются сведения об участниках съезда и Головацкому посвящена обширная справка [22, с. 113–121], в которой подробно раскрываются вехи травли Головацкого, главную роль в которой играл возвратившийся в 1866–1867 гг. на пост наместника края А.Голуховский. По его распоряжению в квартире Головацкого была произведена «ревизия», т.е. обыск. Инспирированные Голуховским газеты трубили об открытии панславистского заговора, о расписках на 5000 рублей московских, однако ничего противозаконного найдено не было. Все же Голуховскому в министерстве удалось добиться увольнения Головацкого. Все попытки обвинить его в чем-либо окончились ничем, позднее ему была назначена небольшая пенсия. Вернуться в университет он уже не мог.

Головацкий не только согласился приехать на выставку и съезд, но и пожертвовал целый ряд предметов. В письмах его к Попову, хранящихся в РГБ, отразилась забота Головацкого о том, чтобы этнографические экспонаты Галичины как можно более ярко показали жизнь края. Съезд начался в Петербурге 8 мая, 11 мая состоялся обед в Дворянском собрании Петербурга, на ней Головацкий произнес прочувствованную речь. (Она приводится в книге, вышедшей в том же 1867 г., со слов корреспондента «Московских ведомостей» [119, с. 40–42]). Вспомнив в начале речи о том, что родная его земля «есть достояние святого равноапостольного великого князя Владимира, который окрестил ее и соединил узами духовного единения св. веры сродных нам по племени», остановившись на истории бед, постигших Галичину на протяжении столетий, Головацкий закончил речь словами: «Да придут все в сознание того убеждения, что мы по роду и по племени, по вере и языку, по крови и кости искони один народ да живет великий, славянский многомиллионный русский народ». В Москве Головацкий выступил еще раз [119, с. 91]. В речи известного русского деятеля, близкого к славянофилам, В.А.Черкасского прозвучали теплые слова в адрес Головацкого, Куземского, Петрушевича, Наумовича, Дедицкого и Ливчака. Он по-

читил прочувствованными словами память Яхимовича и Зубрицкого [119, с. 125]. Так Галичина «прозвучала» на выставке и съезде.

По возвращении из России Головацкий вынужден был искать применение своим силам за пределами университета. Отстранение его от преподавания было проведено без скандала, ему даже была назначена небольшая пенсия, но прокормить на нее семью, состоящую из жены и шестерых малолетних детей, было невозможно. Ученому-слависту с мировым именем не нашлось места в Галичине. Выходом стало приглашение из России на пост председателя Виленской археографической комиссии. Высочайшее повеление было датировано концом декабря 1867 г., и в начале следующего 1868 г. Головацкий с семейством переехал в Вильну (совр. Вильнюс). Однако назначенный в начале 1868 г. в Вильну генерал-губернатор А.Л.Потапов начал настоящий поход против Головацкого, «униатского каноника» и якобы эмигранта, настаивая на его высылке из Северо-Западного края. На самом деле переведение ученого совершилось с разрешения австрийского правительства, а что до принадлежности к униатской церкви, Головацкий прямо заявил, что он всегда смотрел на унию «как на неестественное и незаконное подчинение православия папизму и давно уже решил со всем своим семейством принять православие» [2, с. 101]. Ходатайство Головацкого о принятии его в подданство России было доложено лично Александру II. Последовало не только распоряжение удовлетворить это ходатайство. (Предварительно нужно было только снести с австрийским правительством, которое, конечно, ничего не имело против такой формы избавиться от неугодного профессора.) Александр II повелел после принятия Головацким присяги наградить его чином статского советника и в его служебный стаж засчитать годы преподавания в Львовском университете. Головацкий сложил с себя духовный сан, со всем семейством присоединился к православию и смог уже как русский подданный начать нормальную работу в качестве председателя Комиссии, в чине статского советника, однако на преодоление всех этих рогадок понадобилось более девяти месяцев [Подробнее — 2, с. 100–103].

Головацкий успел еще много сделать как русский археограф, как историк Галичины, как свидетель первых этапов галицко-русского движения. Но Галичина потеряла в нем своего неофициального, но всеми признанного лидера, и эта тяжелая ноша легла на плечи Наумовича.

7. РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 60-х — 70-х гг. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Г.НАУМОВИЧА

Наступление эпохи дуализма принесло русскому движению новые трудности. Лозунг австрийской политики — «разделяй и властвуй» проявился в полной мере в первые же годы дуализма. Ставка делалась в первую очередь на полонизацию края. (Недаром в 1871 г. недолгое время его наместником вновь становится Агенор Голуховский.) После поражения восстания 1863 г. стало ясно, что польское

национальное движение не только не представляет опасности для Империи, но является мощным союзником правительства. Антирусские тенденции еще более сближали с ним польские партии. И в первые же годы дуализма полонизация охватила и администрацию, и суды, и школы Галичины. В сейме, избиравшемся по принципу курий, крупные землевладельцы имели большее число депутатов. Польский язык был признан официальным языком, он вводился в суды, в высшие и средние учебные заведения. Как отмечает Ф.И.Свистун, галицкий сейм в большинстве своем сделался польским, Галичина получила характер польской провинции [122, с. 285]. В 1867–1870 гг. украинское направление в национальном движении русинов оформляется в отдельную партию «младорусинов» или украинофилов, враждебную «старорусам», «старорусской партии» (аналогия с чешским национальным движением).

Начиная с 70-х гг., значительное место в политической жизни Галичины начало занимать социалистическое движение, возглавляемое талантливым, деятельным и просвещенным Иваном Франко, который был совершенно обоснованно врагом москвофилов, ибо москвофилы были далеки от социализма. Русским галичанам было не по пути ни с польскими партиями, исходившими из принципа, что Галичина — неотъемлемая часть Польши, ни с украинофилами, считавшими Галичину частью только Украины и поддерживавшими связи с ширившимся тогда сепаратистским движением украинцев в Российской империи, ни с социалистами, в национальном вопросе также придерживавшимися украинской, а отнюдь не общерусской ориентации. Хрупкий союз русских галичан с австрийским правительством, наблюдавшийся во время революции 1848–1849 гг., был забыт, австрийская администрация давно уже в нем не нуждалась, лояльные заверения москвофилов ее уже ни в чем не убеждали. Среди русских галичан, кажется, вообще не было людей богатых. Словом, в конкретных условиях первых годов дуализма, как, впрочем, и много позже, вплоть до самой Первой мировой войны, политические судьбы русского движения носили во многом тупиковый характер. В политической мозаике русские галичане стояли особняком, и союзников у них не было. (Подробнее о политическом раскладе сил в Галичине 70-х гг. см. у Свистуна [122, с. 280–289].)

Галицкие москвофилы участвовали в парламентской жизни страны, русины-избиратели на местах их поддерживали, депутаты от Старорусской партии были и в львовском сейме, и в венском рейхсрате. Однако они не только не имели ни там ни там большинства, но даже не могли представить какую-либо серьезную политическую программу. Наиболее важным было бы в то время создание в пределах Империи отдельной административной единицы с преобладанием «русского» большинства. Эта перспектива еще светила Зубрицкому в 1849 г, когда он писал свою брошюру «О границах между русским и польским народом в Галиции», тогда эта идея еще стояла на повестке дня. Но после установления дуализма говорить о создании отдельной национальной территориальной едини-

цы русинов было абсолютно бессмысленно — Галичина и Закарпатье фактически находились в разных государствах, объединенных лишь общей короной.

Не было помощи и извне. Дипломатическая поддержка, которую оказывала Россия зарубежным славянам, прежде всего касалась православной Сербии или Болгарии, портить еще более и без того натянутые отношения с Австро-Венгрией ради униатов-галичан официальная Россия вовсе не стремилась. Передовое русское общество не могло заинтересоваться этим весьма мало известным в России направлением. Искренними союзниками и друзьями русских галичан в этот период были, пожалуй, только славянофилы, которых, однако, тогда более беспокоила судьба несчастной Болгарии, чем относительно благополучной Галичины.

Несмотря на сложность своего положения в конце 60-х — начале 80-х гг., русские галичане продолжают свою интенсивную работу⁸⁴. По-прежнему выходит «Слово» под редакцией Дедицкого, вскоре редактором-помощником становится Венедикт Площанский. Несмотря на полную лояльность издания, отдельные номера подвергаются конфискации, и их приходится печатать заново, чтобы не обмануть ожидания подписчиков. Да и становиться подписчиком не всегда было безопасно — недаром в 1875 г. галицкий митрополит Иосиф Сембратович запретил циркуляром русскому духовенству выписывать «Слово» [61, II, с. 245]. Всего с 1867 по 1881 год было конфисковано 33 номера [Сост. по 61, II].

«Слово» с его приложениями, выходившее с 1861 по 1887 год, было, пожалуй, самым значительным, однако отнюдь не единственным периодическим изданием русских галичан конца 60-х — начала 80-х гг. Продолжал издаваться начавший выходить с 1864 г. «Временник Института Ставропигийского с месящесловом» — ежегодник, «доживший» до 30-х гг. XX в. В 1869–1881 гг. выходит «Ластовка» (т.е. «Ласточка») — издание для детей, а с 1876 г. для «русской молодежи», сначала как приложение к еженедельнику «Учитель» (1869–1874), а затем, после прекращения «Учителя», самостоятельно. По несколько лет выходят периодические издания «Друг» (1874–1877), «Господарь и промышленник» (1879–1886), до 1883 г. издававшийся в Станиславове, а затем во Львове, «Весна. Письмо для забавы и науки» в Коломые (1878–1880), научно-беллетристическое приложение к «Слову» «Галичанин». В Вене Ксенофонт Климович и Иосиф Ливчак, разделив с Я.Головацким путешествие в Россию на славянский съезд в 1867–1868 гг., выпускают журнал «Славянская заря». В Вене же первоначально начал выходить и «сатирическо-политический и юмористический» журнал «Страхопуд» (т.е. «Пугало») (1863–1868). В конце 1872 г.

⁸⁴ Мы принимаем начало 80-х гг., а точнее 1882 г., как исторический рубеж целого периода, хотя понимаем, что это деление весьма условно. Однако процесс Ольги Грабарь 1882 г., первый политический процесс против русских галичан, за которым последовали другие, — это начало открытой трагедии русского движения, окончившейся Галергофом.

его начали печатать во Львове, но он издавался только год с небольшим, и то за это время два его номера были конфискованы. Его издание возобновилось лишь в 1880–1882 гг., и тут же оборвалось, потом еще раз — в 1886 г. под названием «Страхопуд» выходила газета.

Просматривая периодические и непериодические издания русских галичан, выходившие в первые 15 лет после начала дуализма, мы находим в них и исторические труды А.С.Петрушевича и И.И.Шараневича, и многочисленные популярные работы Б.А.Дедицкого, среди них, напр., «Народная история Руси от начала до новейших времен», брошюры, и множество статей, стихов, рассказов. На страницах журнала «Боян», выходившего всего один год (1867), напечатаны среди всего прочего «Братьям-славянам» И.Аксакова, «Полтава» Пушкина, «Казачья колыбельная песня» Лермонтова и т.д.³⁵

Продолжают работу «русские» учреждения, Ставропигийский институт, Русский народный дом, основанный в 1851 г., Галицко-русская Матица, нерегулярно выпускавшая свой весьма содержательный сборник. В этих учреждениях трудилось немало русских галичан, однако едва ли кто-либо из них может сравниться с И.Г.Наумовичем, развернувшим поистине подвижническую деятельность в эти первые полтора десятилетия после наступления дуализма.

Скромный сельский униатский священник, Наумович на протяжении всего своего, не побоимся сказать, общественного служения был, пожалуй, самым активным деятелем русского движения Галичины. В своем приходе, сначала в Перемышлянах и селе Коростно, с 1867 по 1872 гг. в селе Стрельче недалеко от Коломыи, а затем с 1872 г. в Скалате, он был добрым и заботливым пастырем. Недаром в «Слове» № 5 за 1867 г. жители Коростна опубликовали благодарственное письмо, подписанное девятью десятками крестьян, из которых 27 принадлежали к латинскому обряду. Авторы письма с благодарностью вспоминают, что Наумович не оставил их в беде после постигшего их страшного пожара, помог «опамятоваться от той великой нужды», поставил каменную церковь, «красу на всю околичность», завел школу, развел пасеки, прививал деревья, ходя с пилкой и веточками от сада к саду, подарил школе прекрасную пасеку для увеличения дохода учителя и обучения детей пчеловодству как делу весьма прибыльному. «Отец наш Наумович суть нам во всем порадую (советчиком. — *Н.П.*) и примером», — писали благодарные крестьяне [85, с. 67–68]. В Стрельче он удачно лечил гомеопатией, к нему приезжали из окрестных сел, и он лечил всех — и богатого и бедного, русина, поляка, еврея, и недаром, когда он уезжал

³⁵ Настоящий краткий обзор составлен нами преимущественно по библиографии И.Е.Левичко [61, II]. Просмотр фондов московских библиотек, к сожалению, показал, что очень многие галицко-русские издания в Москве отсутствуют. (Так, даже «Слово», и то далеко не в полном комплекте, мы находим только за 6 лет из 24-х!) Это еще раз подтверждает наше наблюдение, что русское передовое общество, члены которого оставили нам замечательные собрания нынешних библиотек, относительно мало интересовались судьбами русских галичан.

из Стрельче, получив приход в Скалате, по словам его биографа О.А.Мончаловского, плакали не только его прихожане, но и евреи [85, с. 73]. В Скалате Наумович оказывал помощь крестьянам «деньгами и натурой, помогал медицинскими советами, основывал читальни, посылал им и отдельным людям даром и книжки» [85, с. 75]. Талантливый писатель и публицист, он много писал в галицкой периодической прессе (с 1848 по 1891 год более чем в 20 изданиях) [85, с. 108]. Деятельность Наумовича снискала ему большую популярность среди русинов. В 1861 г. он был избран депутатом в первый галицкий сейм, а в 1873 — после введения прямых выборов — послом в рейхсрат. С трибуны львовского сейма он выступал много раз — с запросом к правительству о неправомерности наложения секвестра на крестьян в Золочевском и Бережанском округах за недоимки, когда там из-за неурожая возник голод, выступал против экзекуций, немилосердно проводимых властями за недоимки, требовал от сейма помощи русскому театру во Львове, выступал против графа Лешка-Боровского, отказывавшего русскому языку в равноправии с польским и утверждавшего, что малорусское наречие является наречием польского языка. В то же время Наумовичу был чужд шовинизм, какие-либо националистические антипольские выпады (которые можно бы было даже понять в условиях засилия польских помещиков). Теоретически он допускал возможность галицко-польского примирения. Знаменательна в этом смысле его статья в «Слове» в 1861 г. Воображение поляков, говорит он, «видит великую державу, в которой над русскими землями аж по самый славный Днепр господствует польский язык, польский строй, польская шляхта, а Руси на этих землях нет ни следа, ни знака». Но примирение было бы возможно только на одном пути. Обе стороны должны взаимно поставить свои условия. С русской стороны важнейшие следующие: нужно признать, что в Галичине два славянских народа — русский и польский, ни один не имеет права первенства. В русской части русский язык должен быть краевым, а польскому должно быть предоставлено право быть соразмерно употребляемому по справедливости и требованиям края, в польской части краевым языком должен быть польский. «Под такими условиями, — подчеркивает Наумович, — забылись бы давние исторические невзгоды, и мы стали бы как два различных, но братских славянских народа, соединенных духом любви в деле истинной гражданской свободы» [85, с. 34–35]³⁶.

В 1866 г. на страницах «Слова» Наумович выступил с программной статьей под скромным заголовком «Взгляд на будущее», в которой едва ли не впервые в печати так определенно заявил, что «все усилия дипломатии и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными и что Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этног-

³⁶ «Русский» язык Наумовича мы приводим в соответствие с русским литературным языком или «переводим с галицко-русского», как иногда говорят.

рафической, языковой, литературной, обрядовой — это одна и та же Русь... Мы не можем отделиться китайской стеной от наших братьев и отказаться от языковой, литературной и народной связи со всем русским миром» [85, с. 61]. Статья была подписана «Один из многих». Она вызвала отклики не только в австрийской прессе, но также в России, Франции, Германии. В галицкой польской печати она произвела настоящую бурю, так, «Газета народовца» писала в том же 1866 году, что задача правительства может состоять только в том, чтобы уничтожить всякие влияния, которые стараются Галицкую Русь «омосковшить» [85, с. 62, 64]. В ответ Наумович в № 83 «Слова» за тот же год писал: «Как христианин и как проповедник науки Христовой я не могу не видеть в Москве моих ближних, братьев, не могу их не любить или любить меньше, чем люблю ближних и во Христе братьев в Кракове, Варшаве и Познани. Как Славянин не могу в Москве не видеть русских людей. А хотя я Малорусин, а там живут Великоруссы; хотя у меня выговор малорусский, а у них великорусский, но и я русский и они русские... Старый наш отец Нестор, родом Малорусс, начал летопись свою словами: “Се повести временных лет откуда пошла есть русская земля...” Под этой русской землей он подразумевал не одну Галицкую или Малую Русь, но всю Русь, весь северо-восток Европы» [85, с. 65]. Наумович подчеркивал, что отречься «от всего общего с Москвой — значит перестать быть русским христианином, славянином, отречься от греческой церкви, богослужения, летосчисления, своих праотцев и стать... предателем прадедовской церкви, отступником Руси» [85, с. 67].

Особую страницу деятельности Наумовича составляют его литературные произведения, помещавшиеся в периодических изданиях, а также выходившие отдельными книжками. Со страниц своих повестей к читателям-прихожанам обращается любящий духовный пастырь и талантливый писатель. Проповедь христианских добродетелей, страха Божия, трезвости, трудолюбия, просвещения, объяснение малопонятных мест в богослужении, хозяйственные советы крестьянам, исторические сведения о прошлом и настоящем родного края — все это подается в таком пленительном виде, таким легким языком, что читать их составляет не труд, а удовольствие³⁷.

В исторической литературе мы находим попытки свести вражду между украинским и русским лагерем в Галичине (а к украинскому лагерю относились как народовцы, так и социалисты) прежде всего к вопросу литературного языка. Отстаивая безусловные права украинского языка, москвофилов обвиняли в навязывании народу русского языка, который сами москвофилы как следует не знали. Так, например, уроженец Полтавской губернии, один из духовных лидеров галицких украинцев, Михаил Петрович Драгоманов (1841–1895) в своей брошюре, вышедшей во Львове в 1876 г., приводит цитату на якобы русском языке из «Слова» и рядом тот же текст

³⁷ В конце прошлого века они были переведены с «галицко-русского наречия» и изданы в серии «Приходская библиотека».

на правильном русском. Это выглядит весьма эффектно не в пользу «Слова» [48, с. 32]. Наумович писал и свои художественные произведения, и экономические статьи, и хозяйственные советы на том языке, которым говорил народ. Это не был классический украинский язык (в украинских хрестоматиях мы его не найдем!), это был тем более не русский литературный язык, он безусловно требовал перевода. Это был подлинно народный язык, и на нем обращался к своим читателям лидер москвофилов — еще одно подтверждение того, что различия двух лагерей лежали не в области языка!

В 1871 г. Наумович основал в Коломые ежемесячник «Науку» и совместно с типографом Михаилом Белоусом газету «Русская рада», выходящую два раза в месяц. В письме к известному русскому либеральному деятелю князю Владимиру Александровичу Черкасскому, 25 сентября 1873 г., Наумович пишет: «В покутском городе Коломые есть огнище (т.е. очаг. — *Н.П.*) простонародной литературы, там издаются газеты “Русская рада” (политическая) и “Наука”, беллетристическая с иллюстрациями, имеющие по 1500 подписчиков между духовенством, учителями, общинами и частными лицами земледельческого сословия, также издается мною еще и “Читальня”, ряд книжечек популярных, расходящихся быстро между народом...» [92]. «Наука», почти все материалы для которой писал сам Наумович на «галицко-русском наречии», дошла до широкого читателя. Издания эти продолжали выходить и после смерти Наумовича. В своей книге, вышедшей впервые в конце XIX в. (в 1896–1897 гг.), историк Ф.Свистун пишет: «Первые народные повременные издания прозябли лишь короткое время... Только пок. Наумовичу удалось приобрести для своей “Науки” (с 1872 г.)³⁸ постоянную публику среди крестьян и мещан. Также держится популярная газетка “Русская рада” в Коломые, основанная также пок. И.Наумовичем» [122, с. 430]. В статьях, помещаемых в «Науке», которую современный американский исследователь П.Р.Мэгочи³⁹ характеризует как «журнал с практическими советами для сельских жителей» [89, с. 134], Наумович ведет разговор со своими читателями под четырьмя им самим сформулированными лозунгами — «Молися, учися, трудися, трезвися!» Лозунги эти были чрезвычайно актуальны для тогдашней Галичины. Забитость, темнота, невежество и пьянство были, по мысли галицкого пастыря, едва ли не главными бичами галицкого села после отмены барщины. Как священник он призывал молиться, на страницах «Науки» давал пояснения Священного Писания, учил жить «по церковному» [85, с. 103]. В то же время он старался снабдить крестьянина необходимыми сведениями из разных областей знания и прежде всего познакомить его с передовыми методами ведения хозяйства — именно они, по его мнению, помогут выйти из нищеты, помогут трудиться без лени и самим добиваться благосостояния. Здоровая, трудовая, одухотворенная верой и культу-

³⁸ Первые 4 номера «Науки» за декабрь 1871 и январь — март 1872 гг. вышли в виде книг. Как журнал «Наука» начала выходить с апреля 1872 г.

³⁹ Иногда его пишут «Магочи».

рой жизнь должна была помочь крестьянину избавиться от пьянства — страшного порока тогдашней деревни, в насаждении которого были заинтересованы и поляк-помещик, получавший от корчмаря-арендатора в виде арендной платы порядочный куш, и сам корчмарь, обычно богатый еврей, делавший из корчмы едва ли не единственное место, где мог отдохнуть от своей скучной, безнадежной и нищей жизни темный галицкий крестьянин. Выпускавшаяся Наумовичем «Наука» выходила в Коломые с 1871 по 1876 год, затем издание было перенесено во Львов (1877–1886), а в 1886 г. «Наука» издавалась в Вене. «Русская рада» выходила в Коломые в 1871–1880 гг. В 1879–1882 гг. редактором журнала «Слово Божие» также был Наумович.

Через два года после основания «Науки» Наумович предпринял еще один шаг для просвещения галицкой деревни. В 1873 г. он был избран в венский рейхсрат (парламент) и здесь встретился со словенскими будителями, рассказавшими ему о недавно организованном в Словении Обществе св. Могора. По образцу его в 1874 г. Наумович создает в той же Коломые общество и дает ему имя Михаила Качковского [86, с. 89]. Михаил Алексеевич Качковский (1802–1872) был яркой фигурой в истории галицкого русского движения. Он был сыном сельского священника, по замечанию Б.А. Дедицкого, написавшего историю первой половины жизни М. Качковского, любившего «молебные книги старых изданий», в которых «большая соблюдена точность» и по ним служившего [45, с. 11–12]. Еще одна черточка к проблеме «обрядового движения» — Михаил не стал униатским священником, как его отец, а выбрал гражданскую карьеру и стал государственным чиновником, получал довольно значительное жалованье. Однако жизнь вел аскетическую, на себя тратил минимум и, как мы видели, много сделал для Галичины. Он скончался в 1872 г., оставив свой капитал на нужды родного края. В литературе иногда мы находим упоминания, будто общество его имени основано на его деньги. На самом деле это не так. Как пишет Мэгочи, после внезапной смерти Качковского после него осталась завещанная Народному дому во Львове сумма в 60 000 гульденов, предназначенная на публикацию книг. Народный дом не уступил этих денег Обществу, оно не получило никаких средств из имущества Качковского, и вся его издательская и просветительская деятельность проходила исключительно на средства его собственных членов, из которых большинство составляли крестьяне [89, с. 134]. Целью Общества было «распространение наук, нравственности, трудолюбия, трезвости, бережливости, гражданского сознания и всяческих добродетелей среди русского народа Австрии» [89, с. 135]. Основным направлением деятельности Общества была деятельность издательская — ежемесячно выпускались небольшие брошюры по самым разным темам, по различным отраслям знания, написанные живым слогом на «традиционном так называемом галицийско-русском языке... использовалось также традиционное этимологическое письмо, привычное для местного населения», — как характери-

зует эти издания Мэгочи [89, с. 136]. Издания Общества завоевали широкую народную аудиторию. Важным элементом работы Общества были и ежегодные народные собрания. При открытии его в 1874 г. присутствовало 300 человек, половину составляли крестьяне. Впоследствии на ежегодные съезды, проводившиеся в разных городах Галичины, собиралось до 5 тыс. человек [89, с. 134, 136]. Это были настоящие крестьянские праздники, первоначально они были приурочены ко дню смерти Качковского 8 августа по старому стилю, а позднее проходили в середине сентября, чтобы не мешать уборке урожая. Кроме отчетно-выборного собрания, на этих съездах устраивались церковные службы, торжественные шествия, спектакли, концерты, народные гуляния, а начиная с 1879–1880 гг. — также сельскохозяйственные выставки. Общество имело филиалы в различных районах края. Создавались читальни, книги поступали из центрального отделения, которое вначале находилось в Коломые, а с 1870 г. во Львове.

До 1910 года Общество не получало никакой государственной помощи (в отличие от украинской «Просвиты»), все делалось за счет самих членов, причем плата была 1 гульден в год [89, с. 135, 139]. Ведущие должности были выборными, работа проходила на общественных началах. Первым председателем был избран Наумович. В известной уже нам монографии Ф.Свистун (немного позже в 1903–1914, бывший председателем Общества писал (приводим текст без редакции): Наумович «считался массаами народа не лишь учредителем, но и душою им придуманного и введенного в жизнь Общества... Наумович предлагал народу чтение по всем отраслям исторических знаний... Если в поодиноких (отдельных. — *Н.П.*) окрестностях среди крестьян обнаружилась охота к просвещению и улучшилось хозяйство — заслуга в том лишь Наумовича. Признают то также сами крестьяне. Наумович настаивал дабы в цели отклонения крестьян и мещан от корчмы заводили всюду читальни [122, с. 418].

В своих статьях, выходивших на страницах «Науки», в повестях и брошюрах, обращенных к галицкому крестьянину, Наумович пытался способствовать улучшению его экономического положения. Он рекомендует передовые методы хозяйства, советует приобретать машины в совместное пользование, заниматься разведением пчел, знакомит читателя с наиболее рациональными образцами ульев, делится собственными секретами пчеловодства. Он стремится вселить в крестьянина веру, что при упорном труде, не тратя последних грошей на водку, можно выбраться из нужды. Если же земля все же не могла прокормить, он рекомендует заниматься одновременно ремеслами, учить ремеслам детей. Это была довольно стройная экономическая концепция, неприемлемая для идеологов социализма и советских историков-марксистов.

Так, украинский ученый С.Злупко в своей монографии, посвященной экономической мысли в Западной Украине 2-й пол. XIX в., отводит целую главу критике экономической платформы «Науки».

По его мнению, Наумович — реакционер, крепостник, в его программе всегда преобладала феодальная политико-экономическая основа, его рекомендации помочь крестьянину не могли. Вопреки заглавию главы, Злупко не приводит ни одного высказывания из «Науки», отрывочные цитаты из других произведений галицкого деятеля не дают цельной картины его экономических взглядов, а такие пассажи как «реакционера Наумовича не интересовала доля простых людей» или «поп И.Наумович прилагал немало усилий, чтобы облегчить эксплуататорам ту же затянуть петлю на шею украинского народа» [51, с. 61] выглядят уже прямой неправдой. Думается, такая позиция автора объясняется тем, что в экономических работах Наумовича нет призыва к революционному изменению всей социально-экономической и политической ситуации в крае. Прагматик в своей основе, он учит крестьян не борьбе за социально-экономические права, добиться которых у них вообще не было возможности, а пытается дать конкретные советы, как выжить в конкретных условиях тогдашней Галичины. И недаром и Иван Франко, и Михаил Павлик, которых трудно заподозрить в москвофильских симпатиях, на первых порах участвовали в работе Общества им. Качковского [89, с. 139], а впоследствии отдавали должное деятельности Наумовича.

Такое положение не могло продолжаться долго — власти ждали только удобного случая для расправы с Наумовичем, а также с лидером русского движения в Закарпатье А.И.Добрянским. Такой случай вскоре представился.

8. «ПРОЦЕСС ОЛЬГИ ГРАБАРЬ» 1882 г.

В 1882 г. австрийскими властями был организован громкий процесс — первый среди политических процессов против лидеров русского движения конца XIX — начала XX вв. Все эти процессы, в которых обвинялись в государственной измене русские деятели Галичины и Закарпатье, кончались ничем — русское движение в Карпатской Руси носило легальный характер, обвинения были беспочвенными, но процессы служили методом устрашения и хотя бы частичной расправы с инакомыслящими гражданами, не совершавшими никаких проступков против законов империи. Поводом для так называемого процесса Ольги Грабарь, затеянного в 1882 г., послужил маленький эпизод в галицком селе Гнилички. Жители села хотели иметь самостоятельный приход, но этому воспротивился настоятель прихода в Гнилищах, к которому принадлежали Гнилички, и львовская консистория. Тогда крестьяне пожаловались своему помещику графу Делла Скала, православному румыну. Он предложил им перейти в православие. «Я вам сведу из Буковины попа не такого гонорного» [122, с. 311]. Прошение к администрации и местным епархиальным властям греко-католической львовской и греко-православной черновицкой церковью писал Наумович, назвав греко-восточную веру «верой наших отцов» [90, с. 41–42]. Православие в Империи отнюдь не было запреще-

но — оно было господствующим исповеданием в Буковине, в сербской Воеводине. Но здесь под чисто религиозный казус подводилась политическая подоплека. Были арестованы наиболее видные деятели русского движения — А.И.Добрянский, проживавший тогда во Львове, его дочь Ольга Грабарь, мать русского искусствоведа и художника Игоря Грабаря, тогда мальчика, редактор «Слова» В.М.Площанский и еще целый ряд лиц, в их числе Наумович и его два сына. Арестованных обвиняли в российском панславизме, в том, что они старались «оторвать Галичину и Буковину и Северную Угорщину от... австрийской державы и вызвать опасность для державы извне и опасность гражданской войны внутри» [85, с. 82]. Наумовичу ставилась в вину его благотворительная деятельность, он якобы занимался ею не из любви к ближним, а «чтобы возбудить среди сельского населения... симпатии к России и распространить отвращение к здешним политическим учреждениям и церковной унии» [85, с. 75]. Обвинение в государственной измене позорно провалилось. Однако суд присяжных признал Наумовича, Площанского и двоих крестьян виновными в участии в связях, задачей которых было возбудить ненависть или презрение к австрийской державе, что было подведено под параграф нарушения публичного спокойствия. Их приговорили к нескольким месяцам тюрьмы. Наумович получил 8 месяцев [85, с. 82]⁴⁰. После более чем шестимесячного предварительного заключения он был временно выпущен под залог, пока его кассационная жалоба рассматривалась в Вене. Вернуться в свой приход он не мог, его отобрали у него духовные власти, затем последовало отлучение его от церкви. Кассационная жалоба не принесла результата, Наумович отсидел еще полные 8 месяцев и вышел из тюрьмы 14/26 августа 1884 г.

М.Павлик, идейный противник москвофилов, в своей написанной по-украински брошюре о москвофильстве, вышедшей в 1906 г., в которой, однако, использованы материалы его же статей 80-х гг., высказывает любопытные соображения. Он старается посмотреть на историю края и вражды «украинского» и «русского» направлений в нем глазами крестьян Галичины. (Мы переводим «русский люд» как «русский народ».) Он считает, что москвофильство принесли и распространили среди русского народа не московские агенты [102, с. 10]. Русский народ Галичины знал только про москаля, что вера его такая же как «руська віра в Галичині», только «твердша» (т.е. более твердая), то есть что москаль твердо исполняет церковные правила. «Русько-украинский люд» Галичины до 1882 г. не имел понятия о православии, а если бы и имел, его бы оттолкнули формализм православия и царящая в нем деморализация, о которых народ был то там то сям проинформирован украинскими социалистическими изданиями 1878 г. Несчастный и грозный своими последствиями 1882 год испортил все. Главные жертвы этого года,

⁴⁰ Мы даем сведения о процессе со ссылками на историческую литературу, прежде всего на монографию Мончаловского, широко использовавшегося документальный материал. [Документы процесса см. 125.]

в частности о. Наумович, копались прежде всего в своих якобы российских и народных изданиях «Наука» и «Русская рада», в религиозных, а скорее обрядовых делах на тему «чистой» русской веры, т.е. православия, но русский народ в Галичине, который читал популярные издания Наумовича, до того времени обращал внимание не на их копания, а на практические хозяйственные дела, которые, заметим попутно, о. Наумович разбирал лучше всего. Но после ареста этих людей галицко-русский народ начал считать их мучениками, особенно Наумовича, которого наш народ обожал за писание русским народным языком и который действительно много сделал для просвещения галицких крестьян. Вот почему наши крестьяне следили с огромным вниманием, в чем обвиняют этих людей и как кончится все это дело. На горе, расправа 1882 г. обернулась скорее церковным собором, на котором судили православие («православную справу») [102, с. 19–20]. Думается, такое мнение политического противника москвофилов достаточно интересно. Действительно, финал процесса знаменовал перелом в религиозной жизни края.

9. НА ПУТЯХ К ПРАВОСЛАВИЮ

Как мы видели, попытки исправления обряда в униатских церквях были пресечены насильственным образом католическими властями, положение в униатской церкви далеко от идеального. Недаром видный общественный деятель и педагог Феодор Иванович Белоус (1828–1892) [О нем 21, с. 102–103] в своей брошюре 1876 г. одну главу озаглавил: «О весьма редких примерах ревности в делах церковных». Первым он сразу называет Наумовича, приводит редкий его портрет [6, с. 120–121, 149].

Знаменательно, что еще до окончательного утверждения приговора Наумовича отлучили от церкви. Ожидая ответа на свою кассационную жалобу в 1883 г., он написал большую апелляцию к папе Льву XIII против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме [90]⁴¹. Он доказывает, что ничем не провинился перед духовными властями, просит снять с него отлучение, восстановить «в прежнем звании» [90, с. 69]. Он нигде не выходит за те рамки, которые ставило ему положение униатского священника, апеллирует к авторитетам, безусловно, признаваемым Католической Церковью, прежде всего к постановлениям Флорентийского собора 1439 г., согласно которым при унии полностью сохраняется весь православный обряд, что было подтверждено и Брестской унией 1596 г. Однако весь тон апелляции — не мольба о пощаде, а грозная обвинительная речь против унии. Автор показывает бесправие униатского духовенства перед лицом польского и католического засилия, прямо говорит, что уния предназначена служить и служит «только средством к пресле-

⁴¹ О.О.Марков сообщает, что «Апелляция» была составлена А.И.Добрянским [73, с. 7], не подтверждая, однако, это сообщение никакими ссылками. Ваврик более осторожен. «Трудно установить и говорить, — пишет он, — как далеко в составлении письма шла работа весьма образованного и начитанного А.И.Добрянского» [11, с. 59].

дованию чисто политических целей, в частности, к искоренению русского народа» (с. 54). Он доказывает это многочисленными примерами. Так, в духовных семинариях изгнан не только отечественный, но и церковно-славянский язык, на котором священникам впоследствии придется служить (с. 16). Надзор за церквами и приходскими священниками поручается людям чужого обряда и даже евреям, откуда происходят доносы, волнения и всяческие преследования русских униатов — священников и мирян (с. 40). Латинизируется богослужение, нарушается и искажается обряд. Но не только, а скорее не столько нарушение собственно обряда обличает Наумович. В понятие восточного обряда он вкладывает все церковное устройство восточной церкви и обличает нарушение соборности, назначение, а не избрание митрополитов собором, фактическое бессилие их в церковном управлении, отстранение от участия в управлении женатых священников и мирян. Соборы не собираются, а на местах вся власть и влияние перешли к церковным патронам полякам-латинянам (с. 30). Древние богослужебные книги заменены новыми, которые переполнены ошибками. В новых богослужебных книгах ничего не говорится об употреблении на литургии губок и теплоты, не предписывается более уставом пение на литургии двух псалмов, автор приводит в качестве примера ошибок также предписываемые в новых книгах чтение Символа Веры с прибавлением *Filioque* и обязанность поминать в церковных службах не только местного епископа, но и папу, что не полагается по древнему уставу и «умалывает авторитет местного епископа» (с. 23). Настоятели монастырей лишены их традиционной власти, количество монастырей греческого обряда все уменьшается, черное духовенство в своих собственных монастырях и имуществвах подчиняется пришлым латинским монахам, оно утратило древнее право на возведение в епископский сан. «Поколеблен весь строй церкви» (с. 31). Русский народ в Галичине с помощью унии обманут, и нет ничего удивительного, если он стремится вернуться к вере отцов, т.е. к православию (с. 54, 70).

В XX в. протоиерей Александр Шмеман скажет, что Церковь знает только единство и не знает «унии». «Уния есть в конечном итоге неверие в единство» [139, с. 301]. Это чувствовал и понимал в конце XIX в. униатский священник Наумович, верный до конца церкви, в которой крещен в младенчестве, в которой славно служил и из которой был изгнан. Свой приговор унии в Галичине он заканчивает надеждой на христианскую любовь, которая подаст победу «церкви Христовой против сильнейших врагов ее, прекратит несогласие, длящееся 800 лет между востоком и западом, и на место его восстановит прочное и непоколебимое согласие между верующими» [90, с. 71]. Зная издавную позицию папского престола, нетрудно было угадать, что после такой отповеди Наумовичу уже не на что было надеяться. Правда, митрополит Сильвестр Сембратович призывал его покаяться, безусловно покориться Риму и даже поехать туда за прощением. «Я не мог этого сделать, — писал Наумович позднее Мончаловскому, рассказывая, что в обмен на отречение

от своих взглядов Сильвестр Сембратович обещал ему «светлую будущность» в его бывшем приходе [85, с. 87]. В том же 1883 г. «Апелляция», написанная по-латыни, была издана в русском переводе в Петербурге в синодальной типографии с разрешением цензора духовной цензуры архимандрита Арсения. Путь Наумовича как униатского священника был завершен. А в октябре 1885 г. в маленькой церкви во Львове он принял православие [43, с. XXVI].

С 1882 г. начинается массированное наступление Рима на униатскую церковь. Картину этого наступления дает представитель младшего поколения русских галичан, друг и биограф Наумовича Осип Андреевич Мончаловский (1858–1906) в своем очерке «Положение и нужды Галицкой Руси» [87]. Этот очерк, как пишет опубликовавший его в 1915 г. в серии «Библиотека карпато-русских писателей» Ф.Ф.Аристов, «был прочитан автором в Петрограде в 1903 году и тогда же издан на правах рукописи и без подписи в самом ограниченном числе экземпляров, совершенно не поступавших в продажу⁴². В Австрии, по политическим условиям, этот очерк, конечно, не мог быть напечатан» [87, с. 6]. Под шум процесса 1882 г. и страшного террора иезуиты и поляки, пишет Мончаловский, «устроили передачу всех василианских монастырей в Галичине и их громадных имуществ, пожертвованных еще русскими князьями и царями, под власть и руководство иезуитов. Тогдашний митрополит Иосиф Сембратович пытался было сопротивляться этому захвату. Но правительство и сам император Франц-Иосиф стали на сторону иезуитов и поляков. Наместник Галичины гр. Альфред Потоцкий был вызван в Вену. Там он получил следующий приказ от императора: “позаботьтесь все русское население обратить в римско-католичество”. Гр. А.Потоцкий напрасно представлял императору, что русское население слишком предано греческому обряду, чтобы его можно было без серьезно сопротивления обратить в римско-католичество. Император остался непреклонным, и вскоре наместник получил отставку, а митрополит Иосиф Сембратович был, без канонического процесса, смещен и удален из Галичины. Он поехал в Рим и там умер в заточении... Самые образованные священники выходили из русской духовной семинарии в Вене, основанной еще при императрице Марии-Терезии. В 1893 году император издал рескрипт, закрывающий это учебное заведение и определяющий фонды, на счет которых содержались воспитанники семинарии, на их воспитание в Риме. Одновременно правительство постановило закрыть генеральную духовную семинарию во Львове, где в университете воспитывались будущие священники для всех трех галицких епархий⁴³, и открыть для этой цели епархиальные семинарии, с понижением образовательного ценза будущих пастырей. Цель этих мероприятий следующая: из епархиальных семинарий будут выходить священники без университет-

⁴² Немного в другом виде под псевдонимом «Аз» под тем же заглавием очерк был опубликован в «Известиях Санкт-Петербургского благотворительного общества», 1903, № 3, с. 35–51.

⁴³ Львовской, Станиславовской и Перемышльской.

ского образования и вполне зависимые от своих епископов — правительственных ставленников [87, с. 9–11]. Ответом на эти меры был переход в православие. Напр. в 1886 г. перешел в православие Мончаловский [87, с. 5]. Однако сведений, кто и сколько переходили в православие, нам пока обнаружить не удалось. Причин, вероятно, несколько. Одна, конечно, — страх навлечь на православных прямые гонения (процесс показал это наглядно). Но была, думается, и другая, не менее важная. Рядовыми прихожанами разница между греко-католическим и православным вероисповеданием ощущалась весьма мало, и вражды не было никакой. Недаром тот же Мончаловский говорит, что в значительном большинстве русских церквей во всех трех галицких епархиях богослужение совершается по книгам, изданным в России, или по львовским изданиям времен православия, тысячи галицких крестьян ходят на богомолье в Сочаву на Буковине, в Почаев и даже в Киев. И недаром кардинал Сильвестр Сембратович, ярый сторонник католицизма, ставший через некоторое время после изгнания своего дяди Иосифа галицким митрополитом, при посещении церквей своей епархии собственноручно вырывал из церковных книг заглавные листы, чтобы нельзя было узнать, где они изданы [87, с. 8]. Сильвестр Сембратович вполне заслуженно вызывал ненависть русских галичан и недаром на главном венском вокзале он был однажды побит тухлыми яйцами, за что организатор демонстрации, тогда студент, а в будущем крупный галицко-русский деятель Юлиан Андреевич Яворский (1873–1937) был арестован и исключен из Венского университета [8, с. 61].

Сильвестр Сембратович умер в 1898 г. Его на короткий срок сменил митрополит Юлиан Куиловский, старый друг Дедицкого, а с 1901 года митрополитом Галиции становится польский граф Андрей Шептицкий (1865–1944). До принятия монашества Роман, католик, офицер австро-венгерской армии, Шептицкий в 1888 г. стал униатом, монахом ордена василиан, в 1899 г. — епископом Станиславским, в 1900 — епископом Львовским, а в 1901 — митрополитом Галиции, сохранив свою власть в униатской церкви до самой кончины. Смещение с митрополичьей кафедры Иосифа Сембратовича, откровенно прокатолическая деятельность верхушки униатской церкви не могли не оттолкнуть от нее русских галичан. В то же время массового перехода в православие, вероятно, в этот период еще не наблюдалось⁴⁴, переход в православие О.А.Мончаловского в 1886 г. [87, с. 5] или Наумовича, который совершился «в малень-

⁴⁴ Конкретных условий для массового перехода в православие в Галиции тогда не было, это хорошо показал Львовский процесс. К тому же в массе своей на местах русские галичане, вероятно, не сознавали большой разницы между православными и греко-католиками, имеющими в принципе единый обряд. Статистика весьма разноречива. Так, Свистун говорит, что по статистике в 1890 г. во Львове было 107 православных [122, с. 338], а настоятель львовской православной общины тоже по статистике 1890 г. называет цифру православных Львова 340 душ. Забегая вперед, скажем, что согласно календарю общества Качковского на 1912 год во Львове было 520 православных [122, с. 466].

кой церкви во Львове» в октябре 1885 г. [43, с. XXVI] скорее были исключениями. Что это была за «маленькая церковь»? Нам удалось найти только две публикации, раскрывающие эту загадку. Обе они — большая библиографическая редкость. И нам кажется уместным просто кратко пересказать приводимые в них сведения (порой почти дословно). Насколько нам известно, ныне (1999) во Львове существует лишь одна церковь св. Георгия, или в просторечии «Малый Юра», сохранившая верность Московской Патриархии. Она была заложена в 1897 г.⁴⁵ На страницах петербургского Церковного вестника через год появилась небольшая статья о православном храме во Львове и закладке здания [114]. Безымянный автор, допустивший ряд неточностей, очевидно, не знал, что в 1896 г. во Львове на немецком языке была опубликована брошюра настоятеля православного прихода иеромонаха Эмануила-Евгения Воробкевича [150], дающая комплекс сведений о судьбах православия в Галичине вплоть до конца XIX в. Автор оговаривается, что, кроме имевшихся в его распоряжении архивных материалов он использовал также анонимную рукопись, написанную, по всем данным, в 1848 г. на русском языке и переданную ему для исследования «знаменитым археологом и историком, глубокоуважаемым митрофорным греко-католическим протоиереем господином Антоном С.Петрушевичем» [150, с. 30]. После небольшого исторического введения автор дает картину насильственного введения унии в крае, продолжавшегося на протяжении почти 200 лет. Он подчеркивает, что многие перешедшие в унию под нажимом оставались в душе православными и в качестве примера приводит слабого, по его мнению, Львовского епископа Иосифа Шумлянско-го, принявшего в 1700 г. унию «из слабости, чтобы иметь покой и мир» (с. 24), который однако в душе остался православным и на смертном одре завещал православному Манявскому скиту 1000 польских золотых гульденов, «чтоб святые отцы могли молиться о его грешной душе» (с. 29). В 1709 г. во Львове пал последний оплот православия — ставропигийская Успенская церковь стала униатской. На протяжении 1-й половины XVIII в. то здесь, то там сохранялись еще православные общины, они постепенно исчезали, и наконец православное богослужение можно было совершать только в Манявском скиту (в Станиславской области), к которому тянулись православные всей Галичины. Основанный в начале XVII в. Манявский скит продержался до 1785 года. Напрасно старались заставить последнего игумена Исака Протасевича и его 59 человек монахов принять унию — этого не произошло, и тогда в 1785 г. монастырь просто подвергся насильственной секуляризации, т.е. был ликвидирован, игумен и монахи изгнаны и бедными странниками они были приняты частью в Киево-Печерской лавре, частью в Буковине, где их приветно приютили в монастырях Сучавица и Драгомирна (с. 29).

Но тут во Львове в том же 1785 г. организовалась православная община, которой из всего убранства Манявского скита удалось

выкупить иконостас, сохранившийся до конца XIX в., который Воробкевич надеялся установить в предполагаемой постройке церкви. Остальное убранство было передано униатской семинарии во Львове. Ссылаясь на предоставленную Петрушевичем рукопись, автор пишет, что в больших торговых городах Восточной Галиции, во Львове и особенно в большом свободном торговом городе Броды на протяжении XVIII в. поселилось много православных купцов. Немногие малорусские (Kleinrussische, так автор называет русинов) семьи во Львове остались верны православию. Все они после перехода Ставропигийской Успенской церкви в унию вообще не имели ни храма, ни священника. Среди православных Галичины были греки, валахи, сербы, немного малороссов и великороссов, а также некоторые молдавские господа, князья и бояре, бежавшие от преследований Оттоманской Порты и получившие уже права гражданства. Сильная православная община в том же 1785 году подала прошение, в ответ на которое вскоре получила разрешение служить по своему обряду и самим избирать себе священника. Община была богатая, был нанят дом, в нем устроена церковка (так мы переводим «Karelle» Воробкевича), в ней установлен иконостас из скита, и на Рождество 1787 г., после 78 лет перерыва, во Львове возобновилось православное богослужение. Поскольку община состояла из греков, румын и славян, богослужение совершалось на трех языках, а необходимые книги были получены за плату из Буковины. Автор прибавляет, что ныне богослужение совершается на этих же трех языках, т.к. община состоит из тех же элементов, что и сто лет назад, только греческий язык употребляется по большим праздникам, проповедь идет теперь только на малорусском и румынском языках, лишь иногда, когда собирается много чужой публики, проповеди произносятся по-немецки. Итак, в конце XVIII в. община была сильная, жертвовали на нее охотно и богатые и бедные, и средств хватало. Однако старики постепенно умирали, а молодые большей частью покинули страну, т.к. торговля резко упала. В 30-е годы XIX в. община находилась в отчаянном положении. Автор подробно описывает перипетии борьбы ее с нищетой — священник три года не получал жалованья и ему просто грозила голодная смерть, купленный ранее дом был продан на уплату долгов и т.д. Наконец, до того самостоятельная община передалась под начало буковинской епархии и вынуждена была отказаться от избрания своего настоятеля и псаломщика (Kirchensanger). За истекшее столетие церковка много раз меняла свой адрес, находилась в разных домах, а с 1893 г. и поныне, т.е. до мая 1896 г., даты написания брошюры, она ютится в жалком помещении, ожидая постройки монументальной церкви. Автор сообщает далее имена священников, служивших в общине за все время ее существования, а также нынешних благотворителей, среди них «член общины господин Константин Павлович Пустошкин, который эту общину великодушно и большими материальными пожертвованиями поддерживает (с. 44) (кто он, автор не упоминает; это русский консул во Львове), протоиерей Иван Наумович, Об-

щество Качковского, львовская «Просвета» (напечатанная почему-то гражданкой через «ять») [с. 44]. Последняя, третья глава посвящена современному состоянию православной общины и храма на май 1896 года. У православных во Львове и во всей Галиции имеется лишь одна временная церковка, располагающаяся в худо приспособленном помещении. Она служит одновременно и гарнизонной церковью для военных православного вероисповедания, причем у них имеется свой военный священник протоиерей Николай Димитриевич, бывший некоторое время (1885–1886 гг.) настоятелем православной общины, о котором автор тепло отзывается. В Галичине существуют еще 2 домовые церкви при тюрьмах, женской во Львове и мужской в Станиславе, однако посторонние туда не допускаются.

По статистике 1890 г., пишет далее Воробкевич, во Львове живет 72 семьи православных, это 340 душ, в остальных частях Галиции 226 семей, 1089 душ. Церковный совет церкви православной общины, настоятелем которой служит автор с 1889 г.; избирается каждые три года. К моменту написания брошюры в него входили советник при высшей судебной палате во Львове Корнилий Коссович (сениор), профессор университета во Львове доктор Михаил Грушевский, литератор, «собственник и издатель многих литературных газет во Львове» Иосиф Мончаловский и банкир директор Николай Процьк (с. 47–48). Далее следует описание богослужений. Особо автор отмечает прекрасный хор из 8 певцов, исполняющих труднейшие произведения на славянском, греческом и румынском языках, причем Черновицкая консистория средств на хор не давала. Начало создания хора положил о. Николай Димитриевич, который в 1885–1887 гг. был временным настоятелем общины, а по его стопам пошел и автор, ему помогли члены церковного совета Николай Процьк и Иосиф Мончаловский (с. 49). Далее рассказывается об имуществе общины и особо о библиотеке, насчитывающей 571 произведение (более 600 томов) частью церковного, частью светского содержания, первые на церковно-славянском, греческом и румынском языках, светские, кроме них, на немецком, великорусском, малорусском, польском и сербском языках. Для членов общины библиотека открыта два раза в неделю с 2-х до 6-ти часов. Цель библиотеки — дать членам общины наставление и развлечение («*Belehrung und Unterhaltung*»). Заведует библиотекой и ризницей псаломщик Деметер Якубович. Третий член причта Иоганн Рагозев — церковный слуга. И Воробкевич, и оба церковнослужителя — буковинцы.

В заключение книги автор останавливается на том, как добивалась община разрешения на построение храма и дома причта (Seelensorgehaus). Началось это при протоиерее Дионисиусе Митрофановиче, настоятеле в 1870–1885 гг. Не только малое помещение временной церковки, не вмещавшей всех молящихся во время службы, но и аварийное ее состояние требовало постройки настоящего храма. Сведения и тексты документов, приводимые автором, показывают, как трудно было этого разрешения добиться. Между

тем в 1893 г. полиция попросту заперла церковку и запретила ее дальнейшее использование из-за прямой опасности для находящихся в ней. Пока устраивалась новая временная церковка (с 12 июля по 23 августа 1893 г.), православная община вообще осталась без храма, но протестантская община Львова любезно предоставила православным свой храм, и там несколько раз совершалась литургия. (Трогательно несколько раз автор говорит, что литургия была не «отслужена», а «отпразднована» — «gefeiert» (с. 54). Официальное разрешение на строительство было, наконец, получено и автор заканчивает свой труд на оптимистической ноте — почти все формальности уже соблюдены и «дай Господи, когда читатель будет читать эти строки, над львовским православным храмом уже будет здорово (wacker) работать» (с. 66). Брошюра вышла в свет в том же 1896 году, изданная на средства автора. Как сообщается на титульном листе, деньги от продажи пойдут на украшение внутреннего убранства будущего храма. Закладка его состоялась через год и четыре месяца после написания брошюры, а еще более чем через год об этом узнали русские читатели со страниц «Церковного вестника». «Как трудно было получить это разрешение — пишет безымянный автор заметки — видно из того, что в течение восьми лет им (о. Воробкевичем) подано было императору Францу Иосифу, наместнику князю Сангушко, в различные министерства, в Львовский магистрат, Черновицкую консисторию 240 прошений, причем более 150 раз он был вызываем для личных объяснений. Много содействовал делу сооружения Львовского православного храма русский консул во Львове К. Пустошкин. В минувшем году труды о. Эммануила Воробкевича увенчались успехом: 2 сентября (4 октября) 1897 года совершена была закладка храма... Подрядчиком работ состоит львовский архитектор Раевский, надсмотрщиками за постройкой — советник наместничества во Львове Гавришкевич и министерский советник Сакс» [114, с. 1950–1951]. 29 августа 1898 г. были освящены кресты и купол, а в 1901 г. храм открылся.

10. ПОСЛЕ ПРОЦЕССА. 80—90-е годы

«80-е годы — период реакции не только в России, но и в Австрии. Экономическое и политическое положение украинских трудящихся в Галиции продолжает ухудшаться. Неуклонно растет пролетаризация крестьянства. Развитие промышленности сопровождается жестокой эксплуатацией рабочих. Венское правительство делает ряд новых уступок польским помещикам и буржуазии за счет украинского народа... Положению украинского народа в Западной Украине не благоприятствовала и внешняя политика Австро-Венгрии. Оккупация в 1878 году Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками резко ухудшила взаимоотношения Австро-Венгрии и России. Австро-германское соглашение 1879 года, направленное против России, и подписание в 1882 году союзного договора Австро-Венгрии с Германией и Италией еще более усилили напряженность ее внешнеполитических отношений с Россией. Эта напряженность

в последующие годы уже не ослабевала. Три десятилетия спустя Австро-Венгрия объявила России войну» — так характеризует эпоху советский исследователь [70, с. 110]. Естественно, что такая расстановка сил на мировой арене и внутри страны должна была тяжело отразиться на русских галичанах.

Несмотря на то, что процесс Ольги Грабарь окончился практически почти ничем, никакой государственной измены попросту не было, его последствия изменили расстановку сил не в пользу русских галичан. Русское движение вновь теряет своих лидеров — за решеткой несколько месяцев томятся Наумович и Площанский, через некоторое время они вынуждены искать убежища в России. Живший до процесса во Львове лидер угроруссов Добрянский, оправданный на процессе, все же вынужден покинуть Львов и остаток жизни провести вдали от Карпатской Руси в Инсбруке. Постоянным конфискациям отдельных номеров подвергается «Слово» — так, в 1882 г. за год были конфискованы 16 номеров, причем два номера дважды, в 1883 — 17, в 1885 — 19; 1887 г. был последним годом издания «Слова». В 1882 г. вышло только 3 номера «Науки», но она продолжала выходить. Для нее продолжал писать Наумович, но ее преследуют конфискации, и с 1886 г. ее издание переносится в Вену и журнал продолжает выходить даже после смерти Наумовича.

«Слово» было не единственной газетой русофилов в Галичине. Арестованный в 1882 г., подсудимый Львовского процесса и оправданный Осип Андреевич Марков (1849–1909) с 1881 года до самой смерти издавал газету под разными названиями, но одного направления — это «Пролом» (1881–1882), «Новый Пролом» (1883–1887), «Червоная Русь» (1887–1891), «Галицкая Русь» (1891–1892) и, наконец «Галичанин» (1893–1909). Газета продолжала выходить вплоть до 1914 года [8, с. 52].

Культурная жизнь русских галичан продолжалась. В 1881 г. Иван Франко написал статью «У нас нет литературы». Она была опубликована только в 1941 г. В ней Франко упрекает писателей, что они идут в своих произведениях не от жизни, а от мертвых эстетических схем, что интеллигенция «не только не народ, но даже не часть народа» [70, с. 88–90]. «Записки русского священника» Василия Дмитриевича Залозецкого (1833–1915), повести и рассказы Владимира Игнатьевича Хилыка (1843–1893), в которых передана прелесть карпатской природы и крайняя бедность населения в тисках польского ярма, которые проникнуты «горячей любовью к родине, родным Карпатам, Лемковщине и русскому народу», в которых он подчеркивает «трагизм галицко-русского народа и ищет причины этого неотрадного положения» [8, с. 50], и целый ряд других произведений карпато-русских писателей доказывает, что галицко-русская литература в Галичине того времени есть.

В научной жизни русских галичан этого периода особо надо отметить три фундаментальных труда. В 1896 г. вышла уже неоднократно упоминавшаяся нами «История галицкой Руси под авст-

рийским владычеством» Ф.И.Свистуна. Известный галицко-русский историк, используя огромный исторический материал, пытается дать картину всего периода с 1772 по 1896 год, причем местная галицкая история предстает читателям на большом фоне общеавстрийских явлений в политической и законодательной областях. Стараясь быть максимально легальным или просто дистанцируясь от своих товарищей русофилов, автор уделяет специально русскому движению относительно немного места, стараясь представить цельную картину истории родного края и резко отрицательную роль в ней польских элементов.

Вторая серьезная историческая работа принадлежит перу А.С.Петрушевича. Это крупный шеститомный труд «Сводная Галицко-русская летопись», подборка огромного количества отдельных исторических сведений по истории Галичины с 1600 по 1800 годы с указанием источников. Труд выходил с 1874 по 1897 год, он занял последние в XIX в. тома Литературного сборника Галицко-русской матицы. Труд является крупным вкладом в отечественную историческую науку и далеко выходит за рамки научного краеведения [103, с. 70].

Третий отмечаемый нами труд мы также уже многократно цитировали. Это фундаментальная библиография всех галицко-русских изданий с 1800 по 1886 годы. Ее составитель, замечательный библиограф Иван Емельянович Левицкий (1850–1913), не только приводит в ней книги, названия журналов, газет, но и журнальные статьи, важнейшие статьи из газет, часто сопровождает отмечаемую публикацию исторической ссылкой, раскрывает псевдонимы, приводит многочисленные указатели — это труд всей жизни библиографа, писателя и критика [8, с. 54].

Продолжало свою деятельность Общество имени Качковского, выходили периодические издания москвофилов, однако не только нажим австрийской администрации, но и нажим польский явно усиливался. Однако, поскольку «поляки» по терминологии русинов были более всего польские помещики, то для русинов естественна была консолидация сил и украинофилов и москвофилов. И деятели русского движения готовы были к такому сближению еще накануне процесса. Кратко об этом рассказал О.О.Марков в предисловии к письмам О.А.Маркову лидера угрорусских москвофилов А.И.Добрянского: «В Галичине видели выход из положения в объединении партий и в концентрации всей национально-политической работы русского населения Австро-Венгрии в Галичине. Эта программа диктовалась невыносимыми условиями тогдашней политической жизни и носилась в то время, так сказать, в воздухе. Как раз в 1880 году состоялось во Львове всенародное собрание (вече), созванное при участии: обеих тогдашних галицко-русских партий, на котором с особенной силой было выражено желание возможно близкого сотрудничества и объединения деятельности обеих партий... Расхождение в национально-политической идеологии обеих партий москвофильской и украинофильской — в особенности в широких

кругах населения — не были еще, сравнительно, значительны, так что объединение их деятельности считалось целью вполне реальной и достижимой» [73, с. 4].

Казалось бы, в условиях польского нажима объединение двух направлений галицкого национального движения было бы не только реально, но и весьма полезно. Деятельность Наумовича, писавшего свои книжки для народа отнюдь не на русском литературном языке, показала, что языковые различия вполне преодолимы. Надежд на политическое объединение с остальной Русью при тогдашнем раскладе европейских политических сил не было никаких, и вполне возможно было бы работать совместно на благо родного народа. Но будущее показало, что этого не могло произойти. Переломным стал 1890 год. После предварительных совещаний с наместником Галичины Казимиром Бадени и митрополитом Сильвестром Сембратовичем депутат галицкого сейма Юлиан Семенович Романчук провозгласил проект национально-политического соглашения галичан с поляками, получившего название «Новая эра». В заявлении Романчука содержалось утверждение «национальной отдельности» «русского» народа от «российского», приверженности и преданности «папе и католицизму, а также православным греческим обрядам» [87, с. 53; 122, с. 321]. Сам облик Романчука, достаточно противоречивый, дает представление о сложности национально-политических реалий тогдашней Галичины. Духовный вождь украинофильской партии, Романчук был членом верного древнерусским традициям Ставропигийского института с 1867 года. Избранный в 1891 г. в австрийский рейхсрат (парламент) Романчук полностью не оправдал возлагавшихся на него надежд. «Он стоял за неприкосновенность греко-восточного обряда, не думал об истреблении русофилов, осуждал всякое злоупотребление власти, какой бы партии оно ни касалось» [122, с. 322] и т.д. Таким образом, он уже не мог стоять во главе сторонников «Новой эры», должен был уйти в оппозицию, его место занял Александр Барвинский, и «Новую эру» иногда даже называют эрой Романчука и Барвинского. Романчук прожил 92 года и как старейший член Ставропигийского института во «Временнике» на 1933 год удостоился некролога, в котором мы читаем: «Романчук был убедительным поклонником Австрии, которой служил даже во вред интересам родного народа и славянской идеи. Как депутат галицкого сейма и австрийского парламента был орудием в руках заправил хитрой дипломатии. Когда очнулся, было поздно. Провозглашенная им “Новая эра” в 1890 г. была нужна польской политике и созрела в Вене. Убедившись в том, что пал жертвою, Романчук вскоре вырекся (отказался) своего детища и начал даже борьбу против гр. Казимира Бадени. Однако несколько спустя пошел на уступки. Как политик не отличался большими способностями» [20, с. 133]. Хотя не только историограф, но и свидетель событий Свистун считает, что «Новая эра» не ослабила старорусской партии, а напротив, скрепила ее, члены ее, «закаленные в тяжелой борьбе, приобрели больше опыта и стали с большим благоразу-

мием относиться к другим партиям» [122, с. 322], однако удар был достаточно силен, а за ним последовал еще один, исходивший непосредственно из Вены.

В 1892 г. во всех школах Галичины было введено в обязательном порядке фонетическое правописание. Инициатива принадлежала, как можно понять из развития событий, тому же Сильвестру Сембратовичу. В 1891 г. состоялся униатский синод, выступивший с инициативой: заменить этимологическое правописание в официальных документах, а главное, в школьном обучении на «кулишовку», т.е. на украинское правописание. Этим подрывалась возможность легко читать русские книги, к тому же этимологическое, принятое в дореволюционной России правописание, было привычно населению [89, с. 136]. Разумеется, никакого широкого обсуждения предполагаемой реформы не было, одобрил ее некий послушный львовский училищный совет, и вследствие его меморандума Министерство вероисповеданий и народного просвещения ввело официально во всех школах Галичины фонетическое правописание [87, с. 53–54]. Одновременно, по формулировке Свистуна, после объявления «Новой эры» начался против русского литературного языка настоящий крестовый поход. Воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отнимать книжки, написанные на литературном русском языке, общества студентов «Буковина» в Черновцах и «Академический кружок» во Львове были закрыты, «правительственные и автономические ведомства стали возвращать сторонам письма, писанные по-русски под предлогом, что они “не на чистом русском языке” [122, с. 324]. Еще один частный эпизод 90-х годов следует упомянуть, т.к. он явился предвестником новых явлений в русском движении Галичины. В 1890 г. начал выходить журнал «Народ», орган радикальной партии Галичины, под редакцией Ивана Франко и Михаила Павлика. И неожиданно в 6-м номере журнала за 1891 год в этом украинском журнале появляется на русском языке статья тогда восемнадцатилетнего Юлиана Андреевича Яворского, в будущем одного из активнейших деятелей русского движения. Статья называется «Новая эволюция среди москвофилов» и написана, по свидетельству редакции, «с ведома более широкого круга львовской москвофильской молодежи». Как резюмирует статью В.А.Малкин, «Ю.Яворский обратился с призывом к “москвофилам” и “украинофилам” прекратить бесконечную литературную и языковую полемику и сообща взяться за живое дело, чтобы “со временем вывести нашу бедную Рутению из хаоса, в котором она блуждает”. Ю.Яворский одинаково осудил и руководителей реакционного “москвофильства” за их симпатии к царскому правительству, и вождей буржуазного “украинофильства” за их низкопоклонство перед Веной и Римом... Ю.Яворский отмежевывается от “старших москвофилов” и в вопросе о “единстве всего русского народа от Дуная до Урала”. Он считает, что такое единство “пока, в теперешнем положении вещей, такая же несбыточная мечта, как, например, общность имущества”. Глав-

ную задачу интеллигенции он видит в труде на благо народа и убеждает ее облегчить участь “угнетаемых меньших братьев”... Выступление Яворского “вызвало переполох” в органе старорутенской партии “Червонная Русь”. Редакция “Народа” взяла под защиту своего корреспондента и в одном из следующих номеров поместила вторую статью того же автора. Ю.Яворский вновь повторил свои мысли о необходимости “забыть вопрос об единстве с целым русским народом или самостоятельности от него, отложить на лучшие времена литературные и языковые споры” и стремиться “только к одному, к освобождению бедного нашего народа от ига всяких паразитов” [70, с. 123–124].

Вероятно, нам теперь трудно решить, были ли эти статьи актом горячности 18-летнего студента или последней попыткой объединить национальные усилия для истинного служения народу! Мы можем только констатировать, что такого объединения усилий не последовало, да и не могло последовать, т.к. ни радикальная, фактически социалистическая партия Ивана Франко, ни тем более получавшая все большую поддержку администрации партия народовцев (вернее, этих партий было даже две) пропольская и романчуковская [122, с. 322], не могли стать союзниками юных москвофилов⁴⁶.

Попытки старшего поколения москвофилов как-то сохранить добрые отношения с администрацией края потерпели окончательной крах, когда «весною 1897 г. галицкий наместник граф (Казимир) Бадени залил кровью всю Галицкую Русь во время выборов депутатов в австрийский парламент: десятки крестьян были убиты, сотни были тяжело ранены, а тысячи заключены в тюрьмы» [8, с. 29]. С начала XX века в русское движение приходят новые молодые силы с новыми ориентирами. Но прежде, чем сообщать об этом новом процессе, следует кратко сказать о том, какие отклики в России вызывали судьбы Галичины конца XIX в.

11. РУССКИЕ ДРУЗЬЯ, ОППОНЕНТЫ, ПОМОЩНИКИ

Среди горячих друзей русских галичан последних двух десятилетий XIX в. прежде всего, вероятно, следует назвать славянофилов. Так, И.С.Аксаков в газете «Русь» постоянно помещал корреспонденции о процессе Ольги Грабарь, вскоре эти материалы были переизданы в собрании сочинений И.С.Аксакова [1]. На страницах «Известий

⁴⁶ Подобные настроения разделял не только юный Яворский. На юбилейном торжестве, посвященном 25-летию Общества имени Качковского, в 1899 году прозвучало подобное пожелание. Униатский священник настоятель прихода в Тухле, о. Василий Давидяк, которого мы, вероятно, должны посчитать представителем галицкой глубинки, произнес прочувствованную речь. Заканчивая ее, он сказал, что «не наше дело разъединять наши народные силы», «мы в труде над своим пойдем все без различия партий дорогой любви Христовой и исторической правды и при свете здоровой науки, взлелеянной в Обществе нашем, дай Бог, не смотря на лукавые коварства политических отчаянных голов (“отчайдухов”) чужих и своих, с братьями из “Просветы” окажемся в будущем у одной и той же цели» [86, с. 144–145].

Санкт-петербургского славянского благотворительного общества», «Славянского обозрения» и других изданий галицкая тема, трактуемая с позиций русских галичан, присутствует постоянно. В 1894 г. вышло всего два номера «Галицко-русского вестника», редактором которого был В.С. Драгомирецкий. На страницах этих двух номеров русский читатель нашел статьи русских славистов А.С. Будиловича, И.П. Филевича, ряд неподписанных или подписанных псевдонимами работ о Ставропигийском институте, Народном Доме во Львове, биографии Наумовича и Дедицкого, их портреты, два рассказа, рисующих быт галицких крестьян, автор одного из которых В.И. Хиляк, а другого И. Франко, статью «Скорбная летопись Галицкой Руси», подписанную псевдонимом «Русский галичанин», стихи И.Н. Гущалевича и т.д. Как и можно ожидать, изданию свойственна антипольская и антикатолическая направленность. На торжественно отмечавшийся 25-летний юбилей Общества им. Михаила Качковского в 1899 г. было прислано множество приветственных телеграмм и писем из Галичины, других славянских краев Империи, США и, разумеется, из России. Сведения о торжествах мы находим в сборнике, составленном О.А. Мончаловским, опубликованном в том же году. Среди приветствий из России наряду с голосами проживавших в ней галичан мы находим также, например, поздравления от Киевского славянского общества (подписано Флоринским), от А.С. Будиловича, от редакции «Московских ведомостей», от Славянского общества в Петрограде. В списке поздравлявших мы не находим ни одного украинского деятеля из России, равно как и редакции «Вестника Европы» [86, с. 64].

Серьезным явлением в культурной жизни России конца XIX — начала XX вв. был выход многотомной энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» [141]. Издатели стремились к объективности, и энциклопедия имела большой успех, в особенности среди русской интеллигенции, удовлетворяя потребностям ее либеральной части. Со страниц энциклопедии читатель получал информацию и по проблемам истории и культуры Галичины. Статья «Русины» была поручена приват-доценту Петербургского университета И.Н. Половинкину, сотрудничавшему одно время в Славянском благотворительном обществе. Русини он называет русским населением, они «принадлежат к южнорусской части русского племени», сами себя зовут «в единственном числе русин, во множественном числе русскими, веру свою — русскою, свой народ и язык русскими» [141, т. 27, с. 296]. Статья носит чисто этнографическо-лингвистический характер — даются сведения об одежде и облике отдельных племенных групп — покутяне, подоляне, лемки и т.д. Читатель узнает, что они отличаются «от малороссов (украинцев) как особенностями языка, так и физическим складом и этнографическими признаками вследствие условий жизни и давнего отделения «закордонной Руси» от «основного племени». Впрочем, такая терминология статьи является скорее исключением. В статье К. Арабажина «Галицко-русское литературно-общественное движение» мы находим беспощадную критику и

москвофилов, и народовцев, и в конце концов автор стремится убедить читателя, что радикальная партия Ивана Франко и «другого замечательного деятеля М.Павлика... единственно близкая России» [141, т. 7, с. 920–921]. В большой статье «Южнорусская литература» автор ее, Иван Франко, основное внимание уделяет, естественно, Украине и украинским авторам. О москвофильских авторах почти всегда упоминается с оттенком презрения. Показательна в этом смысле фраза о «банкротстве» старой или москвофильской партии, и среди примет этого банкротства — «процесс Ольги Грабарь, Намовича, Площанского и товарищей» [141, т. 41, с. 320]. В целом отрицательное отношение русской либеральной прессы к москвофильскому движению в Галичине ярко проявилось, например, на страницах либерального журнала «Вестник Европы». Под криптонимом «М.Т-ов» неоднократно печатал свои статьи в журнале известный украинский ученый и общественный деятель М.П.Драгоманов, познакомивший русского читателя со сложными историческими, политическими и культурными процессами современной Галичины, естественно, с украинских позиций. Целый ряд статей принадлежит перу крупного русского ученого А.Н.Пыпина, который специально останавливается на споре москвофилов и украинофилов, принимая сторону последних. Но особую симпатию вызывают у него поляки (что, вероятно, естественно для кузена Чернышевского!) В своей большой статье «Эпизоды из литературных отношений малорусско-польских» Пыпин пытается разобраться во вражде между русинами и поляками в Галичине, говорит о превосходстве польского быта над русским в отношении культуры и образования и называет поляков «господствующим племенем в Галиции» [116, с. 744], не уточняя однако, какие же социальные слои они представляли, не говоря, что в основном поляками были помещики, не потерявшие своей власти после падения польского государства, и антипольская направленность русских деятелей Галичины носила не национальный, а социальный характер.

Симпатизируя украинскому направлению в культурной жизни Галичины, Пыпин в то же время не мог примириться с крайними украинско-шовинистическими тенденциями в нарождавшейся в те годы львовской украинской науке. Большая статья А.Н.Пыпина «Особая история русской литературы», помещенная в девятом номере «Вестника Европы» за 1890 г., является развернутой рецензией на 1-й том «Истории литературы русской» О.Огоновского. Огоновский считал, что издревле, с того времени, как они известны истории, существовали две русские народности — славянские племена юго-западной России с IX века, а жители Волыни и Галичины с XI века назывались *Русью* и *Русинами*, а племена земли ростовской и суздальской вместе с радимичами и вятичами с XV века обозначались именем *Москва* [72, с. 12]. Цари московские перенесли имя Русь на свою державу [72, с. 8]. По мнению Огоновского, существовала издревле и отдельная южнорусская литература. Огоновский, как пишет Пыпин, «собирает факты древней русской словесности только

в Руси южной: начавши от Нестора, он кончает свою историю новейшими галицко-русскими писателями» [72, с. 21]. Пыпин аргументированно доказывает единство русского племени в древности, подчеркивает, что «до татар и до политического раздробления Руси не было никакой специальной южнорусской литературы; была общая литература русского или русско-славянского письменного языка, распространявшаяся одинаково по всем областям тогдашнего русского племени» [72, с. 26]. В том же 1890 году О.Марков в издании редактируемой им газеты «Червонная Русь» опубликовал как бы рецензию на рецензию — небольшую брошюру, в которой на «язычки» приводится короткий комментарий автора, а затем перепечатывается без изменений главная часть статьи Пыпина, по характеристике Маркова, «мужа, пользующегося в украинофильских кружках симпатиею и признательностию не лишь яко ученого, но также яко беспристрастного и фахового знатока русской литературы и языка» [72, с. 5]. («Фаховый знаток» — специалист. — *Н.П.*) Так оппонент в чем-то стал союзником.

Кроме друзей и оппонентов, хорошо известных, у русских галичан существовали еще помощники, которые меньше всего стремились быть известными, — определенные русские официальные круги и даже личности. О «русских рублях» охотно кричали враги москвофилов, кажется, не представившие ни одного серьезного факта. Такой крик вполне понятен. В своем докладе 1903 года О.А.Мончаловский пишет: «Явную поддержку украинофильства со стороны центрального правительства доказывает ежегодное пособие в количестве 20 000 корон, получаемое Обществом имени Тараса Шевченко во Львове. От галицкого сейма, т.е. от поляков, украинофильские общества и редакции ежегодно получают следующие суммы: Общество “Бесіда” во Львове на содержание театра — 14 500 корон; певческое Общество “Боян” во Львов — 600; редакция журнала “Учитель” — 1000; Общество “Просвіта” — 10 000; Общество имени Т.Шевченко — 8000; редакция детского журнала “Дзвінок” — 400; издательство книжек — 12 000; девичье училище в Перемышле — 400; Общество педагогическое на издательство “украинско-русской” библиотеки — 600; женская школа во Львове — 3200; базилиане на издание брошюр — 400; на содержание пансионеров для бедной учащейся молодежи — 5000, итого — 50 100 корон, между тем как русские общества не получают ни гроша» [87, с. 26]. Как можно думать по тем материалам, какие были в нашем распоряжении, русские правительственные круги не разорались на постоянную поддержку своих русских соотечественников за рубежом, а лишь в особо сложных случаях оказывали, как мы теперь назовем, гуманитарную помощь.

К сожалению, нам удалось познакомиться с этой деликатной темой только на примере Наумовича, но, думается, даже эти отрывочные сведения из биографии замечательного галицко-русского деятеля достойны упоминания. Мы дополним их и сведениями о последних годах его жизни.

В 1873 году Наумович попал в чрезвычайно трудное материальное положение. В отделе рукописей РГБ хранится письмо от 12/24 июля 1873 г., имени адресата которого нам пока не удалось установить. В нем Наумович просит передать Владимиру Александровичу Черкасскому, известному крупному русскому либеральному деятелю, его просьбу — ходатайствовать о принятии двух его детей — мальчика и девочки — в какие-либо учебные заведения России. (Всего у него было семеро детей.) С горечью пишет Наумович, что все материальные надежды он возлагал на пасеку, «но вся моя пасека злыми людьми (под строкой “поляками”) отравлена». Ходатайство увенчалось успехом. В письме от 25 сентября того же 1873 года к самому Черкасскому Наумович пишет слова благодарности, затем дает как бы краткий отчет о своей общественной деятельности и заканчивает его оптимистическими словами: «Что бы ни было, Русь Галицкая наша не погибнет. Верна своему законному правительству на законном пути она хотя и медленно, но неусыпно развиваться будет, и врата адавы не одолеют ей» [92]. Когда после процесса 1882 г. подсудимые временно были выпущены из тюрьмы и Наумович остался без средств к существованию, т.к. приход у него был отнят, ему, как и Добрянскому, была оказана материальная помощь. Она была передана через известного венского протоиерея Михаила Раевского. В своем письме К.П.Победоносцеву, тогда обер-прокурору Синода, от 11 апреля 1883 г., хранящемуся в РГБ, Раевский уведомляет, что «отец Наумович приедет сам в Вену за получением денег». Сумма не указывается, но к письму приложена расписка уже получившего помощь Добрянского на 15 тысяч гульденов [117].

В 1884 г. в Галичине случился финансовый скандал — прогорел банк «Рольнично-кредитное заведение», его директор попал под суд. Основным капиталом банка были фонды епархиального духовенства, из которых выплачивались пенсии вдовам и сиротам священников, а участвовавшие своими вкладами крестьяне считались членами банка и отвечали за его дела всем своим имуществом. Крах банка грозил полным разорением нескольким тысячам крестьян. Как только в августе 1884 г. Наумович вышел из тюрьмы, галицко-русские патриоты просили его выхлопотать в России помощь банку.

Другом галичан в России был министр финансов И.А.Вышеградский, в России Наумовича уже знали. В сентябре Наумович вместе с Площанским выехал в Россию. Просьба двух недавних узников увенчалась успехом — они выхлопотали в форме займа 600 000 марок. Однако этой суммы оказалось мало, и в начале 1885 г. Наумович вновь поехал в Петербург. Как повествует Ф.Сви-стун, представляя в Петербурге бедственное положение галичан, Наумович сказал: «Для болгар вы потратили один миллиард рублей и 200 000 ваших воинов пало в борьбе за свободу южных славян. Какая бы ни была причина несчастного приключения с банком — невежество или легкомыслие — вы благое сделаете дело, если спа-

сете наших священнических вдов, сирот и несчастных крестьян...» В Петербурге дали еще 650 000 рублей, и невинные жертвы скандала были спасены, как пишет Свистун, «благодаря великодушию императора Александра III» [122, с. 399; 85, с. 86–87].

Можно думать, что Александр III интересовался судьбами галичан. В РГБ хранится письмо Победоносцева императору от 23 октября 1885 г. Направляя ему письмо Наумовича, пока нами, к сожалению, не найденное, Победоносцев пишет: «Совестно утруждать Ваше Императорское Величество посреди многих забот и занятий еще новым чтением. Но почитаю нелишним представить Вам полученное мною вчера письмо священника Наумовича, в нем выражается поистине отчаянный вопль русского населения в Галиции о безысходном положении их в борьбе с польским правительством, которому предала их Австрия. Наумович, недавно перешедший из униатства и порвавший все связи с Римом — человек почтенный и служит (неразб. — *Н.П.*) действительно лучшим представителем лучшей части русского населения в Галиции...» Наверху письма синим карандашом почерком Александра III: «Чрезвычайно больно и грустно читать его письмо. Авошь даст Бог и нам и им светлый день когда-нибудь» [112].

В начале 1886 г. Наумович с семьей переселился в Россию, где ему были предоставлены все условия для дальнейшей жизни и трудов. Хорошо знавший его Мончаловский говорит прежде всего о чисто экономической стороне его решения — как православный священник он не мог найти себе применения на родине по политическим причинам, а его литературные труды не могли прокормить его с семьей. Но, думается, была и чисто духовная причина переезда — он был человеком глубоко верующим и священником по призванию. Переехав в Киев, он получил пенсию, сан протоиерея Православной Церкви и некоторое время был настоятелем прихода в Борщаговке под Киевом [85, с. 88]. Не связанный никакими требованиями ни светских ни духовных властей, предоставивших ему содержание, Наумович последние годы отдался литературной и общественной работе, выпустил целый ряд популярных брошюр, продолжал сотрудничать в «Науке», редакция которой он в 1836 г. перевел в Вену и передал Д.Козарищуку, печатался на страницах журнала «Странник», выпускал свои повести и рассказы; на торжественном собрании Киевского Славянского благотворительного общества 17 октября 1890 г. он сделал доклад, изданный отдельной брошюрой [94]. В нем кратко изложена вся история Червонной Руси.

В 1889 г. во время голода в Галичине Наумович организовал значительную помощь голодающим. Большое дело захватило его в последние годы пребывания в России. Тяжелейшее положение галицких крестьян на родине заставляло их эмигрировать, причем в основном в Америку. Наумович хотел, чтобы галицкие крестьяне переселялись в родную им Россию, и для этого выхлопотал им разрешение покупать землю почти даром, по 5 р. десятина, в рас-
срочку. Для переселения была выбрана земля в Новороссийском и

Сухумском округах, где, как писал Наумович, «земной рай». «Сейчас за Азовским морем тянется эта пустая земля от Анапы, до Сухума и она предназначена для галичан, но в таких размерах, чтобы наша земля не попала в чужие руки», — писал Наумович Мончаловскому осенью 1890 г. [85, с. 93]. В 1891 г. он лично отправился выбирать места, пригодные для поселения, но на обратном пути внезапно заболел и умер в больнице в Новороссийске, при весьма загадочных обстоятельствах. Многие факты подтверждают уверенность русских галичан в том, что Наумович был отравлен [11, с. 62–66].

12. В ПРЕДДВЕРИИ ТАЛЕРГОФА.

РУБЕЖ XIX–XX вв. — 1914 г.

На рубеже XIX и XX вв. в русском движении Галичины происходят серьезные процессы, к руководству приходят новые люди, причем этого требовали сами обстоятельства все ухудшающегося положения русских галичан. Современный американский ученый Поль Роберт Мэгочи утверждает, что к концу 1890-х годов в Галичине кроме старорусинов и украинофилов «обособилась еще одна группа, а именно руссофилы, которые с самого начала отождествляли себя с великорусской национальностью и языком» [145, с. 554]. Категорически не соглашаясь назвать деятелей русского движения начала XX в. отдельной группой и противопоставлять их представителям старшего поколения, в то же время мы должны признать, что к началу XX в. в Галичине сложились условия для деятельности, по формулировке Ваврика, «молодого поколения карпато-русского национального движения, которое открыто заявляло о своей идеологии единства русского народа, т.е. великороссов, малороссов и белоруссов» [8, с. 59]. Главным представителем этого поколения Ваврик сразу же называет Димитрия Андреевича Маркова (1864–1938) [8, с. 59], родного брата Осипа Андреевича Маркова. К первым представителям этого направления, вероятно, надо отнести, и известного уже нам О.А.Мончаловского (1858–1906), ученика и друга Наумовича, писавшего уже в 90-х годах хорошим русским литературным языком. Политическое направление в деятельности этого молодого поколения возглавлял Владимир Феофилович Дудыкевич (1861–1922). Идеологией нового курса было — «в условиях Австро-Венгрии — национально-культурное единство всех трех ветвей русского народа... а впоследствии и политическое единство с Россией» [8, с. 64]: Напомним, что на торжествах, посвященных 25-летию юбилею Общества им. М.Качковского, прозвучало среди других и пыльное выступление д-ра В.Ф.Дудыкевича, тогда, в 1899 г., адвоката из Коломыи. С горечью говоря о тяжелой доле галицкого мужика Червонной Руси на протяжении столетий, Дудыкевич подчеркнул, что успехи Общества за 25 лет изумительны. «Сотни тысяч народных изданий, расходящихся ежегодно, сотни читален, Обществ трезвости, лавок, касс и складов, борьба за поправленные народные права, противодействия дерзким насилиям, кровь и смерть наших мужиков во время избирательных оргий — наглядные доказательства растущей

(“успевающей”) зрелости нашего крестьянства... Почему же с галицко-русским народом юбилей не празднует правительство? Потому что оно чуждо русскому народу и ему чужды интересы этого народа» [86, с. 146–147]. К сторонникам этого нового курса принадлежал среди других и Мариан Феофилович Глушкевич (1878–1935), судья, адвокат, доктор юридических наук и достаточно талантливый лирик [8, с. 64].

Мы едва ли сможем назвать точную дату начала деятельности молодого поколения русских галичан или «руссофилов», как хотят их называть Мэгочи. Скорее всего переломным следует считать все тот же 1899 год, когда совершилась реорганизация русско-народной партии. В упоминавшемся уже нами докладе Мончаловский кратко излагает ее программу. Приводим это изложение полностью.

«Русско-народная партия в Галичине исповедует, на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения, национальное и культурное единство всего русского народа и поэтому признает своими плоды тысячелетнего национального и культурного труда всего русского народа.

Русско-народная партия твердо убеждена в необходимости для русского населения Австрии образовываться и развиваться без разрыва связи с традиционными основами жизни русского народа и верить, что только на культурно-исторической почве лежат пути к развитию и возвышению Галицкой Руси.

Задача русско-народной партии состоит в стремлении не только защитить русское население в Австрии от его национальных противников и от убийственного для русской народности и Церкви социализма, но и в развитии, путем просвещения народа в направлении, указанном историей, и на религиозных, основаниях его национальных сил.

Принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа, а также местные условия, русско-народная партия признает необходимым и целесообразным просвещать русское население Галичины на его собственном, галицко-русском наречии, не отказываясь, однако, от помощи, какую русскому народу в Австрии могут принести и действительно приносят общерусский язык и общерусская литература, представляющие национальное и культурное выражение всего русского народа» [87, с. 28].

Далее в своем докладе Мончаловский перечисляет девять обществ и учреждений, которые трудятся «во имя и для утверждения в русском населении Галичины начал, выраженных в приведенной программе», среди них Ставропигийский институт, Народный Дом, Общество им. Качковского, политическое общество «Русская рада» и, разумеется, Галицко-русская Матица, в которой уже в 1900 году ярко проявился приход новых молодых сил. На общем собрании членов Общества Галицко-русской Матицы произошло два важных события. С основания Матицы в 1848 г. согласно ее уставу покро-

вителем Общества являлся митрополит Львовский. Он занимал почетное место на общих собраниях, если он присутствовал, он их открывал, ему предоставлялась возможность вникать в ведение дел управляющего Совета, и, наконец, именно он должен был председательствовать на общем собрании, если бы решался вопрос о закрытии общества. Этими правами и преимуществами за последние 30 лет галицкие митрополиты не пользовались. Только в 1865 г. митрополит Спиридон Литвинович прислал из Вены благословение собранию да в 1887 г. митрополит Сильвестр Сембратович посетил собрание, но не сказал на нем ни слова. Исключая Григория Яхимовича, ни один галицкий митрополит не оказывал Матице ни материальной, ни нравственной помощи, не способствовал развитию ее деятельности. Собрание 1900 года, возглавляемое председателем Матицы Дедицким, единодушно проголосовало за исключение из устава параграфа о покровительстве митрополита, и в таком виде устав получил государственную регистрацию [83, с. 2]. Собственно, это решение было направлено против митрополита Сильвестра Сембратовича, открытого врага православия, фигуры достаточно одиозной. Так, по свидетельству Дедицкого, когда фонетическое правописание было введено насильно в школах, депутация уважаемых русских галичан отправилась к митрополиту, прося его не вводить фонетику в церковные издания. Сембратович попросту обманул членов делегации, пообещав им просимое и через 4 года, одобрив выход катехизисов с фонетическим правописанием [83, с. 16–17]. Однако решение собрания Матицы было принято через два года после смерти С.Сембратовича при митрополите Юлиане Куиловском, старом друге Дедицкого⁴⁷. Митрополит, по утверждению Дедицкого, добрый русин-святоюрец и противник («поборник») всякого украинomanства [46, с. 60], никак не отреагировал на это решение. Зато ставший митрополитом после его кончины небезызвестный Андрей Шептицкий направил Матице протест — Допись «язычи-ем» с «пасторским остережением». На что Совет Матицы дал на чисто русском литературном языке ответ, написанный корректно и холодно, за подписью председателя Дедицкого и секретаря Мончаловского (1904). Очевидно, не привыкший к такому тону общения с духовным лицом, возлагавший надежды на нового митрополита Дедицкий приложил к официальному ответу еще свое личное, смиренное оправдательное письмо. Все это было опубликовано на страницах сборника Матицы и отдельной брошюрой [83].

То же общее собрание приняло еще одно важное решение. Приглашенный Матицей в качестве главного сотрудника для работы над сборниками Юлиан Яворский предложил печатать сборники

⁴⁷ Дедицкий считает, что опоздание произошло из-за «байдушности (т.е. равнодушия. — *Н.П.*), свойственной хохлам-малороссам» [83, с. 60]. Нам думается, что, возможно, здесь просто был проявлен гуманизм — злополучные катехизисы, одобренные Сембратовичем, вышли в 1896 и 1897 гг., когда митрополит умирал от рака, по словам Д.Маркова, «покинутый даже своими близкими родственниками» [87, с. 54].

не на «язычии», а на чистом русском литературном языке. Он пояснил, что в России существуют и находятся в употреблении две формы русского языка — книжный литературный общерусский язык и областное малорусское наречие, по выражению Яворского, «с нелюбимой нами фонетикой». И необходимо галичанам выбирать одну из указанных двух существующих форм. «*Tertium non datur*» (третьего не дано) — воскликнул он в заключение. Яворского поддержал Мончаловский, сказав, что поскольку «мы, галицкие русины» боремся с фонетикой, мы не можем избрать иной формы русского языка, как только близкий нам по слогу и правописанию язык книжно-литературный, общерусский. На собрании преобладали представители младшего поколения, собрание единодушно воскликнуло «славно!» и подтвердило принятие Матицей предложение Яворского-Мончаловского [46, с. 61]. Петрушевич и еще кое-кто из старших на собрание вообще не пришли. Трое присутствовавших — Гушалевиц, финансовый советник Нестерович и Дедицкий, «тогда же астмою сильно немощен», промолчали. Однако в своих воспоминаниях Дедицкий горько сожалеет о «язычии», пытается защитить это *tertium*. «Язычие» видится ему как естественный язык — «наша малорусчина» [46, с. 65], та форма чи норма русского языка яка по примеру Ломоносова начата была у нас на основании прарусских букварей [46, с. 61] и развивалась с лучшим намереньем как можно ближе соединиться с Москвой. Сожаления старого Дедицкого остались сожалениями, сборники Матицы стали выходить на довольно правильном русском литературном языке. В то же время, пока лингвисты не займутся анализом памятников галицко-русской научной и популярной литературы на «язычии» и специально не установят, насколько часто «язычие» совпадало или почти совпадало с местными говорами, мы можем только констатировать, что оно было хорошо понятно местному населению Галичины. Общество им. М. Качковского продолжало и дальше выпускать свои издания отнюдь не на русском литературном языке. «Язычие» сохранялось, напр., и на страницах «Вестника Народного Дома». Хотя понятие «билингвизм» тогда еще не было распространено, равно как и «второй родной язык», однако явление это в образованных руссофильских кругах уже существовало. Как мы увидим, позднее, в межвоенную эпоху, лидеры русского движения не гнушались публиковать свои произведения на родном наречии и порой — ненавистной фонетикой, усвоенной насильственно в первых классах школы, великолепно владея в то же время русским литературным языком. (Например, творчество В.Р. Ваврика.)

С начала XX в. русский литературный язык завоевывает в Галичине все более прочные позиции. Это было связано с убеждением русских галичан, что поскольку русины составляют неотъемлемую часть всего русского народа, они должны использовать в качестве литературного «общерусское» достояние — русский литературный язык. (Недаром ныне современный русский исследователь пишет, что сам этноним «русские» на протяжении веков ис-

пользовался всеми ветвями восточнославянского этноса — и великорусами, и белорусами, и малорусами (украинцами) как самоназвание [19, с. 9]. В среде молодых и самых юных русских галичан с начала XX в. прослеживается стремление влиться в поток общерусской культуры, передовой, либеральной, культуры единого великого народа. Причем и тогда, да и много позже, русские галичане понимали, как правило, Россию и ее культуру как нечто единое, не примыкая к какому-то одному направлению русской политики или общественной мысли.

Доходившие из России революционные идеи, а порой скорее даже настроения, находили отклик у значительной части галицко-русской молодежи. Показательным в этом отношении стал небольшой эпизод, который приобрел неожиданно даже скандальный характер.

В последней четверти XIX в. во Львове существовало студенческое общество «Академический кружок», а после его закрытия москвофильское литературное студенческое общество «Друг». Его силами организовывались лекции, изучение русского литературного языка, беседы, литературные чтения. Количество членов к 1905 году насчитывало 124 человека. 30 января 1905 г. состоялось торжественное заседание, посвященное 10-летию «Друга». В отчетном докладе, подготовленном студентом Г.И.Навроцким, наряду с данными о количестве членов и культурной деятельности общества за десятилетие, были оглашены и сведения о том, что на съезде карпато-русского студенчества в сентябре 1902 г. прозвучало требование реорганизации русско-народной партии, «соответствующее духу времени», что «более живая часть молодежи», к которой принадлежит большая часть членов «Друга», требует настоятельно такой реорганизации, с чем не соглашаются предводители партии. А студент Б.Ф.Глушкевич в своей пылкой речи горячо говорил о борьбе русского гения «за священную идею свободы». «Русский гений, — восклицал он, — действительно страдал за свою идею: Рылеева ведь повесили; Достоевскому смертный приговор был заменен 10-летней каторгой; Пушкин был сослан в глухую деревню за две нерелигиозных строки в одном частном письме; Лермонтов был в тюрьме за стихотворение “На смерть Пушкина”; Чернышевский был сослан в Восточную Сибирь и провел там 19 лет. В тюрьме написал он целый свой роман “Что делать?”. Глеба Успенского тоже не миновала тюрьма — он был даже наказан 25 розгами. Толстого же недавно отлучили от Православной Церкви, а Горькому угрожают ныне виселица». При этих словах известный уже нам русский консул Пустошкин и несколько москвофильских лидеров, присутствовавших на собрании, демонстративно покинули зал. А горячий докладчик продолжал свою пылкую речь и закончил ее призывом принять в свое сердце русскую идею, а «русская идея — свобода, и русская идея — любовь, и русская идея — всемирное братство, и русская идея — мир... Не громы пушек правят народами и судьбами человечества, — воскликнул под конец оратор, — только эти

незримые, тихие идеи, ибо всякая высокая идея есть жизнь и огонь, и движущая творческая сила!» [56, с. 130–131]. Речь очень понравилась сотруднику украинского народовского органа «Діло», доктору И.Копачу, он кратко изложил в «Діле» сведения о вечере и довольно подробно — речь Б.Глушкевича.

Иван Франко, старый опытный политик, сразу оценивший уязвимость высказываний студентов, обрушился на Ивана Копача со своих боевых партийных позиций в статье, опубликованной и на страницах «Літературно-наукового вісника», и отдельной брошюрой. Отвесив несколько нелестных комплиментов и Пушкину, и Достоевскому, и Льву Толстому, Иван Франко бросил обвинение бедным студентам: «У вас нет никаких убеждений и никаких выработанных идей, и вы по инерции держитесь шаблонов, выработанных не вами, направления, цель которого одна — нажива, карьера, личная корысть, а при том — желание освободить себя от обязанности тяжелого труда на пользу самого ближнего, родного вам народа» [134, с. 256]. А И.С.Свенцицкий на страницах своего журнала «Живая мысль» в октябре того же отнюдь не мирного 1905 г. поместил подлинные материалы злополучного вечера — и доклад В.И.Навроцкого, и речь Б.Глушкевича, и свою собственную речь за товарищеской беседой [56], а сверх того в разделе библиографии критику брошюры И.Франко [56, с. 153–154. См. также 70, с. 136–139].

К русскому движению нужно отнести и вышедший накануне Первой Мировой войны издававшийся «на гроши кружка студентов» тонкий «общественный и литературный журнал» «Новая жизнь» [1913, № 4/5, с. 31]. Он начал выходить с июня 1908 года. Анализируя содержание журнала за первые два года, 1908-й, 1909-й [70, с. 149–152], В.А.Малкин подробно останавливается на резких выступлениях на его страницах студентов, как они себя называют, «галицко-русских прогрессистов», о их размежевании с «реакционным москвофильством», политику которых они называют «черносотенной». «Новая жизнь» издавалась на чистом русском литературном языке, названном в одной из ее статей языком «русской оппозиции или революции», причем журнал считал главным, чтобы культура распространялась на том языке, который более понятен народу» [70, с. 151]. Боевой характер всей критики, который журнал сохранял постоянно, юбилейная статья к 30-летию смерти Карла Маркса [1913, № 4–5, с. 8–14], статьи о Герцене [1913, № 1, с. 9–17], Кропоткине и др., пожалуй, позволят сказать, что это был попросту революционный журнал. Среди материалов отметим и небольшую, но очень важную статью, раскрывающую схему травли юных руссофилов перед Первой Мировой войной — «По поводу последних событий в Львовской “украинской” гимназии» [1913, № 2, с. 25–26]. «Не будем сидеть вместе с руссофилами — предателями государства» — этот лозунг был подхвачен гимназистами-украинцами, устроившими проавстрийскую манифестацию. С пением австрийского государственного гимна на украинском языке манифестанты покинули гимназию и продемонстрировали свой австрийский патриотизм перед

наместничеством с пением того же гимна, а вечером манифестация повторилась, на этот раз она сопровождалась «хулиганским разгромом окон в русских бурсах и других институтах» (с. 25). Автор считает, что цель этих акций — склонить компетентные власти к исключению из гимназии русских учеников, по крайней мере самых выдающихся, по схеме: украинскими гимназистами делается донос, затем обыск, конфискация русских книг — и уже предвидится исключение. На страницах журнала среди авторов чаще всего встречаются имена Кирилла Вальницкого, Ярослава Гелитовича, Владимира Застырца и др. Во время Первой мировой войны и Вальницкий, и Гелитович, и Застырец — узники страшного концентрационного лагеря Талергоф. Они сидели в одиночном заключении со 2 июля по 3 августа 1915 г. в бесчеловечных условиях только за то, что назвали себя русскими, а свой родной язык русским [127, вып. 3, с. 149–150]. Вальницкий подвергался в Талергофе наказанию подвешиванием, после войны примкнул к партии «Сельроб» и был известен как деятельный публицист [76, с. 51]. Владимир Застырец также пережил ужасы Терезина и Талергофа, умер в 20-х годах [76, с. 181], а Ярослав Гелитович, заключенный в Талергоф вместе с отцом-священником и братом в 1915 году, по воспоминаниям отца, заслуженного галицко-русского деятеля Александра Гелитовича, «подвергся подвешиванием на столбу до обморочного состояния... После отбытия этого наказания он вместе с другими галицко-русскими студентами был включен в так зов. *Strafkompanie* (караемую компанию) и отправлен на итальянский фронт. Раненный там во время боя шрапнелью, он скончался от ран в военном госпитале 10-го марта 1916 г. [127, вып. 4, с. 155]. Сохранились его рисунки, опубликованные на страницах «Талергофского альманаха» [127, вып. 4, с. 53, 57].

Революционные настроения подхватывали не только студенты, но даже гимназисты. По воспоминаниям воспитанника бursы Народного Дома, из России приходили песни, которые сразу охотно пели гимназисты — «Замучен тяжелой неволей», «Смело, товарищи, в ногу!», «Вы жертвою пали» и др., причем автор замечает — певшие даже не подозревали, что это были революционные песни [101, № 3–4, с. 13].

Говоря о воспитании руссофильской молодежи, нельзя не сказать о бурсах. Издавна во Львове существовала бурса Ставропигиона, со второй половины XIX в. — вторая бурса Народного Дома. Общество им. М. Качковского и две галицко-русские газеты обращались к крестьянам, призывая их посылать своих детей в школы; в 90-х годах школы в уездных городах были полны детьми крестьян из далеких деревень, причем жить им было негде, их пристраивали на частных квартирах, но это не было выходом из положения. И тогда с начала XX в. русская общественность в уездных городах стала создавать бursы [75, № 7–8, с. 13]. За небольшую плату дети получали там жилье, питание, а также — в разных бурсах по-разному — элементы патриотического образования — уроки русского языка, других дисциплин, а иногда музыки и пения. Порой бурсаки в

обязательном порядке присутствовали на церковных богослужениях и составляли хор. (Обычно в простых церквях отдельного хора не было, пели хором все прихожане, и хор бурсы Ставропигиона славился особо.) Иногда строились специально русские гимназии и бурсы при них — так, в Бучаче усилиями О.О.Гецева и врача Владимира Осиповича Могильницкого были построены в 1910 году здания гимназии с русским языком и бурсы. Гецев умер еще до войны, Могильницкий с женой и сыном-гимназистом в августе был отправлен в Талергоф, а оба здания и дом самого врача «были сравнены с землей озверевшей толпой, доказавшей этим свой австрийский патриотизм» [75, № 7–8, с. 14] В концентрационном лагере доктор Могильницкий «самоотверженно спешил с врачебной помощью заключенным, как “апостол своего звания”, причем сам заразился тифом» [76, с. 321].

В начале XX в. во Львове было 3 бурсы для мальчиков — Ставропигиона, Народного Дома и Селянская — и одна для девочек — Пансион русских дам. Воспитанник бурсы Народного Дома с 1907 по 1914 гг. оставил любопытные воспоминания о своем пребывании в бурсе, опубликованные в галицко-русском американском журнале в 1974 г. [101]. Автор, очевидно, жил в пределах Советского Союза и, естественно, вынужден был подписаться криптонимом. Как свидетельствует автор, не менее 90% учащихся обучались в украинской гимназии, сам автор — в польской, администрация бурсы не проводила никакой специально «русской» воспитательной работы. Одно время обязательными были уроки русского литературного языка, которые вел Семен Юрьевич Бендасюк (1877–1965), крупный деятель галицко-русского движения 1-й половины XX в. Однако, когда сменился директор, и они прекратились. И тем не менее, как пишет автор, украинцы недаром называли бурсу «кацапской цитаделью». Рассчитанная на 250 воспитанников бурса создавала такую обстановку, при которой у детей сохранялась унаследованная от родителей еще инстинктивная вера в то, «что мы — часть великого русского народа». И «невозможно было отойти от русскости и перейти во враждебный лагерь» [101, 1974, № 3–4, с. 13].

Среди изданий русских галичан первых лет XX в. ярко выделяются тома Научно-литературного сборника Галицко-русской матицы, издававшиеся, как и планировалось, на русском литературном языке. Их отличает достаточно высокий полиграфический уровень издания, изящные заставки в стиле модерн, разнообразие тематики. Издатели сборника, во главе которого стоял формально Б.Дедицкий, а фактически О.А.Мончаловский, а затем Ф.И.Свистун [70, с. 144], стремились дать читателю представление как о галицко-русской, так и «общерусской» литературе, причем основной интерес для них представляла литература современная. Наряду с произведениями русских галичан — В.Д.Залозецкого, М.Ф.Глушкевича, Д.Н.Вергуна — читатель находил произведения А.П.Чехова, А.М.Горького Л.Н.Андреева, И.Ф.Якубовича и др. Печатался и целый ряд славян-

ских и западноевропейских авторов [Подробнее — 103, с. 73–75]. На 1899 год падал 90-летний юбилей со дня рождения Н.В.Гоголя. На страницах украинских националистических изданий юбилейный год был использован для антирусских выпадов — в статье «Гоголь и великорусские писатели» делалась попытка уверить читателя, что русские и украинцы совершенно чужды друг другу, в статье «Национальное раздвоение Гоголя» Е.Ефименко утверждалась концепция, согласно которой психология Гоголя целиком обусловлена двойным и противоречивым национальным чувством, раздвоенность национального чувства, сознание своего отщепенства привело автора «Мертвых душ» к мистицизму и преждевременной смерти и т.д. Приводящий эти данные В.А.Малкин справедливо указывает на прямо «враждебное отношение украинских националистов к Н.В.Гоголю, которому они не могли простить того, что великий писатель создал свои гениальные произведения на русском языке» [70, с. 136]⁴⁸. Пятидесятилетие со дня кончины Гоголя в 1902 г. Галицко-русская матица использовала для ответа на подобные теории. Ею был организован торжественный вечер с кантатой в честь Гоголя, постановкой «Женитьбы», речью О.А.Мончаловского «Значение Н.В.Гоголя в русской литературе». На страницах «Сборника» 1902 г. читатель нашел «Сорочинскую ярмарку» и «Шинель», отчет о торжественном вечере с текстом речи Мончаловского, а также большую статью Д.Ф.Трублаевича «Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и литературная деятельность» с портретом писателя. На страницах «Сборника» выступали наряду с писателями и поэтами также известные русские и галицко-русские ученые — И.П.Филевич, М.П.Сперанский, А.С.Петрушевич и др. Особо надо отметить труд И.С.Свенцицкого «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Т. 1», вышедший на страницах «Сборника» и отдельной книгой в 1905 году и не утративший донныне своего значения как собрание исторических источников. Илларион Семенович Свенцицкий, или, как иногда его пишут Святицкий (1876–1956), в начале своей деятельности принадлежал к руссофилам, был даже одним из мужей доверия русско-народной партии, предложившим вместе с О.А.Мончаловским формулировку призыва ко всем деятелям и членам партии распространять русский язык, русскую науку и словесность во всех слоях русского населения Галичины [84, с. 18], выпускал на русском языке журнал «Живая мысль» [70, с. 146–149]. Однако вскоре Свенцицкий постепенно начинает склоняться к украинскому направлению. Со второй половины 900-х годов почти все свои работы пишет по-украински и в конце жизни становится ведущим ученым Института общественных наук Академии наук УССР, заведует кафедрой славянской филологии в Львовском университете. В 1947–1951 гг. он — депутат Верховного Совета Украинской ССР.

⁴⁸ Позднее, к 100-летию со дня рождения Гоголя, духовный лидер украинофилов М.Грушевский прямо объявлял Гоголя украинским писателем и сожалел, что «он не был сознательным украинцем в нашем теперешнем понимании» [70, с. 137].

На томе 1908 года издание «Сборника» прекратилось. В обращении к членам Матицы это объясняется смертью О.А.Мончаловского, а также недостатком средств — на Матице даже остался долг типографии. До Первой мировой войны Матица замолкла [103, с. 75].

Первые годы XX века были, пожалуй, наиболее яркой страницей истории русского движения. Разносторонняя деятельность Общества им. М.Качковского вызывала отклик у широких слоев русинов, прежде всего у крестьян, на которых в основном оно ориентировалось. Благодаря бурсам гимназического образования, а в дальнейшем университет, были доступны жителям отдаленных уголков Галичины. Произведения русской классической литературы, элементы русской культуры находили дорогу к читателю, причем в прекрасных подлинниках, ему понятных, а не в неуклюжих переводах на «язычие». И, наконец, быть может, самое главное: лояльное в отношении собственного государства русское движение было оппозиционным, и с ним связывались смутные надежды на поддержку единой великой России, издавека казавшейся сильной. Это была трагедия русского движения — Россия тогда уже была внутренне слаба, ее раздирали противоречия, о них в Галичине знали очень мало. Русь Державная была не готова к той великой миссии, которую ожидали от нее руссофилы.

Переломным был 1907 год. Как сказал позднее в 1915 году в своем последнем слове перед австрийским судом лидер старорусской партии Дмитрий Андреевич Марков, «1907 год, год борьбы за всеобщее право голосования в Австрии, электризует не только широкие слои населения во всех коронных краях, этот год электризует также нашего — часто интеллигентного, но притом сонного — мужика» [71, с. 19]⁴⁹. Русское студенчество проявляло самую энергичную деятельность перед выборами 1907 года. Как пишет галицкий автор С.Медвецкий, очевидно, хорошо знавший подлинные события, «Молодежь... буквально исходила все деревни и местечки, попадая часто в руки польско-австрийской жандармерии. Сколько нашей молодежи было избито своими же предателями, устраивавшими для жертвенной молодежи ловушки» [75, № 9–10, с. 2]. Кровавые события разыгрались в селе Горуцко. Все село проголосовало за русского кандидата, даже еврей-корчмарь. И вдруг ожидавшие результатов селяне узнают от «украинского» священника, бывшего председателем избирательной комиссии, что якобы избран украинский депутат. Это вызвало естественное негодование. Внезапно в селе появляются никогда до того не бывавшие здесь жандармы, стреляют в толпу и убивают четырех человек, причем одного старика прямо в его доме, а 10 тяжело ранят [101, 1974, № 3–4, с. 13]. Злодеяние имело огромный отклик, множество народа прибыло на похороны жертв.

⁴⁹ Основной социальной базой русского движения на протяжении всего исследуемого нами периода, думается, было крестьянство и частично интеллигенция. Революционные социалистические идеи, чуждые москвофилам, легче проникали в рабочую среду.

Русское движение набирало силу. Несмотря на недостаток средств для развертывания агитации, в парламент попали «русские» депутаты, и в том же 1907 г. Д.А.Марков произнес речь на русском литературном языке. В ответ министр внутренних дел барон Бинерт заявил, что в Австрии нет русского народа, кроме старообрядцев-липован. Но тут же в столицу поступило сто тысяч петиций в защиту русского языка [2, с. 26–27; 110, с. 127]. И тогда польско-австрийская администрация начинает все более широко использовать давно уже сформулированный способ «*ruscic gusina na gusina*» — «натравить русина на русина», использовать украинских союзников. Союз польско-австрийской администрации в Галичине с украинскими националистами в его зачатках, как мы видели, распознал еще Головацкий. Важным этапом его была выгодная и для польских помещичьих кругов, и для австрийской администрации «Новая эра» и введение фонетики. После выборов 1907 г. власти сразу не решились наступать открыто, т.к. все же несколько были связаны нормами австрийского законодательства. Украинские и национальные, и националистические идеи имели распространение в галицкой деревне. Существовали читальни «Просвиты», распространялись украинские книжки и брошюры, в которых восхваляется гетман Мазепа, именуемый «благодетелем своего народа» [140, с. 128] и т.д. Думается, правильно будет сказать, что в рассматриваемый нами период украинство в первую очередь становится не движением за распространение украинской культуры, а чисто политическим движением⁵⁰, и его охотно используют власти на местах. В ряды галичан-украинцев начинается активная вербовка самых юных, и предлагаемые им лозунги спасения «всеми забытой Украины, которая находится в чужих лапах» [140, с. 130] находят отклик и «в селах с чисто русским национальным сознанием» [140, с. 132]. Важным элементом этой работы было создание товариществ под названием «Сичи». Это пожарно-гимнастические организации, построенные по типу внешнего сходства с запорожской Сечью. Историкам еще предстоит выяснить, какие бюджетные и внебюджетные средства использовались для создания этих организаций. Как пишет русский историк С.Н.Щеголев, «первые “Сечи” в Галиции появились в 1900 г. одновременно с вступлением проф. Грушевского на политическую арену; через 10 лет таких товариществ имелось около 600, преиму-

⁵⁰ Мы позволим себе привести здесь и маленький говорящий об этом эпизод из жизни Самборской гимназии 1908 г., рассказанный Р.Д.Мировичем, бывшим гимназистом. Как пишет Мирович, «в польских гимназиях Восточной Галичины при австрийском владычестве вошло в обычай празднование торжественными вечерами годовщины Адама Мицкевича (в декабре) и Т.Г.Шевченко (в марте). Русская молодежь гимназии взяла устройство вечера в свои руки, он был уже почти подготовлен, напечатаны приглашения с программой. Но юные руссофилы, “чтоб подчеркнуть свой пылкий русский патриотизм”, тайно напечатали часть тиража не официальным фонетическим правописанием, а этимологическим и разослали эти приглашения “русским людям”. Об этом разузнала дирекция и попросту запретила вечер» [82].

щественно в юго-восточных уездах Галиции (Тернопольском и Сокальском) и на Буковине, т.е. вдоль русской границы. Просветительных целей сечевые товарищества не преследуют (по уставу они не имеют даже библиотек), но и пожарно-гимнастическим делом не ограничиваются: Сечи созданы с тою целью, чтобы “будить в крестьянстве национальную сознательность” в соборно-украинском (антирусском) духе» [140, с. 131]. Организация Сечей имела четкое строение: во главе каждой — кошевой атаман, подчиняющийся атаману уездному, а уездные составляют “Главный сечевой комитет”, возглавляемый атаманом, которому присвоено ношение золоченой булавы. Для крестьянской молодежи Сечи представляли большой интерес — крепкая дисциплина, торжества, маршировка, парады, смотры, для которых обязательна определенная красочная форма — казачьи шаровары, гуцульский «топорик» за поясом и широкая малиновая лента через плечо, захватывающие лозунги — и все это под покровительством государства. «М.Грушевский вполне прав, называя сечевые товарищества политическими народными клубами» [140, с. 132]. И под малиновые знамена шли юные галичане, чтобы во время Первой мировой войны «українськи сичови стрільці» «УСС», «усуси» составили часть австро-венгерской армии. Как пишет современный исследователь В.И.Савченко, австрийская администрация «всемерно поддерживала украинофильское течение, видя в нем своего союзника не только в борьбе против традиционного стремления русин к единению с Россией, но и в планах территориальных приобретений за счет России, а также опору для своей политики в отношении польских помещиков в Галиции. (В противоположность этому, деятельность москвофилов, особенно к концу XIX — началу XX века рассматривалась венским кабинетом как откровенное проявление сепаратизма.) Очевидно, не случайно расцвет украинофильства в Галиции пришелся на время складывания германо-австро-венгерского блока, противостоявшего странам Антанты» [120, с. 97].

Если русские галичане неизменно ориентировались на близость к России, воздерживаясь, впрочем, от каких бы то ни было антиавстрийских выпадов, то в отношении к братьям за кордоном положение России было крайне затруднительным. Война назревала, общий расклад политических сил в Европе, аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, которой Россия не могла помешать, внутренняя слабость самой России после первой революции в преддверии новых — все это определяло направление официальной политики. Возможно, что анализ архивных дипломатических документов позволит еще сказать о каких-то конкретных шагах русского правительства. Пока же мы можем говорить только о том, что симпатиям определенных кругов в России к русским галичанам никто не мешал. Известный русский славист Антон Семенович Будилович, зять лидера закарпатских руссофилов Адольфа Ивановича Добрянского, председатель Галицко-русского благотворительного общества в Петербурге, в начале 1908 года взялся за редактирование катковских

весьма правых «Московских ведомостей», стремясь сделать из них славянскую газету. В качестве корректора он пригласил из Львова в Москву русского галичанина Василия Ивановича Янчака, который не только прекрасно знал русский литературный язык и осуществлял работу корректора, но также писал на галицкие темы. Однако неожиданно в декабре того же 1908 г. умирает Будилович. Газета еще некоторое время продолжает публиковать материалы на славянские темы, но вскоре приобретает свой обычный облик. В.И.Янчак внезапно умер в Москве, семья его вернулась в Галичину [142].

В предвоенные годы галичане охотно ездили в Россию, причем поездки почти всегда носили совершенно легальный характер и лишь в страшные годы военного террора тяжело отразились на судьбах путешествовавших. Так, например, известный уже нам Ярослав Гелитович на страницах «Новой жизни» опубликовал свой рассказ о посещении могилы Шевченко во время путешествия в Киев [30]. Заметим попутно, что благоговейное отношение к памяти Шевченко — типичная черта менталитета русских галичан от Головацкого вплоть до заокеанских издателей труда Свистуна в 1970 г. Контактная работа между гражданами «Державной» и «Подъяремной» Руси способствовала в этот период и деятельность Галицко-русского благотворительного общества в Санкт-Петербурге, имевшего свои отделения также в ряде городов Российской Империи. Постоянно устраивались заседания, целью которых было знакомить русское общество с «современным положением и нуждами Прикарпатской Руси» [25, с. 4]. На них читались доклады русских ученых и общественных деятелей, устраивались открытые для всех бесплатные музыкальные вечера [25, с. 4–5]. Иногда заседания заканчивались организованным по подписке недорогим дружеским ужином членов общества и гостей. Приезд гостей из «Руси Подъяремной» был постоянным явлением. В феврале 1912 года в Петербург прибыла даже целая крестьянская молодежная театральная дружина, сыгравшая три пьесы, причем на представлении «Подгорян» Ивана Гушалевича было много членов Государственной Думы во главе с ее председателем М.В.Родзянко. Юные артисты поехали еще по другим городам России, однако по возвращении на родину многие из них, как пишет отчет Общества, «попали под судебное преследование», так как при отъезде не смогли получить паспортов и переходили русско-австрийскую границу тайно ночью [25, с. 8–9]. В 1912 — начале 1913 года силами Общества организуются не только вечера, но и многолюдные собрания в Александровском зале Городской Думы, в Дворянском собрании [26]. Когда в 1913 году Прикарпатье постиг небывалый по размерам голод, во Львове был образован «Русский Спасательный комитет», одним из трех председателей которого был известный историк и общественный деятель Филипп Иванович Свистун. В октябре 1913 года Комитет обратился за помощью к населению России с воззванием «Вопль из русской Галиции». Правление Галицко-русского благотворительного общества сразу же откликнулось, и в ноябре был образован в Петер-

бурге в рамках Общества Комитет помощи голодающим в Червонной Руси. Одним из двух почетных председателей стал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, вскоре погибший как новомученик и ныне канонизированный Русской Православной Церковью. Среди членов Комитета мы находим архиепископа Финляндского Сергия, будущего патриарха, академика А.И.Соболевского, проф. И.О.Пальмова и др. По ходатайству Галицко-русского благотворительного общества министр внутренних дел разрешил сбор пожертвований по всей стране, а Священный Синод установил, что пожертвования будут собираться по воскресным дням во всех церквях Российской Империи [27, с. 5–15]. К 1 мая 1914 г. голодающим было направлено более 100 000 рублей.

Деятельность Общества носила, как и можно было ожидать, антипольский и антиукраинофильский характер. Правда, глава русской делегации на Пражском славянском съезде 1908 г. граф Владимир Алексеевич Бобринский (1867–1927) [100, Т. 1, с. 247–248], сразу же включивший семерых делегатов из Карпатской Руси в состав русской единой делегации, после Будиловича — председатель Галицко-русского благотворительного общества, ехал на съезд в Прагу, по его же признанию, с надеждой на «польско-русское примирение» [7, с. 1]. При тогдашнем раскладе сил состояться оно не могло... На посту главы Общества В.А.Бобринский развил бурную деятельность. И значительное место в ней занимали религиозные вопросы Галичины, прежде всего травля набиравшего в ней силу православия. Собственно, реально помочь гонимым православным в Галичине, равно как и в Буковине, и За-карпатье, Обществу не могло. На заседаниях звучали слегка завуалированные призывы к русскому правительству о помощи братьям за кордоном. Так, архиепископ Волинский Антоний (Храповицкий, будущий глава Карловацкой церкви) в своей речи воскликнул: «Мы не имеем права отнекиваться от родных братьев... а должны громко на весь мир воскликнуть: “Братья-галичане, мы слышим ваши стоны и готовьтесь к часу возмездия”» [26, с. 7]. Заканчивая свою речь 25 марта 1913 г., В.А.Бобринский предложил собранию принять резолюцию, в которой говорилось бы: «Собрание выражает горячее пожелание, чтобы правительство русское во исполнение исторических заветов России нашло способы воздействия для прекращения бесчеловечных страданий православных...» [26, с. 47]. На галицко-русском митинге 1 марта 1914 г., говоря о Маромарошском и Львовском политических процессах против карпато-русских деятелей, член Общества И.В.Никаноров упомянул об отсутствии «той твердости русской политики, в результате чего оказалось возможным такое пренебрежительное отношение к русскому имени, какое видим теперь в указанных двух процессах» [27, с. 31] и т.д. До начала Великой войны оставалось менее полугода, до «Великого Октября» — три с половиной.

В Москве в этот же период разворачивается деятельность замечательного русского ученого, отца русского научного карпатове-

дения Федора Федоровича Аристова (1888–1932). С 1907 г., едва окончив 1-й Московский кадетский корпус, девятнадцатилетний Аристов начинает сбор материалов для монографического труда «Карпато-русские писатели». Под термином «писатели» подразумевались не только, а быть может не столько создатели произведений художественной литературы, сколько, по формулировке Аристова, «выдающиеся деятели общерусской литературы в Карпатской Руси» [87, 3-я стр. обложки]. К началу Первой мировой войны автором была проделана гигантская работа — закончено трехтомное исследование по неизданным источникам «Карпато-русские писатели». В нем представлены биографии «русских» деятелей Галичины и Закарпатья от Д.И.Зубрицкого до тогда здравствовавшего М.Ф.Глушевича, написанные на основе писем, автобиографий, документов, с приложением уникальных портретов и обширной библиографии работ каждого деятеля и материалов о нем. Параллельно автор готовил серию публикаций сочинений самих галицко-русских «писателей», а ныне мы бы скорее назвали «деятелей», под названием «Библиотека карпато-русских писателей». Огромный материал, на базе которого был проделан этот гигантский труд, составил фонды подготовлявшегося к открытию, но еще не открытого для широкой публики «Карпато-Русского музея Ф.Ф.Аристова». Когда грянула война, Аристов ушел на фронт. На трех страницах обложки известной нам книжки Мончаловского и Маркова мы находим информацию об уже вышедших к 1915 году и печатающихся книгах, которые можно приобрести в Москве на Тверской в прогрессивном издательстве А.С.Дзюбенко, а в Петрограде — в Галицко-русском обществе. Результаты трудов Аристова постигла трагическая участь — «Карпато-русские писатели» были уже набраны, но вышел в свет только первый том, два других оказались в гранках и теперь сохраняются лишь в архиве Т.Ф.Аристовой. Вышло лишь несколько книг «Библиотеки», а богатейшие материалы Музея, сданные Ф.Ф.Аристовым в ящиках на хранение, во время войны пропали бесследно. Несмотря на это мы можем с уверенностью сказать, что в карпатоведении Аристов представляет из себя уникальную фигуру русского ученого-историка, сумевшего оставить фундаментальные труды по отечествоведению, показать ту часть великой Руси, о которой было написано так мало серьезного, причем полностью избежать политических выпадов и сиюминутных выводов. Доныне «Карпато-русские писатели» т. 1 [2] — необходимое пособие для каждого серьезного карпатоведа, а имя Ф.Ф.Аристова свято для русских галичан.

В религиозной жизни Галичины предвоенного периода происходят очень важные события. Еще Драгоманов на страницах «Вестника Европы» 1892 г. предсказывал возможность отпадения значительной части русских галичан от униатской церкви и образования «особых вероисповедных общин с характером более или менее протестантским» [49, с. 480]. Это пророчество подтвердилось примерно наполовину — прокатолическая политика Сильвестра Сембратови-

ча и Андрея Шептицкого оттолкнула многих в Галичине от проукраинской униатской церкви, однако не породила массы протестантских общин, а способствовала распространению православия.

До 90-х гг. старое униатское духовенство в значительной степени принадлежало к «русскому» направлению и во всяком случае не было орудием украинофильской пропаганды. Засилие иезуитов при Сильвестре Сембратовиче явно было направлено на украинизацию и латинизацию подготавливаемого к служению униатского духовенства, а приход к духовной власти Андрея Шептицкого, сначала в качестве епископа Станиславского, а затем и митрополита Галицкого означал активизацию этого процесса. Яркую картину насильственной украинизации униатской церкви и давления на ее прихожан ярко показал в своей статье композитор, общественный деятель Галицкой Руси И.И.Терех⁵¹ [130, 66]. Статья увидела свет лишь после смерти автора на страницах заокеанского галицко-русского журнала «Свободное слово Карпатской Руси» в 1962 г. [129]. «С назначением Шептицкого главой униатской церкви, — пишет Терех, — прием в духовные семинарии юношей русских убеждений прекращается, из этих семинарий выходят священниками заядлые политиканы-фанатики, которых народ назвал “попиками”. С церковного амвона, делая свое кайново дело, внушают народу новую украинскую идею, всячески стараются снискать для нее сторонников и сеют вражду в деревне... Учитель и “попик” мало-помалу делают свое дело: часть молодежи переходит на их сторону, и в деревне вспыхивает открытая вражда и доходит до схваток, иногда кровопролитных. В одних и тех же семьях одни дети остаются русскими, другие считают себя “украинцами”, ...церковные и светские власти на стороне воинствующих попиков, многие из униатства возвращаются в православие и призывают православных священников. Австрийские законы предоставляют полную свободу вероисповедания, о перемене его следовало только заявить административным властям. Но православные богослужения разгоняются жандармами, православные священники арестовываются и им предъявляются обвинения в государственной измене...» [129, с. 6]. В самом начале XX в., как считают некоторые исследователи, православие доходило до Галичины в значительной мере через возвращавшихся из Америки эмигрантов. Как сообщал возвратившийся из Америки о. Мурин, «униатские ксендзы по требованию Шептицкого берут с эмигрантов на родине клятву, что они в Америке не присоединятся к православию. Переселенцы, тем не менее, массами возвращаются в веру их предков... Они по прибытии в Нью-Йорк первым делом являются в православный храм и требуют от священника разрешения от клятвы, данной на родине» [26, с. 10].

Хотя в Австро-Венгрии православие было разрешено законом, в Буковине оно было господствующим вероисповеданием, однако в Галичине попытки перехода из унии в православие пресекались

⁵¹ Его имя пишут также Терох — Цьорох.

самыми разными способами. Некоторые из этих фактов стали известны в России. Так, архиепископ Антоний Волинский (Храповицкий) рассказал, что жители галицкого села Сороки обратились к нему с просьбой выхлопотать им священника для женского православного монастыря, устроенного на земле крестьянина Ольховецкого. Но это не удалось, несмотря на переписку владыки Антония с православным митрополитом русско-румынской церкви и с Шептицким. В Галиции не желают признавать православия, и всех православных священников-галичан, получивших духовное образование в России, заключили в тюрьму, в которой они томятся без следствия и суда [26, с. 6–7]. В селе Залучье крестьянам после смерти любимого пастыря не утвердили священником его зятя, заменявшего его и тоже снискавшего любовь паствы. Тогда крестьяне заявили, что перейдут в православие. В ответ в село на целый месяц был послан постой войск, а также спровоцирована перебранка и арестовано 78 крестьян. Они просидели под арестом 6 недель, как раз во время весенних посевов [7, с. 108–111]. В своем письме в «Times» В.А.Бобринский, тогда член Государственной Думы, писал: «1911 год открывает новую эпоху этой доблестной борьбы за веру. Целый ряд преданных и вдохновенных верой молодых людей, русских галичан и угро-руссос, австро-венгерских подданных, а следовательно, не могущих быть высланными из своего государства, получили священническое рукоположение в монастырях святой Афонской горы и в других церквях православного Востока и в минувшем году вернулись на свою родину в качества иеромонахов или священников для служения своим православным землякам... В то время как я пишу эти строки, все православные священники Галичины без единого исключения находятся в тюрьме по распоряжению полиции» [25, с. 13–14].

К 1911 году относится переход в православие русских сел на Лемковщине, в Сокальщине и Коломыйщине [122, с. 599].

17 марта 1912 года были арестованы два православных священника Игнатий Гудима и Максим Сандович, Семен Юрьевич Бендасюк⁵² и студент-юрист Василий Андреевич Колдра. Их держали в тюрьме два с половиной года, не предъявляя обвинений, наконец, перед самой войной «во Львове начался нашумевший на всю Европу чудовищный процесс о «государственной измене», «шпионстве» против двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры) и двух православных священников (Сандовича и Гудимы). На этот процесс неожиданно явились пять депутатов Государственной Думы... и они, войдя в зал, публично во время заседания суда поклонились до земли сидящим на скамье подсудимых со словами: “Целуем ваши вериги!” Подсудимые были оправданы присяжными заседателями, несмотря на то, что председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно, по указанию свыше

⁵² Как говорил в своей речи В.А.Бобринский через год после ареста, Бендасюк «болен. Ему грозит чахотка, судить его не за что, но цели своей австро-польские власти, вероятно, достигнут и сведут в могилу эту молодую русскую силу» [26, с. 38].

не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор» [129, с. 8]. Бендасюк и Колдра после оправдания успели уехать в Россию, Сандович и Гудима остались...

13. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ТАЛЕРГОФ

1 августа 1914 г. (все даты по новому стилю) Германия объявила войну России. И тотчас же началась кампания беспощадного террора против русского населения Галичины, против всех, кого только можно заподозрить в симпатиях к России. Тюрмы наполнились заключенными, край — виселицами. Интенсивно заработали военно-полевые суды.

Период Первой мировой войны, вероятно, самый тяжкий период в истории русского движения в Галичине. Это период массового, физического уничтожения русских галичан, казней, издевательств, насилий. Были созданы концлагеря, концлагерь в Штирии Талергоф, предшественник гитлеровских лагерей стал символом этого страшного времени. Страшного не только насилиями, чинимыми австрийской администрацией и военщиной над ни в чем не повинными законопослушными мирными жителями, но и тем, что беспощадными врагами русских галичан были свои же, галичане «украинского» направления, которые готовили заранее списки неблагонадежных [127, вып. 2, с. 21], по доносам которых хватали невинных [например, см. 127, вып. 1, с. 142, 143, 148 и мн. др.]. «В самом начале этой войны, — пишет И.И.Терех, — австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами, сельскими учителями и “попиками”» [129, с. 8]. Многочисленные воспоминания оставшихся в живых жертв террора говорят о том, что каинова работа своих же вызывала особый ужас и отвращение. Мобилизация началась 31 июля 1914 г. В ночь с 30 на 31-е были арестованы депутат парламента доктор прав Д.А.Марков, юрист, также доктор прав Кирилл Сильвестрович Черлюнчакевич, бывший адвокатом на процессе Бендасюка. В эту же ночь была арестована Наталия Юлиановна Несторович, руководительница женского пансиона в Перемышле, автор газетных очерков по русской литературе. Первых двух ждал процесс о государственной измене, так называемый Первый Венский, а девушку — концентрационный лагерь Талергоф. За арестом первых троих последовал массовый террор против русских галичан. Хватали как подозрительных всех, кого можно было заподозрить в каких-либо симпатиях к России, русской культуре — достаточно было куда-то побывать в России, быть членом читальни Общества им. М.Качковского, читать русскую газету, а то и просто слыть «руссофилом» или назвать свой, родной язык *russische Sprache*. Иногда, чтобы прослыть шпионом, достаточно было посмотреть на проходившие войска — так был заколот стоявший в своем саду крестьянин Григорий Вовк, в селе Бортниках жандармы арестовали и увели четырех 10-летних мальчиков за то, что они смотрели на

проезжавший поезд [127, вып. 1, с. 35]. С 18 августа началось наступление русских войск. Казни приняли массовый характер, во всех случаях предусматривалось «сокращенное судопроизводство» и публичные казни [127, вып. 1, с. 29]. Корреспонденту «Утра России» Михаилу Ратову крестьянин из Городецкого уезда рассказывал о расстрелах в Городе: «Вот видите, на этих деревьях перед окнами висели заподозренные в “руссофильстве”. Так прямо на деревьях вешали. Сутки повисят, снимут — и других на них же вешают... А тут за углом учителя расстреляли. Поставили к стене, а напротив 5 солдат с ружьями... Здесь, на этом месте, со связанными назад руками, подкошенный пулями свалился несчастный — по доносу шпиона. А шпионов развели австрийские власти массу. На заборах, стенах — всюду висели объявления с расценками: за учителя — столько-то, за священника — столько-то, за крестьянина цена ниже и т.д.» [127, вып. 1, с. 40]. В том же Городецком уезде, как рассказывал И.В.Вовк, было казнено без суда 60 крестьян, в селе Залужьи было расстреляно 5 крестьян, в селе Поречьи — 6, в Зушицах повешено 16, в Каменоброеде казнено 55 человек и т.д. — это только в одном уезде... [127, вып. 1, с. 40–43]. 4 августа 1914 г. был арестован только что выпущенный из заключения, оправданный львовским судом о. Максим Тимофеевич Сандович, отдохнувший после процесса у своего отца, крестьянина на Лемковщине. Вскоре арестовали также его отца и жену. 6 сентября без суда и следствия по приказу ротмистра жандармерии рано утром он был расстрелян на площади в Горлицах на глазах старого отца и беременной жены, специально приведенных в камеры, выходящие окнами на место казни. Православный священник-мученик, погибший со словами: «Да живет русский народ и святое православие!», канонизирован Польской Православной Церковью. Родившийся в Талергофе его сын, тоже Максим, стал православным священником, как и отец [127, вып. 1, с. 176–183].

Все русские общества во Львове с началом военных действий были закрыты [127, вып. 1, с. 82]. Тюрьмы все более переполнялись заключенными — к 28 августа только во Львове оказалось около 2 тысяч узников, «опасных для государства москвофилов» [127, вып. 1, с. 27]. Жертвы террора располагались в разных местах заключения, но их катастрофически не хватало, и с начала сентября 1914 года в Штирии был организован огромный концентрационный лагерь Талергоф. «Талергоф, — пишет один из первых его узников о. Григорий Макар, — небольшая местность, перед войной никому не известная, представляет же собой довольно широкую равнину, окруженную со всех сторон высокими Альпами. Эту местность назначили австрийцы для русских галичан, заподозренных в государственной измене. Первый транспорт в составе 2000 человек обоего пола прибыл сюда 4 сентября 1914 года из Львова. Четверо суток держали людей под открытым небом, окружив узников живым кольцом жандармов и солдат» [127, вып. 3, с. 4]. Первый транспорт заключенных был выброшен в Талергофе прямо в поле, лишь кому-то

посчастливилось попасть в стоявшие в поле ангары, затем были построены бараки [127, вып. 3, с. 2–3]. Талергофский лагерь просуществовал около трех лет, с сентября 1914 по май 1917-го. заключенными были, по свидетельству священника Феодора Мерены, пережившего Талергоф, «люди разных сословий и возрастов. Были там священники, прелаты, адвокаты, судьи, доктора, преподаватели, частные и государственные чиновники, учителя, крестьяне, мещане, псаломщики, писатели, студенты, актеры, военные судьи, военные священники — все русские галичане, за исключением незначительного процента румын, цыган, евреев, поляков, мазепинцев и 3 блудниц из Перемышля... По возрасту Талергофская публика была также весьма разнообразна, начиная почти столетними стариками (прелат Дольницкий 94 л.) и кончая грудными младенцами. В отхожие места интернированные сопровождалась конвоем. Не было тут различия между мужчинами и женщинами. Естественные потребности отправлялись по команде, а не успешших справляться прокалывали штыками... Интернированные украинофилы находились под опекой адвоката Ганкевича, зятя известного доверенного австрийского правительства Костя Левицкого. И действительно, скоро они были освобождены и оставили лагерь [127, вып. 4, с. 158]. Были и пленные русские солдаты [127, вып. 4, с. 64]. За малейшее нарушение режима узника ждала пуля [127, вып. 4, с. 20, 83 и др.]. Узников направляли на принудительные работы, иногда они могли что-то заработать, но те, кто не имел денег (захваченных при аресте или от родных), а заработать были не в силах, терпели страшный голод. С осени 1916 года вплоть до ликвидации лагеря, как пишет священник Генрих А.Полянский, настал в Талергофе голод, для безденежных — грозный. Все писали к своим просьбы присылать посылки, а посылки не доходили. «От голода померло в последнем году много нашего селянства; команда питала их самими юшками (похлебками), мы не могли им дать есть, ибо сами еле-еле жили...» [127, вып. 4, с. 127–128]. Постоянны были издевательства, самые изощренные, сохранился, напр., даже рисунок бывавшей не раз сцены — один из заключенных запечатлел, как униатский священник угрозами и побоями был принужден везти на тачке еврея [127, вып. 4, с. 61]. А после того еврея заставляли везти священника. Заключенные имели право на переписку, но письма задерживали в канцелярии и не отдавали адресатам. Особенно прославился издевательствами надзиратель обер-лейтенант запаса Владимир Чировский, садист и взяточник. Страшными были одиночное заключение и пытка «подвешиванием», когда наказуемого подвешивали за руки, связанные сзади веревкой. Когда летом 1915 года в Талергофе начался рекрутский набор в обескровленную австрийскую армию, почти вся вызванная к набору интеллигенция записывалась при переключке как «русская» (Национальность *russische* числилась даже в дипломах некоторых из них, докторов прав.) «Команда приговорила всех, которые записывали себя русскими, к 21-дневному аресту, а затем, и к Anbilden (подвешиванию) на 2 часа! И пошли наши за это в арестантские бараки»

[127, вып. 4, с. 123]. Ужасны были санитарные условия в лагере, особенно в первые, месяцы его существования. Открытые отхожие места, куда заключенных водили под конвоем, который вел туда только по 20 человек, насмешки и издевательства солдат над несчастными женщинами [127, вып. 3, с. 1–2], бараки были переполнены. Вместо положенных 200 человек в них помещалось порой до 500, узники спали на соломе, которая менялась очень редко, и на ослабленных узников началось настоящее нашествие вшей, а за ними — эпидемия тифа, которым переболело множество народу, унесшего, начиная с ноября 1914 г., за два месяца, по сообщению узника И. Васюты, до трех тысяч жертв [127, вып. 3, с. 14–15]. Несмотря на ужасы заключения, множество примеров говорит о той духовной силе, которую показали многие узники. Было постоянное богослужение. В лагерной церкви, которая сначала помещалась в бараке, служил униатский священник Ярослав Карпяк, попавший в Талергоф на пост «пароха» как беженец, затем были допущены и священники-узники. Как рассказывает активный деятель русского движения в Галичине писатель, узник Талергофа Генрих Афанасьевич Полянский, униатский священник, «так как было между всеми нами, заточниками, и множество православных, — нас не хотели или боялись называть православными — то они постарались о получении разрешения на постройку особой, православной часовни. И они построили себе, старанием братьев Киселевских, Дионисия и Юлиана, иерея и мирянина, часовню, а с помощью больших мастеров, пленных русских солдат, снабдили и украсили они часовню хорошим иконостасом и престолом. Не имея вначале церковных риз, брали они секретно наш фелон и эпитрахиль... Конечно, о. Карпяк не знал о том, что выдавались иногда фелон и эпитрахиль из нашей церкви православным оо. Киселевскому и Гудиме к употреблению в их часовне» [127, вып. 4, с. 116]. Для украшения церкви и красоты богослужений приложили свои труды заключенные художники-живописцы и резчики, женщины-вышивальщицы, составилась профессиональный хор, певцы которого пели и в униатской церкви, и в православной часовне» [127, с. 117–118]. Среди узников был и сын крестьянина, молодой студент-юрист, только начинавший свой путь поэта, ученого, общественного деятеля и подвижника русского движения Василий Романович Ваврик. Он был арестован в 1914 г., сначала отправлен в Терезин, где встретился на минуту с 19-летним больным смуглым юношей — Гаврилом Принципом, убийцей Франца-Фердинанда и его жены... А дальше — Талергоф. Еще в Терезине Ваврик выпускал рукописные листки «Терезинская вошь» с рисунками из тюремной жизни. В Талергофе издавал, как сам называл, «рукописный журнальчик» «Талергоф в карикатурах». «Это были стихи, маленькие пьесы, повести, шутки, анекдоты и жанры из жизни лишенных всякого права. Я увлекся работой до того, что по целым дням сидел в углу барака над сбитым из досочек столиком. Карикатуры спешно расхватывались и обходили весь Талергоф, вызывая численные толки. Теперь только

сознаю, как страшно рисковал, пуская в курс свои сатиры, которые могли легко попасть в руки властей, высмеянных беспощадным образом», — вспоминал Ваврик в 1930 г. [127, вып. 4, с. 89].

К ужасам австрийского террора он обращался много раз и как историк и как поэт⁵³. Во время мобилизации, проводившейся среди узников Талергофа осенью 1915 г., Ваврик был взят в австрийскую армию и оказался среди многих, кто вынужден был защищать престол монарха тогда, когда над их родителями и родными совершались насилия и убийства именем того же монарха. Летом 1916 года на итальянском фронте Ваврик был взят в плен⁵⁴, а «весной 1917 г. с помощью русского посла Гирса получил свободу, уехал во Францию и поступил добровольцем в русский корпус, сражающийся против немцев. Через Англию и Ледовитый океан переехал в Петроград в то время, когда клонилась к падению власть Керенского» [127, вып. 4, с. 87]. В 1915 г. рекрутский набор сильно уменьшил число узников, однако после отхода русских войск из Галичины последовала новая волна жертв, среди которых были и украинофилы, и поляки, и евреи, «все, кто находился в соприкосновении с русскими войсками. Пустые места в Талергофе опять заполнились» [127, вып. 3, с. 9].

21 ноября 1916 г. скончался император Франц-Иосиф. «Когда императором стал Карл I, — писал узник Талергофа о. Г.А.Полянский, — велел 7 мая 1917 года пустить всех арестованных домой. В своем рескрипте Карл I пишет: “Все арестованные русские не виновны, но были арестованы, чтобы не стать ними”» [17, посл. стр.]. Жертвами Талергофа стали не только сотни и тысячи тех, кто упокоился на кладбище лагеря «под соснами», многие узники, измученные ужасами лагеря, умирали вскоре после выхода из него. Трагична была участь православного священника Игнатия Гудимы, оправданного вместе с Сандовичем в первом львовском процессе. Он был арестован в августе 1914 г., заключен в Бродскую тюрьму, освобожден русскими войсками, а после их отступления не ушел с беженцами, был заключен в Вейнберг, летом 1915 г. был отправлен в Талергоф, ходил со всеми на работы, пытался еще учить французский язык [127, вып. 3, с. 134], принимал участие в православном богослужении, занимался художественными работами [127, вып. 4, с. 118]. Но из лагеря вышел поврежденным в уме, жил как юродивый Христа ради и погиб от рук гитлеровских палачей в селе, в котором родился [76, с. 127].

За неполных три года существования лагеря через стены Талергофа прошли тысячи заключенных. Сколько тысяч? В 1924–1932 гг. русские галичане выпустили во Львове 4-томный «Талер-

⁵³ Главы из труда Ваврика «Терезин и Талергоф» недавно были опубликованы с комментариями К.Фролова в журнале «Мир Божий» [9].

⁵⁴ В конце 50-х годов живший во Львове русский галичанин К., тогда уже старенький, говорил мне почти с обидой: «В первую мировую войну ведь нас, галичан, не посылали на восточный фронт, и пришлось сдаваться итальянцам». — *Н.П.*

гофский альманах» — собрание различных документальных материалов о талергофской трагедии, уникальный важнейший источник (многokrатно нами цитированный [127]). Заокеанский русский деятель лемко Петр Семенович Гардый, 15-летним юношей в 1912 году отправившийся на заработки в США, составил себе там состояние и смог много сделать для родной Карпатской Руси [8, с. 72–73]. Он переиздал все четыре выпуска «Талергофского альманаха», ставшие давно библиографической редкостью, снабдил книгу некоторыми дополнительными документами и материалами [17] и в коротком предисловии «От издателя» привел цифру жертв Талергофа: «Через один только злопамятный лагерь Талергоф прошло свыше 30 тысяч человек крестьян, интеллигентов и священников, число последних достигло 800. Тысячи заключенных погибли от голода, заразных болезней и побоев» [17, с. 12]. «Пусть эта книга, — пишет Гардый, — посвященная памяти десятков тысяч убитых и замученных неповинных людей, разъяснит многим, что предвестником Освенцима (Аушвица), Дахау, Треблинки и сотен лагерей смерти в гитлеровской Германии были концентрационные лагеря: Талергоф, Терезин и другие под владычеством Франц-Иосифа I» [17, с. 12]. Цифра «свыше 30 тысяч» нам кажется весьма вероятной. Тот же Г.А.Полянский пишет, что в 1914 г. в Талергофе было построено 42 барака по 200 человек [17, посл. стр], мы знаем, что бараки были одно время переполнены более чем вдвое, множество людей умирало⁵⁵, кого-то отпускали, лагерь заполнялся новыми жертвами... Цифру 30 000 встречаем мы и у известного карпато-русского писателя, талантливого поэта, прошедшего весь ужас фашистских лагерей Второй мировой войны, Андрея Васильевича Карабелеша, в одном из его писем к Ваврику: «Я очень рад, что Вы, дорогой Василий Романович, написали о Талергофе. Так мало написано до сих пор об этом пресловутом концлагере, через горнила которого прошло не менее 30 000 русинов в эпоху Первой мировой войны. Надо погромче говорить и писать о том, за что и почему страдали эти люди. Ведь это же было массовое движение русинов, массовое проявление народной воли, его тяготения к Руси, к единокровным братьям, к русскому слову, к русской культуре. Православие и религиозный вопрос вообще были только формальным поводом, а главная суть дела исходила из национального убеждения. Разве можно об этом забывать?! О Талергофе надо писать не менее, чем о Бухенвальде, о Лидицах, Торрадуре, Токаике и других символических уже ныне местах, где шла борьба на жизнь и на смерть против того зла, которое в полную меру разразилось в эпоху Второй мировой войны» [80, с. II].

⁵⁵ Умерших в Талергофе хоронили тут же, на кладбище «Под соснами». Кладбище было ликвидировано в 1936 г. Кости мучеников перевезены были на кладбище деревни Фельдкирхен и упокоились в братской могиле, над которой сооружена часовня. Внутри надпись по-немецки: «Вдали от Родины здесь покоятся 1767 мужчин, женщин и детей из Галичины и Буковины жертв мировой войны 1914–1917 гг.» [17, вып. 1, прил.]

Думается, мы не ошибемся, если скажем, что талергофская трагедия была трагедией всего русского движения и всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов, которые были пятой колонной галицкого национального движения, помощниками австрийской администрации и военщины. Были ли в Талергофе украинофилы? Безусловно были, однако их присутствие было скорее случайностью. В целом Талергоф стал не просто местом мучений тысяч русских галичан, а символом «галицко-русской Голгофы». И знаменательна в этом отношении позиция украинских авторов по отношению к этой проблеме. Украинские историки, и межвоенные, и советские, и заокеанские, стараются о Талергофе вообще не говорить или упоминать мимоходом, а талергофскую трагедию называть бедой западноукраинского населения вообще, во много раз преуменьшая ее масштабы⁵⁶.

Первая мировая война началась для России в Галиции весьма успешно. В Галицийской битве 18 августа — 21 сентября 1914 г. (все даты по новому стилю) русские войска одержали крупную победу, 2 сентября русскими был взят Галич, 3-го — Львов, наконец в результате наступления русские войска осадили Перемышль. Он был взят после четырехмесячной осады 22 марта 1915 г. В руках русской армии оказалась вся Галичина. Однако вскоре наступательная операция германо-австрийских войск — Горлицкий прорыв 1915 г. — свел на нет эти победы — 3 июня германо-австрийские войска заняли Перемышль, 22 июня — Львов, русские войска оставили Галичину. Позднее, весной-летом 1916 г. во время Брусиловского прорыва русские войска вновь были в Галичине, но тогда до Львова они уже не дошли.

На подъеме русских успехов 1914 г. в Галичине было образовано Галицкое генерал-губернаторство. Военным генерал-губерна-

⁵⁶ Знаменательно, например, что украинский историк Юлианан Тарнович в своей истории Лемковщины, вышедшей во Львове в 1936 г. и сейчас переизданной во Львове в 1998 г., целую главу отводит Первой мировой войне [128, с. 201–223], однако ничего не говорит об истории Талергофского лагеря, упоминая лишь вскользь о муках в Талергофе, хотя среди жертв Талергофа было множество лемков. Украинская энциклопедия, изданная во Львове в 20-х гг., называет цифру узников до 7000. Вслед за ней украинская советская энциклопедия сообщает, что «число репрессированных в Талергофе достигало 7 тыс. человек. Большинство из них составляли украинцы из Галиции и Буковины, были также представители других национальностей, русские военнопленные» [126, с. 37]. Мэгочи пишет: во время своего спешного отступления в начале войны «габсбургские войска, в особенности венгерские Гонведы, осуществляли месть над многими жителями, которых они считали русскими шпионами. Несколькo сотен человек — и местных руссофилов и местных украинофилов, — православных и греко-католиков были спешно расстреляны, повешены или отправлены в концентрационные лагеря, наиболее позорно известный — Талергоф в Штирии» [146, с. 167]. Руссофилы «обращали особое внимание на “Талергофских мучеников”, лояльных патриотов, которые страдали за свой народ «(their nation)» [146, с. 170]. Это единственные упоминания о Талергофе в тексте работы Мэгочи.

тором Галиции был назначен граф Георгий Александрович Бобринский, троюродный брат Владимира Алексеевича [23]. Его канцелярия начала работу с 5 сентября, через день после взятия Львова, и работала по 14 июля 1915 г. В планы русского правительства входила в дальнейшем интеграция восточной части Галичины в состав непосредственно России, а западной — в состав Царства Польского Российской империи [120, с. 99]. Оккупация края длилась меньше года в условиях непрекращающихся военных действий, и говорить о какой-то единой целенаправленной политике гражданского управления, вероятно, трудно, многие меры, предпринимавшиеся генерал-губернатором как главой гражданской администрации, диктовались сиюминутными нуждами. (Напомним, что сам термин «оккупация» применяется постоянно в документах канцелярии генерал-губернатора [24]). К тому же край был уже обескровлен террором и арестами. Показателен один частный факт: канцелярия губернатора нуждалась в вольнонаемных писцах, однако «среди местных галичан, владеющих русским языком и более или менее знакомых с канцелярскою работой, вовсе не оказалось подходящих лиц». Пришлось привезти писцов из России, увеличив их жалованье, т.к. иначе никто бы не поехал [24, с. 7]. По мере оккупации территории Галичины и Буковины русскими войсками сначала были образованы две губернии, Львовская и Тернопольская, затем к ним прибавились Черновецкая и, наконец, Перемышльская. Губернии разделялись на уезды, и вся администрация на губернском и уездном уровне была не местная, а из России. Только двое из местных уроженцев заняли должности помощников начальников уездов. «Местные уроженцы» использовались лишь в качестве переводчиков, делопроизводителей и секретарей, «без предоставления однако им прав государственной службы». В уездах Западной Галиции «ввиду преобладания среди местного населения польского элемента» на должности назначались лица польского происхождения, однако из числа русских подданных [24, с. 16–17]. Заметим попутно, что эти меры в дальнейшем обеспечивали «алиби» местному населению, попавшему вновь под владычество Австрии после отхода русских войск, однако, как мы видели, это не помогло, и Галергоф наполнился новыми узниками [127, вып. 3, с. 9].

Предпринимавшиеся генерал-губернатором и Верховным Главнокомандующим репрессивные меры военного времени (выселение в отдаленные районы России, взятие заложников, запрещение передвижения в пределах генерал-губернаторства и др.) касались в основном евреев, которые подозревались в шпионаже и в доносах на мирное население, когда какие-то районы вновь попадали под австрийское владычество [см., напр., 24, с. 106 и др.]. По отношению к коренному населению, «сочувствующему нам», наоборот, принимались весьма благоприятные меры. Так, поскольку «в общей массе население Галиции в отношении русской власти и армии держит себя достаточно лояльно», запрещались конфискации имущества, кроме случаев, когда собственники проявляли «враж-

дебные действия по отношению к русскому войску» [24, с. 64]. При реквизиции русскими войсками у местного населения лошадей, скота и преимущественно овса, сена, соломы предусматривалась обязательная оплата, однако это требование не всегда выполнялось — за реквизируемое порой выдавались просто расписки, цены занижались. Сами реквизиции были предусмотрены положением о полевом управлении войск, но «с приближением периода весенних посевов, когда особенно важно была для сельских хозяев сберечь имевшиеся у них запасы семян и живой инвентарь, генерал-губернатором возбуждено было ходатайство о прекращении в пределах генерал-губернаторства реквизиций означенных предметов». В ответ на это было получено уведомление, что командующим армиями предложено воздержаться от этой меры, но что абсолютно трудно воздержаться, так как нельзя предвидеть, в какие условия войска могут попасть» [24, с. 21–22]. Во всяком случае запрещалась «скупка у войск и воинских чинов шкур от убойного скота» [24, с. 23].

Весьма важным мероприятием было провозглашение и практическое проведение в жизнь принципа веротерпимости. 28 сентября 1914 г. из Дворца, из Царского села, была отправлена телеграмма: «Львов, генерал-губернатору Галиции. Подтверждаю данные Вам Верховным Главнокомандующим указания относительно осторожного разрешения религиозного вопроса в Галиции. Давайте движение пока только тем ходатайствам о воссоединении с Православной Церковью, которые совершенно добровольно исходят от самих униатов, что должно быть проверено администрацией. НИКОЛАЙ» [24, с. 67]. Телеграмма была подтверждением установки, уже ранее данной Верховным Главнокомандующим. Последовавшие затем практические распоряжения исключали насильственный, полунасильственный и даже стихийный переход приходов в православие (к скрытой досаде, проглядывающей в материалах отчета Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг.) Только если 75% явившихся на сход представителей или представительниц православных и униатских дворов, по одному на двор, вместо своего постоянного униатского священника пожелают иметь православного, их пожелание выполняется. Назначенный местным православным епископом и допущенный генерал-губернатором православный священник обязуется, однако, «предоставить оставшемуся униатскому священнику возможность совершать богослужения и пользоваться церковной утварью по установленной взаимным между ними соглашением очереди. Возникающие по этому поводу недоразумения разрешаются властью генерал-губернатора». От униатских и католических священников не требуются молитвы за царя, но запрещены молитвы за австрийского императора [24, с. 71–72]. При вступлении русских войск множество приходов оказалось вообще без священников — руссофилы были в австрийских тюрьмах или на пути в Талергоф, «мазепинцы» бежали с отступающими австрийскими войсками. Архиепископу Волынскому Евлогию

(Георгиевскому), принявшему под свое попечение православную галицкую паству, приходилось сталкиваться со случаями, когда галичане, так сказать, похищали священников из соседних волинских сел — приглашали совершить требы в соседнем селе, а когда такой священник отправлялся в путь, его, незнакомого с местностью, обманным способом увозили за 40 и 50 верст, где он некоторое время служил истосковавшимся по богослужению галичанам, потом его возвращали обратно [28, с. 51]. В опустевшие приходы направлялись православные священники, однако Галичина тогда православной не стала, да к тому же рядовые верующие мало разбирались в конфессиональных различиях, и «русская вера», которую они исповедовали, присутствовала и в православных, и в униатских церквях с их формально единым обрядом⁵⁷.

Владимир Алексеевич Бобринский в начале войны был откомандирован в распоряжение генерал-губернатора Галиции (своего троюродного брата), был у него чем-то вроде чиновника особых поручений и занимался вопросами благотворительности, обеспечением населения продовольствием. Петроградское Галицко-русское благотворительное общество, разумеется, включилось в работу — открывались приюты для оставшихся без родителей детей в Самборе, Городке [28, с. 64], оказывалась помощь голодающим, убежище для галицких детей было открыто правлением общества при Иоанновском женском монастыре на Карповке в Петрограде (с. 57) собирались пожертвования на галицкие церкви (с. 52) и т.д. В целом можно сказать, что не были случайностью слова в донесении польскому наместнику в Галиции старостой Раво-Русского повета в 1919 г.: «На сегодняшний день жалеют селяне о том, как говорят, времени, когда тут после российского наступления правила россияне, и как они говорят, это были наши люди» [120, с. 104]. В то же время мы должны согласиться с мнением В.Н.Савченко, что политика русского правительства в Галичине во многом носила противоречивый, непоследовательный характер, что она вызвала недовольство руководителей москвофилов, являвшихся более последовательными сторонниками пророссийской и антипольской политики, чем российская администрация. Построенная по принципу «без коренной ломки существующего строя», эта политика объективно вынуждала сохранять в крае очень сильные позиции польских помещиков, польской культуры и католицизма [120, с. 103–104].

Наступательная операция австро-германских войск в мае-июне 1915 г., так называемый Горлицкий прорыв, вынудил русские войска оставить Галичину. Ужас от перспективы ухода русских войск и возврата австрийского владычества охватил тысячи галичан. Началось бегство в Россию. Для въезда в пределы Российской Империи с начала оккупации полагалось получать пропуск. Пропуска можно было получить не только в канцелярии

⁵⁷ «Протоиерей А.Г.Мурин (галичанин) сказал, что племенной розни нет, а что касается розни между унией и православием, то она почти незаметна, и каждый галичанин считает себя православным [28, с. 26].

генерал-губернатора но также у градоначальника, губернаторов, начальников уездов. Только за последнюю неделю перед оставлением Львова канцелярией генерал-губернатора было выдано 10 926 пропусков. Как сообщает отчет канцелярии, коренные галицийские жители «выезжали массами», причем по распоряжению главнокомандующего в Воынскую губернию должны были выехать мужчины 18–50 лет, т.е. призывного возраста, причем с семьями, а в пропуске указывалось только, что при нем состоит семья из стольких-то душ. (Как мы можем понять, это спасало русских галичан от необходимости при приходе врага России оказаться в его армии). Раньше при выдаче пропусков полагалось проверять благонадежность выезжающего, но сейчас пропуска выдавали в спешке всем желающим, кроме евреев [24, с. 20, 53]. Однако в самый момент отхода армии было вообще не до пропусков — тысячи беженцев покидали родные места, справедливо ожидая новых репрессий, которые действительно последовали. Рассказывая в своих воспоминаниях о генерале Сергее Леонидовиче Маркове, А.Деникин пишет: «Помню дни тяжкого отступления из Галичины, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется, через Стырь, у которого скопилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев» [47, с. 166]. Множество бежавших русских галичан нашли приют в Ростове-на-Дону, где в их судьбе принимали горячее участие как друзья из России, так и русские галичане, успевшие выехать из Галичины до начала войны. Среди них был С.Ю.Бендасюк, принявший в 1914 году православие в Харькове [127, вып. 1, с. 82]. Возглавил русское беженство в Ростове на Дону лидер галицко-русского национального движения Владимир Феофилович Дудыкевич (1861–1922) [21, с. 115]. Знаменательно, что в городе была открыта даже специальная гимназия для русских галичан, оставившая добрую память у тех, кто в ней учился. Интересные теплые воспоминания о ней написал в старости ее бывший гимназист Т⁵⁸. К сожалению, опубликованы они не были (как и многие другие материалы русских галичан Советского Союза). Будем надеяться, что рукопись сохранилась у его потомков и еще увидит свет.

С начала войны большая часть деятелей русского движения прошли муки Талергофа. Однако одного из наиболее ярких лидеров русского движения того времени, депутата парламента и львовского сейма известного Д.А.Маркова, ждало худшее — страшная венская тюрьма «Чертова башня» и процесс по обвинению в государственной измене. Кроме него на этом так называемом Первом Венском политическом процессе в качестве обвиняемых было

⁵⁸ По просьбе Т. мною написана рецензия на эти воспоминания, возможно, оставшиеся в его архиве.

привлечено еще шесть человек — депутат венского парламента В.М.Курылович, адвокат доктор прав К.С.Черлунчакевич (защитник М.Сандовича на львовском процессе 1914 г.), адвокат И.Н. Драгомирецкий, журналист, корреспондент «Нового времени» Д.Г.Янчевецкий, крестьянин Ф.Дьяков и кузнец Г.Мулькевич [127, вып. 2, с. 142]. В качестве свидетелей обвинения были привлечены украинские деятели Галичины, среди них Кость Левицкий, лидер и идеолог украинского национализма, вскоре, в 1918 г., ставший одним из организаторов и руководителей Западноукраинской народной республики (ЗУНР), профессор Львовского университета Кирило Студинский, позже — советский академик, редактор львовского украинского «Діла» Ярослав Веселовский и др. Вся деятельность руссофилов имела вполне легальный характер, судить было не за что. Но их судили не за деяния, а за убеждения, недаром адвокат Ф.Ваньо, привлеченный к процессу в качестве свидетеля-эксперта, прямо сформулировал: «Кто употребляет русский язык, не может быть хорошим австрийцем; хорошими австрийцами являются лишь украинцы, поэтому все члены русско-народной партии — изменники, ибо они не украинцы» [127, вып. 2, с. 144]. Главный обвиняемый Д.А.Марков в своем блестящем последнем слове неоднократно говорил, что деятельность руссофилов проходила в рамках закона, а под конец подчеркнул: «Меня защищает правда, а сила правды непреодолима. Эта правда — моя национальная идея, идея культурного и национального единства русских племен. Несмотря на то, что сегодня эту идею придавили тяжелые камни враждебных политических устремлений, я убежден, что эта идея, эта моя правда, найдет дорогу к свету». А так как «цель украинства негативна, именно разбитие единой национальной культуры русских племен, то я не считаю его культурным движением, я считаю его противным культуре, и уже по этим чисто культурным причинам не являюсь сторонником украинства» [71, с. 56]. Все семеро были приговорены к смертной казни через повешение [127, вып. 2, с. 142–146]. Приговоренных спас от смерти Николай II. Через испанского короля Альфонса XIII ему удалось добиться замены смертной казни на пожизненное заключение [21, с. 123, 125, 142; 17, прил., с. 38]

В 1915 г. был затеян так называемый Второй Венский процесс [127, вып. 2, с. 146–147]. Он состоялся с 4 сентября 1916 г. по 17 февраля 1917 г. Были те же обвинения, те же украинские свидетели обвинения. Список обвиняемых возглавлял д-р Кассиан Дмитриевич Богатырец, православный протоиерей из Буковины (1868–1960) [77]. Крупный культурный и общественный деятель Буковины, он выступил на процессе с блестящей мужественной защитительной речью и заключительным словом, в котором сказал: «Легко можно предвидеть, что нас военный суд приговорит к смертной казни, но я убежден, что тую Австрию, котора приговорит меня сегодня к смертной казни, я наверно переживу» [79, с. VII]. Из

Гнатышак, привезенный в Вену из Талергофа, не дождавшись приговора, умер в тюрьме. Остальные были приговорены военным судом к смертной казни. Амнистия императора Карла I весной 1917 г. спасла приговоренных от гибели [127, вып. 2, с. 146–147]. Узники обоих процессов обрели свободу и в дальнейшем вернулись на родину.

Февральская революция 1917 г. в России не дала ничего доброго галицко-русскому движению. Достаточно вспомнить, какую благожелательность проявил Керенский и иже с ним по отношению к ярому врагу русского движения в Галичине митрополиту Андрею Шептицкому⁵⁹. Еще более далека была для русских галичан Октябрьская революция с Троцким как одним из главных ее лидеров, с ее мировой революцией и воинствующим атеизмом. Это подтверждает и частный случай — большевиками был арестован как монархист Дудыкевич, погибший в Ташкенте в 1922 г. Во время Гражданской войны некоторые русские галичане пополнили ряды белых армий, хотя явление это не носило массового характера. «Во время Первой мировой войны, — пишет Р.Д.Мирович, — в России на положении беженцев очутилось около двухсот тысяч галицких “москвофилов”. В одном Ростове-на-Дону было около шести тысяч галичан. И вот из этой большой массы людей в рядах белогвардейцев оказалось несколько десятков, пусть несколько сотен людей, преимущественно зеленой молодежи, не особенно разбиравшейся в хаосе революционных событий. Притом вербовка в белогвардейцы производилась не официальными орга-

⁵⁹ Как известно, во время оккупации русскими войсками Галичины настроенные неблагонадежно по отношению к России лица выслались во внутренние губернии, более всего в Сибирь. (Заметим попутно, что, судя по спискам Канцелярии, таких было относительно немного и большую часть их составляли евреи.) Глава униатской церкви митрополит Андрей Шептицкий заявил о своей лояльности и был оставлен во Львове. Однако его заявление оказалось прямым обманом. Его антирусские мероприятия вынудили власти выдворить его сначала в Киев, а затем в Нижний Новгород, Курск и Ярославль. Знаменательно, что, будучи во Львове, Шептицкий выступил с воинственной антирусской проповедью, проклиная всех, кто будет приветствовать русские войска, и предсказывая неминуемое поражение «гибнущей в православной ереси России». А оказавшись в почетном плену в Киеве, обратился к Николаю II с приветственным посланием, выражая радость по поводу русских побед. И в то же время продолжал свою подрывную деятельность. Ватикан пытался вызволить своего ставленника, однако при царской власти эти попытки не увенчались успехом, т.к. в руки царской разведки попали документы, найденные в стене Святоюрского собора, изобличающие Шептицкого как политического руководителя украинских националистов и платного австро-немецкого агента. В середине марта 1917 г. Керенский разрешил Шептицкому покинуть Ярославль и появиться в Петрограде. Тот ненадолго съездил на Украину, потом вернулся в Петроград и стал добиваться у Временного правительства легализации униатской церкви. Был создан отдельный униатский экзархат, Временное правительство легализовало греко-католическую церковь в России и дало указание соответствующим инстанциям приглашать униатского экзарха на все официальные совещания по церковным делам [44, с. 50–56].

нами галицких “москвофилов”, а частными лицами» [81, с. 6]⁶⁰. Среди тех, кто взялся защищать «единую и неделимую», был и В.Р.Ваврик. «В Ростове-на-Дону он поступил в южнорусскую Добровольческую армию, был дважды ранен, произведен в чин капитана и в 1920 г. из Крыма эвакуировался в Сербию, откуда переехал в Закарпатскую Русь и в Ужгороде стал редактором “Русского Православного Вестника”. В 1921 г. поступил в Пражский Университет им. Карла, окончил философский факультет в 1925 г. В начале следующего года предложил ученую диссертацию, за что получил диплом доктора по славянской филологии» — так повествует об этих годах жизни Ваврика краткая справка в Талергофском альманахе [127, вып. 4, с. 87–88].

V. МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ. 1918–1939

«На радость всем славянам в 1918 г. развалилась Австрия» — так скажет позднее В.Р.Ваврик [21, с. 19]. В то же время лучшие чаяния многострадальной Карпатской Руси и ее русских деятелей не оправдались. В условиях большевистской России и Гражданской войны о воссоединении с «остальной Русью» не могло быть и речи. Не оправдались надежды и на мирную послевоенную политику западных держав-победительниц. Знаменитые 14 пунктов Вильсона, обнародованные в январе 1918 года, предусматривали предоставление народам Австро-Венгрии возможности для автономного развития. К объединению разорванных австрийскими внутренними границами трех частей Карпатской Руси в единое целое, как мы видели, русины стремились еще с революции 1848 г. Однако попытка председателя возникшей после распада Австро-Венгрии «Карпато-русской народной рады» Антония Бескида добиться на Парижской мирной конференции единой автономной Карпатской Руси успехом не увенчалась [62, с. 153–154]. По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. Северная Буковина перешла к Румынии, по Трианонскому договору 1920 г. Закарпатье вошло в состав Чехословакии. Один из 14 пунктов Вильсона содержал для Галичины мину замедленного действия — в нем предусматривалось создание независимого польского государства, причем не указывалось, какие именно земли в него войдут. И сразу же после распада Австро-Венгрии Польша выставила свои претензии на всю Галичину как на свою исконную провинцию. Антагониста-

⁶⁰ Это свидетельство Р.Д.Мировича — современника и вдумчивого исследователя, рукописное наследие которого еще не оценено в отечественной историографии, и одно косвенное подтверждение: если бы участие русских галичан в белогвардейских формированиях носило массовый характер, этот факт охотно подхватили бы все советские авторы, «разоблачавшие» москвофилов, однако таких «разоблачений» нам не встречалось.

ми польским притязаниям в период конца 1918–1920 гг. выступили украинские националистические силы Галичины, не обескровленные, как русское движение, военным террором и Талергофом, постоянно имевшие поддержку австрийской администрации, и готовые военные формирования сичевых стрельцов. Бурные события 1918–1920 гг. закончились оккупацией Галичины Польшей, а в 1923 г. наступила ее окончательная аннексия. «После окончания войны в 1920 г., — писал Ваврик, — Галичина опять досталась на основании приговора амбассадоров великих держав Польше, которая, перечеркнув ее национальное, историческое имя, переименовала ее в Мало-Польшу» [12, с. 1].

В период войны 1918–1920 гг. в Галичине на местах возникали революционные органы. Своеобразным проявлением галицко-русского движения стала возникшая в конце 1918 г. и просуществовавшая до 1920 г. республика на территории самой западной и самой «русской» части Галичины Лемковщины, так называемая Лемковская республика. Состоявшееся на Лемковщине во Флоринке Народное вече 5 декабря 1918 г. положило начало ее шестнадцатимесячного существования, с декабря 1918 по конец марта 1920 г. Во главе ее встали недавние жертвы австрийского террора — адвокат Ярослав Теофилович Качмарчик, арестованный в 1914 г. и содержавшийся в тюрьме в Новом Санче [76, с. 203], священник Димитрий Васильевич Хиляк, узник Терезина и Талергофа [76, с. 450], и старик-крестьянин Николай Громосяк, узник Талергофа, затем обвиняемый во Втором Венском процессе и вместе с Богатырцом и другими приговоренный к смертной казни [76, с. 125–126]. Знаменательно, что в народном вече участвовали также украинцы, а польские власти на первых порах не препятствовали существованию республики. Как скажет позднее на процессе Хиляк, «на собрании были голоса за присоединение к России, за создание особой республики, и даже за присоединение к чешской республике, однако не было решительно ни одного голоса за присоединение к Польше» [63, с. 2; 5, с. 9]. В ходе веча и в дальнейшем окончательное решение оставлялось за мирной конференцией. Как только представилась возможность, польские власти в конце марта 1920 г. положили конец существованию республики, арестовав ее руководство. По прошествии более чем года Качмарчик, Хиляк и Громосяк предстали перед судом в Новом Санче по обвинению в государственной измене, что грозило всем троим смертной казнью⁶¹. 10 июня 1921 г. состоялся суд. Подсудимые держали себя смело и виновными не признали, а старик Громосяк на вопрос «Не хотели ли вы отторжения Лемковщины от Польши?» ответил: «Одлученя? А кеды была прилучена? Ани не знам!» (Отторжения? А с каких пор она была присоединена? Я не знаю!) [63, с. 6]. Все трое были оправданы судом присяжных. Но надежды лемков на «пункты Вильсона» и со-

⁶¹ В частном письме от 12/XI 1963 г. приславший мне выписки из «Прикарпатской Руси» [63] Р.Д.Мирович называет процесс «завершением галицко-русских политических процессов». (Архив Н.М.Пашаевой.)

действие западных держав не оправдались. По временному мандату, а с 1923 г окончательно Галичина, а вместе с ней и Лемковщина как ее часть, была отдана во владение Польше. Ни о какой территориальной автономии не было и речи [147, с. 6].

Как только Галичина реально попала под власть Польши, началась ее активная полонизация, особенно на Лемковщине. В школы направлялись учителя-поляки, порой даже не знавшие местного языка [62, с. 155]. Родной язык изгонялся из государственных учреждений, даже метрики священники были обязаны писать по-польски. В университет принимались преимущественно поляки⁶². Из Львовского университета изгоняли неугодных профессоров. Так, был уволен и лишен пенсии ученый Тит Иванович Мышковский (1861–1939) за отказ присягнуть на верность Польше [8, с. 57; 62, с. 155, 247]. При приеме на работу чиновника требовалась декларация о переходе в католицизм. Этот принцип применялся и вообще при приеме на работу. Офицером мог быть только поляк-католик и т.д. [62, с. 155–156]. Сложно складывалась и религиозная жизнь края. Занявший кафедру епископа Перемышльского Иосиф Коцыловский, при поддержке митрополита А.Шептицкого [5, с. 11], развернул в 20-х годах широкую украинизаторскую кампанию. Он перемещал неугодных священников, посылал на приходы молодых политизированных украинских, использовавших церковь как политическую трибуну. Никакие жалобы епископу не помогали, и тогда с 1926 года начинается, а с 1927 г. разворачивается массовый переход русских лемковских сел в православие [122, с. 601]. По свидетельству польского автора д-ра А.Крысинского, которое приводит в своей справке на 1929 год В.Р.Ваврик [12, с. 5], треть всех лемков «в последние годы» приняла православие. Священников давала Варшавская православная митрополия. В 1929 г. перешел в православие и о. Димитрий Хиляк со своим приходом, к 1936 году в нем было 1000 лемков, и среди них ни одного греко-католика [5, с. 12].

При переходе в православие церковь не передавалась православным, если переходил в православие священник, он терял принадлежавший церкви дом, где жил. Православные начинали постройку Православной Церкви, обычно вблизи униатской, причем иногда часть села оставалась униатской, а часть становилась православной. Порой между православными и униатами происходили столкновения, даже вооруженные, наблюдались акты жестокой вражды между ними, причем часто польские власти ничего не делали для предотвращения беспорядков, были случаи, когда государственные чиновники даже натравливали одних на других, потом дело кончалось процессами, приговорами, тюрьмами и штрафами [62, с. 162–163]. Похоже, что и тут наблюдалась старая политика — напустить русина на русина. Церковная вражда на Лемковщине утихла лишь тогда,

⁶² Покойный Я. рассказывал мне, что еще незадолго до начала Второй мировой войны получить университетское образование русскому львовянину было возможно, но найти какую-либо работу почти невозможно, и таких, как он, молодых русских галичан преследовал жестокий голод.

когда Рим вынужден был изъять лемковские униатские приходы из-под власти епископа Коцыловского и создать специальную Апостольскую администратуру, подчиненную непосредственно Риму. В конце 1934 г. на должность главы вновь созданной Администратуры был назначен талергофец, профессор церковного права, священник д-р Василий Мاستюх, его сотрудником был о. Иоанн Полянский. От украинских националистов посыпались жалобы, доносы и угрозы. В конце концов д-р Мاستюх 10 марта 1936 г. был отравлен и умер через два дня. До 7 октября того же года управлял Администратурой И. Полянский, пока не был жестоко избит украинскими хулиганами [62, с. 168–170]. Назначенный в июне 1936 г. главой Администратуры священник д-р Яков Медвецкий запретил украинизацию в церкви, потребовал ни в проповедях, ни частным образом не чернить перешедших в православие, обязал настоятелей приходов вносить в среду прихожан мир и любовь [74, с. 3]. Никаких столкновений между Апостольской администратурой и православными священниками не было. Переход в православие целых сел наблюдался не только на Лемковщине — так, в 1928 г. отмечен подобный процесс и в Восточной Галичине [122, с. 601].

Русское движение вышло из эпохи Первой мировой войны обесиленным и обескровленным. Много русских галичан полегло на талергофском кладбище «Под соснами», многие скончались вскоре по выходе из неволи. Те, что выжили, оказались разбросанными далеко от родной земли и друг от друга. Кто-то попал в плен, а то и просто сдался русским, а после Октября оказался в составе Чехословацкого легиона, кто-то в войсках генерала Корнилова, кто-то у Деникина [146, с. 184]. Множество галичан-беженцев покидали когда-то гостеприимный Ростов-на-Дону, кто-то возвращался с Запада — из Австрии, где вплоть до ее распада вынужден был оставаться после Талергофа, кто-то из итальянского плена. Возвращение массы русских галичан на родину датируется 1921 годом [122, с. 600]. Возвращавшимся все приходилось начинать с нуля. И с того же 1921 г. началось создание галицко-русской политической организации, начавшей свою деятельность под названием Русской Народной Организации (РНО), как скажет позднее Ваврик, «в ужасных условиях: во всем галицко-русском крае... были австрийской властью закрыты и конфискованы общества, народные дома, читальни, ученические пансионы, гимнастические дружины и библиотеки. Все это было Австрией передано украинцам как верным своим союзникам. Приказом последнего императора Карла... русская земля была объявлена Украиной» [12, с. 4]. Большую роль в создании РНО сыграл бывший директор гимназии в Станиславове Владимир Яковлевич Труш (1869–1931). Талергофский узник, по отзыву талергофского альманаха, один из «решительных и неустрашимых борцов и пионеров в деле полного приобщения Галицкой Руси к общерусской культуре», В. Труш «оказался после войны одним из первых будителей павшего, было, народного духа в крае» [127, вып. 4, с. 127–128]. Он же стал и первым председателем РНО. Позднее, в 1928 г.,

РНО была переименована в Русскую Селянскую организацию [122, с. 601]. Как писал Ваврик⁶³ в 1929 г., РСО является союзом русского крестьянского населения, признающего национальное и культурное единство всех русских племен. Ее целью является защита национально-культурных, экономических и социальных прав русского крестьянина в Польше. РСО входит в состав общерусской национальной организации Русское Народное объединение, «чтобы общими силами добиваться в Польше всех гражданских прав: школ, равенства и свободы на родной земле». Число членов РСО в 1928 г. Ваврик определяет примерно в 80 000–100 000 душ [12, с. 4].

Некоторые участники русского движения предвоенной поры, узники Талергофа, вошли в межвоенную пору в организацию «Сельроб» о которой Ваврик даже не упоминает, т.к. не относит ее (и, думается, обоснованно) к явлениям русского движения. «Сельроб» — «Українське Селянсько-Робітничє Соціалістичне Об'єднання — т.е. Украинское крестьянско-рабочее социалистическое объединение, возникло в 1926 году на базе двух политических партий — холмско-волинского «Сель-Союза» и львовской, как ее называют москвофильской партии: Народной воли. Советский словарь 1968 года прямо называет Сельроб массовой революционной легальной организацией Западной Украины «которая была создана по инициативе Коммунистической партии Западной Украины и работала под ее руководством» [132, т. 3, 242]. Сельроб в 1927–1932 гг. выпускал во Львове газету «Сельроб». Лидером Сельроба называют известного уже нам по журналу «Новая жизнь» Кирилла Михайловича Вальницкого, пережившего польскими властями Пилсудского. Среди деятелей Сельроба был и Кузьма Николаевич Пелехатый (1886–1952) — фигура яркая и колоритная. В 1914 г. как член редакции львовской газеты галицких руссофилов «Прикарпатская Русь» был заключен сначала в Терезин, а затем переведен в Талергоф, где пережил «подвешивание» за заявление о своей «русской» национальности (в августе 1915 года вместе с К.Вальницким) [127, вып. 3, с. 150]. По выходе из Талергофа сотрудничал в галицко-русских изданиях, в том числе в Календаре общества им. Мих. Качковского за 1920 год, где поместил ряд очерков о репрессиях на Галицкой Руси в Первую мировую войну. Публиковался в газете «Воля народа» и других просоветских изданиях, автор многочисленных статей, очерков, фельетонов. (Сборник его публицистики эпохи Сельроба после его смерти в 1959 г. был издан во Львове.) Его перу принадлежит также целый ряд написанных в межвоенную пору агитационных стихов в духе Демьяна Бедного, подписанных псевдонимом *Кузьма Бездомный*. В 1927–1928 гг. он был редактором газеты «Сельроб». В со-

⁶³ На страницах «Временника Ставропигийского института» и отдельной брошюрой Ваврик опубликовал краткую, но очень емкую справку о русском движении в Галичине на 1929 г. [12]; к сожалению, по 30-м годам подобных изданий нам обнаружить не удалось.

ветскую эпоху он с 1948 г. член КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР, заместителем председателя Львовского облисполкома. По словам Р.Д.Мировича, Пелехатый «всегда живо откликался на нужды обращающихся к нему земляков» [70, с. 162–163; 79, с. VI–VII].

Собственно русское движение в межвоенной Галичине не имело политических союзников — ему было не по пути с коммунистами, ориентировавшимися на III Интернационал может быть даже более, чем на советскую Россию. Полонизаторская политика польского правительства была явно враждебна русским галичанам, сохранявшим по отношению к нему только вынужденную лояльность, тем более чужд был им украинский национализм. Не по пути им было и с русской эмиграцией. Р.Д.Мирович, вдумчивый историк и непосредственный свидетель тогдашних событий, замечает, что «галицкие «москвофилы» не находили точек соприкосновения с белоэмигрантами, какой бы они масти ни были. Белоэмигранты витали мыслями в облаках высокой политики, мечтая о падении советской власти и о своем триумфальном возвращении в Россию, и не обращали внимания на незначительную группу каких-то маловедомых галичан, занятых малопонятным для белоэмигрантов делом сохранения своей национальности, которой угрожал польский шовинизм» [81, с. 8–9].

Мирович не случайно говорит о незначительной группе маловедомых галичан — в межвоенный период вплоть до самого 1939 г. русское движение так и не оправилось после Галергофского разгрома. Но деятельность русских галичан продолжалась не только, и мы скажем — не столько на политической арене, сколько на ниве культуры и общественной жизни. Закрытые или захваченные украинцами в последние годы австрийского владычества учреждения и культурные организации постепенно возвращались руссофилам. Первым в 1919 г. возобновило свою деятельность Общество им. Михаила Качковского. Думается, это не случайно — больше всего русская идея жила в среде крестьянства. Душой движения была галицко-русская интеллигенция, среди представителей которой было достаточно выходцев из крестьянской среды. (Вспомним хотя бы братьев Марковых, Бендасюка, Ваврика.) Как сообщает в своей справке Ваврик, на 1929 год Общество имело дом во Львове, 4 филиала и 209 читален. Количество его членов в 1929 году составляло внушительную цифру 4614. Правда, до Первой мировой войны их было около 12 000 [12, с. 9]. Издательская деятельность Общества была достаточно интенсивной. Так, например, в 1922 г. выходит повесть И.Г.Наумовича «Сироты» как часть 475-го номера изданий Общества. (Если вспомнить, что за июнь — июль 1914 г. вышли номера 462/463, вероятно, последние перед войной, то выход к 1922 году 12 частей говорит о многом). Книжка Наумовича издана на «язычиин», как написал ее автор, этимологическим правописанием со значками над некоторыми буквами «с применением до малорусского выговора». А для тех, кто знаком только с общерусским литературным

правописанием или учились в школах только фонетическому, на стр. 2 предлагается табличка произношения отдельных букв. Эта книжка интересна еще и тем, что на трех страницах обложки и в конце книжки на стр. 103–112 приводится список имеющихся на книжном складе изданий Общества, издательства «Век культуры» и др., всего 646 изданий разных годов [93]. В отдельный раздел помещены «Издания на галицком наречии». Предлагаются и портреты Н.В.Гоголя, О.А.Мончаловского, И.Г.Наумовича. Общество публиковало списки своих продолжающихся изданий и их содержания на страницах «Временника» Львовского Ставропигиона разных годов. Выходят «Наука», «Народная библиотека», «Иллюстрированный народный календарь». Выпускалось множество оттисков отдельных статей в виде брошюр. Как верно заметил Мэгочи, по межвоенному периоду об Обществе им. М.Качковского практически нет литературы [89, с. 143]. Нет и библиографии его изданий, как, впрочем, и вообще галицко-русских публикаций, в межвоенный период достаточно многочисленных, отрывочно представленных в наших библиотеках. Из периодических изданий упомянем орган РСО еженедельник «Земля и воля», «Русский голос», а также «Кооперативный вісник», орган Русского ревизионного союза. Половину издания составляют объявления кооперативов, подчиненных ему [20, с. 99]⁶⁴. И, конечно, «Временник» Ставропигиона. Просматривая издания русских галичан межвоенного периода, можно убедиться, что русский литературный язык стал для них родным языком. И в то же время на родном наречии выходили популярные книжки и периодические издания (лингвистам еще, наверное, предстоит решать, насколько этот язык близок к современному украинскому). Чрезвычайно показательно в этом смысле творчество В.Р.Ваврика, ставшего именно в межвоенный период одним из лидеров русского движения Галичины. У Ваврика мы находим прекрасные стихи и на русском литературном языке, и на наречии его родного села Яснище, с которым он не терял связи всю жизнь.

После Общества им. М.Качковского постепенно к русским галичанам возвращаются закрытые или захваченные украинцами культурные учреждения, исконно бывшие русскими. В 1921 г. из Русского Народного Дома были удалены хозяйничавшие в нем «украинцы», однако для управления был назначен правительственный комиссар, причем из библиотеки был устранил С.Ю.Бендасюк. Во-

⁶⁴ Под эгидой РСО в 20-е годы в Галичине выросли кооперативные союзы, центром которых был Русский ревизионный союз. В 1928 г. насчитывалось 135 кооперативов, число членов достигало 12 694 человек, из них крестьян 10 282 человека. Молочные кооперативы имели свой центр в союзе «Днестросян» во Львове. В 1928 г. насчитывалось 1858 человек действительных членов. Кредитные кооперативы группировались вокруг союза «Защита Земли», банка с ограниченной ответственностью, который в 1929 г. насчитывал 1082 члена, причем приводящий эти данные Ваврик подчеркивает, что галицко-русская кооперация развивается без помощи правительственных учреждений, своими собственными силами [12, с. 11–12].

зобновляется работа Галицко-русской Матицы. Председателем ее стал профессор Тит Иванович Мышковский, а после его смерти в 1939 г. оставшееся недолгое время В.Р.Ваврик. Возобновляет свою деятельность Общество русских дам (1922). Студенческое общество «Друг» было закрыто австрийскими властями, затем развернуло свою деятельность в Ростове-на-Дону, а с 1924 г. возобновило свою работу во Львове. К 1929 году в нем состояло 200 членов, студентов высших учебных заведений [12, с. 13]. В 1923 г. во Львове было основано общество «Русская школа», членом-основателем которого был все тот же В.Я.Труш [21, с. 122]. К 1929 году инициативная группа во главе с Ю.А.Яворским пыталась добиться разрешения на основание русской гимназии, но тогда их усилия не увенчались успехом [12, с. 12]. В 1924 г. восстанавливается русский православный Свято-Георгиевский приход во Львове (Малый Юра), и почти четыре десятилетия с того времени в нем трудится С.Ю.Бендасюк. Чтобы возвратить из рук украинцев захваченный ими в 1915 г. Ставропигийский институт, потребовалось 6 лет тяжбы, наконец успешно закончившейся лишь в 1924 году. Собрание документов опубликовано Вавриком в 1928 г. [13]⁶⁵.

Талергофская Голгофа обескровила галицко-русское движение и в то же время стала священным символом мученичества за великую «общерусскую» идею. Многие силы (начиная с 20-х гг. и много позже) хотели бы представить Талергоф местом мученичества «украинского народа», а поскольку при жизни бывших жертв Талергофа сделать это было еще довольно трудно, изгладить эти страницы из народной памяти, из русской истории. Чтобы этого не произошло, лучшие представители галицко-русской интеллигенции с 1924 года выпускают известные уже нам сборники под названием «Талергофский альманах». После выхода двух первых частей осенью 1928 г. во Львове «состоялся грандиозный Талергофский съезд: всенародная поминальная манифестация Галицкой Руси, посвященная памяти уже погибших многих жертв австрийского военного и довоенного террора... и чествованию немногих из них, оставшихся еще в живых. В съезде приняло участие несколько тысяч человек, представителей всех уголков Галицкой Руси, как интеллигенции, так и крестьянства...» [127, вып. 3, с. 1]. На съезде был избран специальный Талергофский комитет, усилиями его членов были подготовлены третий и четвертый выпуски. Предполагалось выпустить и пятый, но это не удалось. По всей Галичине прошли поминальные богослужения, шествия с крестом на кладбища. И знаменательно, что украинофильский Перемышльский епископ Иосафат Коциловский запретил духовенству своей епархии участвовать в поминальных богослужениях по талергофцам и в талергофских торжествах. Доходило до парадоксов — на Лемковщине перед священниками запирали двери храмов, и тогда батюшки-униаты просили католи-

⁶⁵ В РГБ хранится экземпляр брошюры с печатью библиотеки Ю.А.Яворского и дарственной надписью Ваврика: «На добрую память Юлиану Андреевичу Яворскому. Ваврик. Львов 20/III 1929».

ков-ксендзов разрешить в костеле провести поминальное богослужение, на что те охотно соглашались [127, вып. 3, с. IV; 62, с. 143]. Талергофские панихиды становятся традицией. Грандиозный Талергофский съезд, собравший 15 тысяч участников, состоялся в 1934 г. На Лычаковском кладбище был сооружен по проекту архитектора Олега Юлиановича Луцыка и инженера И. Туровича прекрасный памятник жертвам Талергофа [3]. Большой восьмиконечный крест из белого мрамора вписан в черную мраморную стелу. Внизу надпись: «Жертвам Талергофа. 1914–1918. Галицкая Русь», окаймленная терновым венком. Открытие памятника сопровождалось грандиозным крестным ходом [17, вып. 1, прил.]. Издревле Фомино воскресение (первое после Пасхи) было днем встречи братчиков Львовского Ставропигиона. И ежегодно в Фомино воскресение у памятника собирается множество русских галичан и торжественно служитя панихида. Этот трогательный обычай неизменно соблюдался в самые тяжкие советские атеистические годы.

Работа русских галичан в межвоенную пору была настоящим подвигом. Польский националистический пресс, нажим украинских националистов. И тяжелейшие материальные условия — многие русские деятели просто голодали. (О бедности русских организаций говорит, в частности, и очень плохая бумага и бедное оформление галицко-русских изданий этого периода.) Оборвались связи с Россией. Кажется, последней связующей нитью была подвижническая работа Ф.Ф.Аристов, не боявшегося поддерживать связь с галичанами и неоднократно сидевшего за это в тюрьме. Несколько биографий карпато-русских писателей из донныне не изданного второго тома было напечатано во Львове (Ю.А.Яворского, А.А.Полянского). Измученный голодом, тюрьмами и непосильной работой Аристов скончался в 1932 г., 44-х лет от роду. Так оборвалась и эта последняя нить...

Между тем ощущение единства с русским народом по ту сторону польско-советской границы, стремление внести свой вклад в общерусскую культуру прослеживается в этот период в работах русских галичан — не только взять от русской культуры, но и дать что-то ей. Очень показательна в этом смысле маленькая брошюра «Галичане і всеруска культура», оттиск из газеты «Земля и воля», вышедшая в 1938 г. на местном наречии и подписанная криптотонимом Б.С. Автор останавливается на духовных ценностях галицко-русской культуры в прошлом и настоящем и приходит к убеждению, что писателей, ученых, артистов Державной Руси интересовали социальные и государственные вопросы, и они боролись за права человека вообще, не обращая внимания на национальные вопросы, которые были им чужды. «Галичане же в этой области сделали много больше, может быть, больше, чем им позволяли их скромные силы и возможности. И поэтому когда-нибудь тот, кто будет писать историю не “Государства российского”, а историю русского народа, кто, наконец, займется историей не русской державной, а всерусской культуры, не сможет не обратить внимания на Галичину и на то, что

сделали галицко-русские умы для всей Руси. Им, наверное, будет отдано первое или одно из первых мест в истории развития русского национализма как проявлению всерусской культуры» [4, с. 14]. В то же время русские галичане стремятся как можно шире познакомиться своего читателя с разными аспектами национальной культуры и культуры галицко-русской как ее части. Такова, например, колоритная книжка В.Р.Ваврика «Народная словесность и селяне-поэты», вышедшая в 1929 г. В ней автор приводит сведения о собирателях фольклора, певцах «селянского горя» и крестьянах-поэтах как «Державной», так и Карпатской Руси, знакомит с некоторыми стихами Т.Г.Шевченко, Н.А.Некрасова, А.В.Кольцова, И.С.Никитина, С.А.Есенина, а также селян-поэтов Галичины И.Федорова-Федорички и И.Тернопольского. В кратких вступительных словах автора читатель слышит имена Н.В.Гоголя, М.А.Максимовича, П.И.Якушкина, И.Г.Наумовича, О.Федьковича, И.Франко, Г.Купчанки, И.Колеси, известного уже нам композитора И.И.Цёроха (Тереха) и др. Книжка заканчивается некоторыми рекомендациями для начинающих народных поэтов. Статьи о русских писателях, их стихи и проза неоднократно появляются на страницах галицко-русских изданий, а к 100-летию со дня смерти А.С.Пушкина Галицко-русская Матица выпустила целый сборник «Галицкая Русь — А.С.Пушкину».

В 1936 г. торжественно праздновалось 350-летие Львовского Ставропигиона. Во «Временнике» на 1936–1937 годы [21], посвященном специально юбилею, мы находим историю братства, а затем института, источники по его истории, отдельные юбилейные доклады, поздравительные письма из Львова, Ужгорода, Праги, Белграда, Варшавы, Парижа, из США, портреты и фотографии. Особенный интерес представляет составленный В.Р.Вавриком возможно полный список братчиков за все 350 лет, всего 726 имен. О каждом даются минимальные сведения — кто он по профессии, когда принят, где возможно — важнейшие биографические данные. Для характеристики Ставропигиона, этого уникального явления в нашем Отечестве, упомянем лишь нескольких членов Ставропигийского братства, а позднее Ставропигийского института, под датами их приема в братство. Сами имена скажут, насколько широкий круг самых разных людей с самыми разными убеждениями объединял этот оплот «русскости» на Руси. 1586 — Константин Корнякт — грек по происхождению, благотворитель Братства, воздвигший на свои средства для Успенской церкви знаменитую, существующую до нашего времени «колокольню Корнякта». 1591 — Михаил Рагоза, митрополит Киевский, Галицкий и всяя Руси, поборник унии с Римом. 1595 — Адам князь Вишневецкий, у которого некоторое время жил Самозванец. Князь Адам отличался ревностью к православной вере. 1662 — Иоанн Выговский, казацкий атаман Правобережной Украины. 1687 — Николай Красовский, подвижник и неустршимый защитник православной веры. 1796 — Петр Лодий, профессор философии Львовского университета. Разумеется, членами братства института была большая часть галицко-русских будителей и деятелей

русского движения. Но наряду с ними мы неожиданно находим имена украинофилов: 1867 — Юлиан Романчук, «творец злосчастной “Новой эры”, духовный вождь украинофильской партии на Галицкой Руси» [21, с. 104]. 1881 г. — Владимир Барвинский — редактор-основатель украинофильской газеты «Діло». Предпоследним в списке Ваврик называет принятого 16 декабря 1936 г. Фому Яковлевича Дьякова, которому тогда был 71 год, осужденного вместе с Марковым к казни через повешение на Первом венском процессе, помилованного через ходатайство Николая II, когда казнь была заменена пожизненной каторгой, а после развала Австрии вернувшегося на родину. Заканчивая список братчиков 1936 годом, Ваврик сообщает, что в списке «много существенных недостатков и промахов. Вина в этом не только составителя, но и многих живущих братчиков. Одни из них наотрез отказались от подачи о себе сведений, заявляя, что еще не собираются умирать; другие защищались скромностью: мол, не стоит и для кого это нужно; третьи, некуда правды девать, побоялись» [21, с. 143].

Наступил 1938 год. Над Европой сгущались тучи, и все громче в Галичине звучали голоса за присоединение края к Советскому Союзу. Среди этих голосов звучал и голос русских галичан. Ваврик, как пишет хорошо его лично знавший историк Р.Д.Мирович, «в 1938 году передавал на руки советского консула во Львове меморандумы советскому правительству, в которых представлял бедственное положение галичан и просил советское правительство присоединить Галичину к Советскому Союзу» [81, с. 6]. 22 сентября 1939 г. Львов стал советским. Вхождение Западной Украины в состав СССР можно считать завершением русского движения в Галичине, поскольку существование каких-либо партий или общественных движений, кроме Коммунистической партии и связанных с ней организаций, вообще не допускалось. Прекратили свое существование Ставропигион, Общество им. М.Качковского, Галицко-русская Матица и другие галицко-русские общественные организации, находившиеся тогда в очень тяжелом материальном положении [См., напр., 103, с. 77].

Думается, в среде русских галичан сентябрь 1939 г. в момент освобождения и первое время после него вызвал эйфорию⁶⁶. Наконец, в состав Руси вошли ее исконные земли с древним Львовом и еще гораздо более древним Перемышлем, основанным в X столетии. Кончилась страшная безработица, русский язык стал государственным, а более десяти лет пытавшаяся денационализировать Галичину Польша перестала существовать.

⁶⁶ В моих руках на короткое время оказался дневник молодого тогда русского галичанина, подтверждающий это предположение. Другой русский галичанин Т. рассказывал мне в 70-х гг., что во время вступления русских танков во Львов приветствовать их люди высыпали на улицу. На переднем танке сидел еврей. Ситуация для Советского Союза вполне обычная, но так поразившая русского галичанина, что он запомнил это до старости и рассказывал мне уже с улыбкой.

VI. ЭПИЛОГ

Хотя формально русского движения как такового после сентября 1939 года уже не было, но остались люди, события и проблемы. Однако написать историю этого на нынешний момент последнего периода в истории края и судеб его русских деятелей и их идей сейчас не представляется возможным из-за отсутствия источников, литературы, недоступности архивов. Возможно, это будет сделано кем-то в будущем. В кратком заключительном очерке я предлагаю читателю лишь какие-то общие отрывочные сведения, собственные, возможно весьма субъективные, наблюдения, какие-то данные мемуарного характера, поскольку судьба в 50–80-е гг. столкнула меня лично с некоторыми бывшими участниками русского движения, тогда уже стариками.

* * *

Радужные надежды русских галичан оправдались далеко не полностью. Трагическая Лемковщина в «Западную Украину» не вошла и сразу же оказалась в руках гитлеровцев. Были репрессии. Как писал позднее известный уже нам С.Медвецкий, «с приходом коммунистов на нашу Родину осенью 1939 г. русские общественные деятели были арестованы, вывезены, часть русской молодежи — студенты, по найденному в обществе «Друг» списку были арестованы и уничтожены» [75, 1966, № 9–10, с. 5].

Ни имена, ни количество жертв автор не сообщает, у нас также нет сведений о них. Галичина вошла в состав Советской державы в качестве части Украины; что это будет значить в дальнейшем, еще никто не мог предполагать. Но советские власти сразу же ориентировались на украинские и проукраинские элементы, хотя всячески открещивались от «украинского буржуазного национализма»⁶⁷.

Тяжелой была проблема «пятой графы» в паспортах, т.е. определение национальности. Русским галичанам упорно навязывали национальность «украинец», некоторые оказывали отчаянное сопротивление и все же отстаивали свою «русскую» национальность. Все ключевые позиции в крае заняли «украинцы». Русские галичане были оттеснены, в Галичину с востока ехали украинцы, а также русские, причем даже существовал термин «восточник» и «западник». Русский по паспорту «восточник» мог чувствовать себя полноправным в Галичине, русскому «западнику» было много сложнее.

Вскоре и на территорию Восточной Галичины пришла война. Историк Лемковщины И.Ф.Лемкин приводит многочисленные дан-

⁶⁷ Как пишет автор «Истории Лемковщины», как только немцы заняли Западную Галичину, на Лемковщине начался наплыв большого числа беженцев с востока, украинских националистов. Среди них более всего было священников, учителей, редакторов и чиновников. Они бежали от советских властей и искали защиты у немцев. Немцы приняли их с распростертыми объятиями [62, с. 178–179].

ные о злодеяниях гестаповцев, сопротивлении лемков гитлеровскому режиму, о помощи их Красной Армии, о подлой роли украинских сотрудников и помощников гитлеровцев. О подобных явлениях на территории Восточной Галичины также известно, однако мы в советской литературе не найдем сведений, что такой-то участник или герой войны был именно русский галичанин, что пострадала или была вырезана семья именно русских галичан. Об этом знали близкие, друзья, об этом, конечно, помнят выжившие потомки, но вспоминать об этом вслух не следовало в советскую пору, а сейчас в Галичине, вероятно, и подавно. В то же время хорошо известно, что ни один русский галичанин не запятнал себя сотрудничеством с гитлеровцами. А жертв было много. Вспомним лишь троих — юродивого о. Игнатия Гудиму, убитого гитлеровцами в родном селе, и двух братьев В.Р.Ваврика, Петра и Павла. Сам В.Р.Ваврик едва избежал смерти.

Окончание войны принесло русским галичанам еще одно разочарование — Перемышль и Лемковщина были отданы Польше в результате дипломатических переговоров Советского Союза с западными державами. Лемкам в 1945 г. лишь было разрешено выбирать подданство между польским и советским — и много лемков переселилось в советскую «Западную Украину»⁶⁸. Оставшихся ждала трагическая судьба — в Лемковщине хозяйничали польские террористические банды, а затем бандеровцы. После убийства ими генерала Кароля Сверчевского весной 1947 г. лемки были выселены польским правительством из своих родных мест в Западные земли [33]. Из всего, что было нажито многими поколениями, возможно было взять только то, что уместится на возу, а у кого не было лошади — что было по силам унести на плечах... «Акция эта носила военный характер, и говорить о ней долгое время запрещалось. Трудолюбивый народ, почти исключительно крестьянский, оказался в изгнании. И лишь теперь о трагедии лемков узнала вся Польша» [60]. Изгнанники непрерывно рвались вернуться в родные Карпаты, в места, уже занятые новыми польскими переселенцами, туда, где лемки жили многие столетия. Долгие годы это стремление встречало стойкий правительственный запрет.

В церковной жизни Галичины после войны произошли важные события. Глава униатской церкви митрополит Андрей Шептицкий, а после его смерти в 1944 г. сменивший его Иосиф Слипый были известны как пособники гитлеровцев. Слипый был арестован и находился в тюрьме. На львовском церковном соборе 1946 г. просвещенный греко-католический протоиерей Гавриил Костельник (принадлежавший к украинскому направлению), предложил упразднить унию, за что заплатил жизнью: в 1948 г. он был убит в 10 ч. дня возле храма. Идея ликвидации унии, отвечавшая интересам советских властей, была принята собором, уния запрещена, желающие миряне переходили в католичество. Перешедшие в православие

⁶⁸ Знакомая москвичка, лемка, совсем недавно с дрожью благодарности в голосе вспоминала свою мать, которая решила переселиться в Советский Союз и не осталась под властью Польши.

униатские священники сохранили свои приходы. Не обошлось без любопытных подробностей. Так, древнюю, некогда православную Никольскую церковь во Львове возле университета, захваченную католиками века назад, вернули православным. Те почему-то при освящении переименовали ее в Михайловскую. Кажется, только в ней и у Малого Юры во Львове служили по традиционному православному обряду. Бывшие униатские церкви, как я помню, сохраняли многое из своей прежней специфики — украинизированное произношение славянских текстов, бритые священники, большое количество церковных знамен, заполнявших иногда весь храм, устройство иконостаса в Преображенской церкви таким образом, что престол и при закрытых царских воротах был прекрасно виден мирянам и т.д. Как известно, самый священный момент литургии у католиков — произнесение слов Иисуса Христа на Тайной вечери, у православных — тайная молитва священника, следующая за ними. Православного, пришедшего в Успенскую церковь во Львове, поражало, что стоявшие благоговейно на коленях прихожане (а их была полная церковь), едва начиналась тайная молитва, как по команде с шумом вскакивали с колен. До конфликтов с бывшими униатами старались не доводить. Так, например, мне рассказывали, что какой-то молодой ретивый священник Успенской церкви попробовал «исправить» униатскую специфику храма на православную. Прихожане попросту собрались его побить. Срочно был вызван старый Ваврик, живший до самой кончины в той же Ставропигии. Он утихомирил конфликт.

Униатская церковь продолжала существовать (или возродилась) подпольно. Атеистическая политика советского государства, сглаженная некоторой терпимостью в первые послевоенные годы, с приходом к власти Хрущева превратилась в прямые гонения. В Галичине она приняла также своеобразные формы. Был выпущен из тюрьмы Иосиф Слипый. И при Хрущеве, и в эпоху застоя на униатскую церковь бесконечно выливали обвинения, клеймили ее как могли, но развязали ей руки в ее практической деятельности, прямо противозаконной согласно тогдашнему законодательству. Ей позволялось то, что было совершенно недоступно Православной Церкви. Мне рассказывали, что, например, в карпатское село, где церковь давно закрыта и открыть православный храм абсолютно невозможно, свободно приезжают униаты во главе со священником. Им отпирают храм, они служат, исполняют требы окрестных крестьян и спокойно отбывают восвояси, причем власти им в этом даже потворствуют. На страницах печати появляется большая публикация о подпольном униатском монастыре и т.д. Таким образом, достигалась главная цель атеистической политики — в сознание населения внедрялся образ униатской церкви как церкви гонимой и защитницы веры, создавался стойкий антиправославный настрой. Фактически униаты становились союзниками советской власти в ее борьбе против православия. В то же время в ряды русского православного духовенства влилось значительное число

выходцев из Западной Украины, служащих ныне в разных российских приходах⁶⁹.

В послевоенный период живы были еще галицко-русские деятели, сохранявшие свои убеждения, готовые и еще способные работать на ту большую Родину, частью которой стал их край. К сожалению, на протяжении всего советского периода (да, кажется и доньше), ни в русской, ни в украинской литературе не появлялось упоминаний о научной и практической работе русских галичан послевоенного времени. Между тем такая работа велась. К сожалению, дать ее цельную характеристику сейчас не представляется возможным, поэтому попытаюсь сообщить лишь некоторые разрозненные факты, оказавшиеся в моем распоряжении⁷⁰. Люди верующие, верные общерусским идеалам, далекие от коммунистических убеждений, русские галичане-интеллигенты в течение всего советского периода в родном краю были людьми второго сорта. Они стали советскими служащими, работниками сферы культуры, только изредка их допускали к преподаванию.

Душой русских галичан был В.Р.Ваврик [137, 138], проявивший и в этот период большое гражданское мужество, терпение, бескорыстие и огромную работоспособность. После войны он работал старшим научным сотрудником Львовского исторического музея, лектором по истории города Львова. Наконец 21 ноября 1956 года ему, доктору двух университетов, была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Однако тут же начались с новой силой доносы и интриги, в результате которых в конце того же года он был вынужден уйти с работы на нищенскую пенсию, на которую и жил до своей кончины в 1970 г. (56 р.). Выход монографии В.Малкина послужил поводом не только для разгромных статей, не очень повредивших самому автору, но и для нового витка доносов на бывших деятелей русского движения, и прежде всего — на Ваврика. Во львовской местной газете «Вільна Україна» 15 января 1959 г. М.Гуменюк опубликовал статью «Кому насправді служили галицькі москвофілі». Она была направлена прежде всего против Ваврика. К счастью, если я не ошибаюсь, обвинение всех москвофилов в реакционности, в связях с белоэмиграцией и т.д. не повлекло больших «оргвыводов» местных властей, однако сильно попортило нервы и без того понемногу травимым галицко-русским интеллигентам. В 50–70-е годы Ваврик много писал, но на родине не напечатано почти ничего, что-то удалось опубликовать, переправив за пределы СССР, но основное литературное и научное его наследие (а это исторические исследования, очерки, прекрасные стихи на русском языке и родном наречии) доньше сохраняются только в рукописях.

⁶⁹ О верных Русской Православной Церкви клириках-галичанам, служащих на севере России, тепло говорил, напр., епископ Архангельский и Холмогорский Тихон (Степанов) [Радонеж. — 1998. — № 12. С. 5].

⁷⁰ «Общерусские» воззрения сохранялись и в толще крестьянства Галичины. К сожалению, по этой теме у меня нет материалов, хотя сам факт достаточно известен.

Архив Ваврика после его смерти удалось передать в Санкт-Петербургскую Публичную библиотеку. На кончину ученого, поэта и патриота откликнулась на родине Т.Ф.Аристов на страницах «Советского славяноведения» и «Журнала Московской Патриархии» (совместно с Р.Д.Мировичем) [78].

Большую научную работу вел во Львове в 50–60-е гг. Роман Денисович Мирович (1892–1971) [97], друг и соратник Ваврика. Доктор юридических наук, адвокат, в 1926 г. открывший в Перемышле адвокатскую контору, которую вел вплоть до 1945 г. Мирович переселился в СССР, когда Перемышль был передан Польше. Последний период жизни он провел во Львове, работая в библиотеке Львовского политехнического института. Именно в эти годы раскрылся его талант историка-исследователя. Главной темой его была Талергофская трагедия. Им собран и обработан огромный материал о жертвах Талергофа, дальнейших судьбах выживших [76]. Он не только собрал все разрозненные сведения, которые можно было найти в печати, но и подвиг самих талергофцев, а также участников политических процессов к написанию воспоминаний, сбору документов. Что-то удалось опубликовать за океаном, однако главная часть его трудов донныне также находится в рукописи (машинопись). Когда Гуменюк выступил со своими клеветами, Мирович написал небольшую отповедь, которую отправил «куда следует», однако, конечно, никто не собирался тогда публиковать ответ оклеветанных. Между тем фактически эти 13 страниц машинописи — серьезная справка о русском движении, написанная одним из его участников [81]. Те, кто в те трудные годы занимался историей Галичины и русского движения (в том числе и автор этих строк), с благодарностью вспоминают щедрую бескорыстную помощь Ваврика, Мировича и других русских галичан.

Еще ряд бывших участников русского движения нашли свое место в стенах львовских научных библиотек и своим малозаметным упорным трудом много сделали на ниве культуры. Почти до самой смерти оставался старостой Малого Юры С.Ю.Бендасюк — лишь в последние три года он слег и вынужден был оставить свой многолетний пост [121]. Неумоимо трудился краевед Корнилий Михайлович Гавришков, умерший стариком в 1988 г., усилиями его «были установлены и реставрированы памятные знаки не только пострадавшим в Талергофе, но и от рук украинских националистов во время и после Второй мировой войны» [3].

Деятели старшего поколения постепенно умирали. Их дети большей частью были далеки от тех проблем, которые волновали их отцов⁷¹. Восприняв всерьез воссоединение Западной Украины с СССР как воплощение надежд на русское государство «от Карпат до Камчатки» и соблюдая полную лояльность, старшее поколение русских галичан, несмотря на советско-украинский прессинг, сохра-

⁷¹ Кто-то из старых русских галичан рассказывал мне, что его дети с удивлением спрашивали: «Папа, что ты такое сделал, что к тебе так относятся?»

няло традиции любви ко всей России, сопротивлялось по мере сил украинизации Галичины, знакомило ее с русской культурой, с галицко-русским прошлым, держалось крепко за Русскую Православную Церковь. Дети их вливались уже в поток общесоветских интересов и судеб, не боролись за запись в паспорте «русский», поскольку в Советском Союзе национальность «русский» и «украинец» воспринимались как идентичные понятия. Не редкостью были браки «русских» галичан и «украинцев». Гражданство в едином сильном советском государстве при всех его тяжелых сторонах было воплощением прежних чаяний, не осуществленных царской Россией и оказавшихся возможными в сталинскую эпоху. Никто не предвидел, что готовит история в будущем...

* * *

Заканчивая нашу скромную работу, мы надеемся, что она послужит подготовкой к серьезному исследованию удивительного, во многом парадоксального, феномена отечественной истории. Думается, в истории русской культуры, религиозной жизни и общественной мысли русское движение в Галичине должно занять свое достойное место.

Литература

1. Аксаков И.С. Австро-польский суд над Галицко-русскими патриотами // Аксаков И.С. Сочинения. — Изд. 2. — Т. 2. — СПб., 1891. — С. 591–603.

2. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. — Т. 1. — М., 1916. — XVI, 304 с.: ил.

3. Аристова Т.Ф. Надгробия — неопровержимый исторический документ: Памяти жертв Талергофа // Независимая газета. — 3.09.1994. — С. 6.

4. Б.С. Галичане і всеруска культура. — Львів, 1938. — 16 с. Відбитка з «Землі і волі». № 25–28.

5. Барна А., Горбаль Б. Димитрій Хыляк (1866–1955): Православний священник і лемківський патріот. — Б.м., б. г. — 15, 1 с.: ил.

6. Белоус Ф.И. Церкви руския в Галиции и на Буковине. — Коломыя: Черенками и иждивением Мих. Белоуса, 1877. — 184 с.: ил.

7. Бобринский В.А. Пражский съезд: Чехия и Прикарпатская Русь. Изд. в пользу Галицко-русского общества в Петербурге. — СПб., 1909. — /3/, 127 с.

8. Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. — Лувен, 1973. — 80 с.: ил.

9. Ваврик В.Р. Кровавый террор / Публикацию подготовил К. Фролов // Мир Божий. — 1999. — № 2 (5). — С. 45–51. — Главы из книги В.Р. Ваврика «Терезин и Талергоф».

10. Ваврик В.Р. Народная словесность и селяне-поэты. — Львов: Издание О-ва им. М. Качковского, 1927. — 63 с.: ил. — Нар. б-ка. Ч. 487. 1929.

11. Ваврик В.Р. Просветитель Галицкой Руси / Иван Г. Наумович. — Львов–Прага: Изд. газ. «Русский голос». 1926. — 104 с. — Отд. оттиск из газ. «Русский голос» за 1926 г.

12. Ваврик В.Р. Справка о русском движении на Галицкой Руси, с библиографией на 1929 год. — Львов, 1930. — 16 с. — Из «Временника» (Ставропигийского института), 1930.

13. Ваврик В.Р. Черные дни Ставропигийского института / Сост. В.Р. Ваврик. — Львов, 1928. — 72 с.

14. Васильев А. Михаил Качковский и общество его имени на Галицкой Руси // Русская беседа. — СПб. — Август. — С. 99–108: ил.

15. Внуков А. О русском движении в Галиции (1848–1939 гг.) // Православная Москва. — 1996. — № 6 (66). — С. 7.

16. Водовозов Н.В. Русские писатели в австрийской Галиции (Краткий обзор) // Вопросы русской литературы. — М., 1976. — С. 91–309. — УЗ МГПИ № 405.

17. Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг. Галицкая Голгофа. Кн. 1 / Издатель Peter S. Hardi Lane. — Trumbull Conn. USA, 1964. — Разд. паг.: илл., портр. факс. (773 страницы)

18. *Возняк М.* Зміна поглядів Якова Головацького в його власному освітленні // *Возняк М.* У століття «Зори» Маркіяна Шашкевича. — Ч. 2. — Львів, 1936. — С. 217–246.

19. *Волков В.К.* Славянская идея и русское национальное самосознание // *Славянский альманах.* 1998. — М., 1999. — С. 15–16.

20. *Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона на 1933 год.* — Львов, 1932. — 133 с. — Год издания 49.

21. *Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона на 1936 и 1937 годы: Юбил. сб. в память 350-летия Львов. Ставропигиона.* — Ч. II. — Львов: Иждивением Ставропигийского Ин-та во Львове, 1937. — 178 с.

22. *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г.* / Изд. Е.Попов. — М., 1867. — X, 473 с.

23. *Галиция. Временный военный генерал-губернатор (Бобринский). Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года.* — Киев: Типогр. штаба Киев. воен. окр., 1916. — 49, II с.

24. *Галиция. Временный военный генерал-губернатор. Отчет канцелярии военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 по 1 июля 1915 года. Приложение № 1 (к отчету военного генерал-губернатора Галиции).* — Киев, 1916. — 125 /1/ с.

25. *Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1911 год.* — СПб., 1912. — 26 с. (Далее «Отчет...».)

26. *Отчет... за 1912 год.* — СПб., 1913. — 47 с.

27. *Отчет... за 1913–1914 год.* — СПб., 1914. — 44 с.

28. *Галицко-русское благотворительное общество в Петрограде. Отчет Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 год.* — Пг., 1916. — 103 с.

29. *Галичанин: Литературный сб., издаваемый Яковом Федоровичем Головацким и Богданом Андреевым Дедицким.* — Кн. 1. Вып. 1–4. — Львов: типом Ин-та Ставропигийского, 1862–1863.

30. *Гелитович Я.* Отрывок из воспоминаний поездки в Россию (Шевченкова могила) // *Новая жизнь.* — 1913. — № 2. — С. 5–11.

31. *Гербільський Г.Ю.* Передова суспільна думка в Галичині (30-і — середина 40-х рр. XIX ст.). — Львів: Вид. Льв. ун-ту, 1959. — 160 с.

32. *Гербільський Г.Ю.* Розвиток прогресивних ідей в Галичині у першій половині XIX ст. (До р. 1848) — Львів: Вид. Льв. ун-ту, 1964. — 251 с.

33. *Геровский Г.* Конец Лемковщины // *Свободное слово Карпатской Руси Newark (NJ) — USA* (Далее — ССКР). — 1972. — № 9–10. — С. 1, 10–11.

34. *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси. Пер. с чеш. / Книга подготовлена к изд. стараниями С.В. Шаропова. — М., 1995. — 90 с.

35. *Головацкий Я.Ф.* Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче // *Литературный сб., издаваемый Галицко-русской Матицею.* — Год 1885. — Вып. 1. — Львов, 1885. — С. 10–36.

36. Головацкий Я.Ф. Грамматика Руского языка, составленная Яковом Головацким ц.к. профессором руского языка и словесности русской при всеучилищу Львовском. — Во Львове: Напечатана черенками Ин-та Ставропигияньского, 1849. — 219 /5/с. — Галицка Руска Матица. — Ч. 6.

37. Головацкий Я.Ф. Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в «Вестнике Европы» за 1885 и 1886 гг. — Вильна, 1888. — 87 с.

38. Головацкий Я.Ф. Исторический очерк основания Галицко-русской Матицы и справозданье первого Собору ученых русских и любителей народного просвещения. — Львов, 1850. — СХХ, III, XXI с. — Галицко-руска Матица. — Ч. 5.

39. Головацкий Я.Ф. О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен Австрийского владения в той земле. — Львов: Напечатано в книгопечатне Ставропигийского Ин-та, 1865. — 39 с. — Особый оттиск из II выпуска Наукового Сборника 1865.

40. Головацкий Я.Ф. Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины.) // Основа. — 1862. — № 5. Май. — С. 62–74.

41. Головацкий Я.Ф. Русины в 1848 году (Памяти Т.Г. Шевченка) // Основа. — 1862. — № 4. Апрель. — С. 1–27.

42. Яків Головацький і рух за національне відродження та культурне єднання слов'янських народів: Тези доповідей та повідомлень конференції 23–24 жовтня 1989 р. — Тернопіль, 1989. — 256 с. — Тернопільські славистичні історико-філологічні читання. Рік 1.

43. Давидович А. О жизни и трудах протоиерея Наумовича // Наумович И.Г. Заветные три липы. — М., 1896. — С. III–XXXIII.

44. Даниленко С.Т. Униаты. — М.: Изд. полит, литературы, 1972. — 222 с.

45. Дедицкий Б.А. Михаил Качковский и современная галицко-русская литература: Очерк биографический и историко-литературный. — Ч. 1. — Львов: С печатни Ин-та Ставропигийского, 1876. — 123, (2) с.

46. Дедицкий Б.А. Своежитъевыи записки. — Ч. II: Взгляд на школьное образование Галицкой Руси в XIX ст. — Львов: Печатня Ставропигийского Ин-та, 1908. — 98 с. — Оттиск из «Вестника Народного дома».

47. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение. — М.: Наука, 1991. — 520 с.

48. Драгоманов М.П. Галицко-руське письменство. — Львів: З друкарні Товариства им. Шевченка, 1876. — 38 с.

49. Драгоманов М.П. Политические сочинения. — Т. 1. — М., 1908. — LXXXII, 486, VII с.

50. Ефремов С. Мартиролог украинского слова // Украинская жизнь. — 1917. — № 3–6. — С. 32–49.

51. Злупко С. Економічна думка на Україні: Нариси історії економічної думки на західноукраїнських землях у другій половині XIX ст. — Львів: Вид. ун-ту, 1969. — 222 с.

52. Зоря галицкая яко альбум на год 1860. — Львов: Типом Ин-та Ставропигийского, 1860. — XXII, 560 с., 1 портр.

53. *Зубрицкий Д.И.* Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Латинские выписки из их сочинений, статей, относящихся к истории галичско-владимирской Руси, за период от 1337 по 1387 год, с русским переводом и критическими исследованиями. Вместо четвертой части галичской истории. Иждивением сочинителя. — Львов, 1885. — 1, 122 с.

54. *Зубрицкий Д.И.* История древнего Галичско-русского княжества: В 3 ч. — Львов, 1852–1855.

55. *Исаевич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. — Київ: Наукова думка, 1966. — 248, (3) с.

56. К торжеству 10-летия студенческого о-ва «Друг» // Живая мысль. — 1905. — Вып. 25. Жовтень. — С. 126–145.

57. Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–49. Видав Др. Кирило Студинський. — Львів: Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка, 1909. — СХХХVIII, 463 с. — Збірник фільольогічної секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XI і XII.

58. Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850–62. Видав Др. Кирило Студинський. — Львів: Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка, 1905. — CLXI, 592 с. — Збірник фільольогічної секції НТШ. Т. VIII і IX.

59. Курс історії української літературної мови. — Т. 1: Дожовтневий період. — Київ: Вид. АН УРСР, 1958. — 595 с.

60. *Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Польский православный журнал «Ортодоксия. Православное обозрение» // Радонеж. — 1998. — № 16. Октябрь. С. 10.

61. *Левицкий И.Е.* Галицко-русская библиография XIX-го столетия... (1801–1886). — Т. 1–2. — Львов: Изд. автора, 1888–1895.

62. *Лемкин И.Ф.* История Лемковины. — Юнкерс Н.Й.: Изд-е Лемко-Союза в США и Канады, 1969. — 384 с.

63. «Лемковска республика» перед судом (Корреспонденции из газеты «Прикарпатская Русь» от 13 и 21 июня 1821 г. Машинописная копия Р.Д. Мировича). — 10 с. — Архив Н.М. Пашаевой.

64. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 25. — М.: Политиздат, 1973. — XXIV. 646 с. 2 л. ил.

65. *Лозинский И.* Автобиографические записки // Литературный сб., издаваемый Галицко-русскою Матицею. Год 1885. — Вып. 2–3. — Львов, 1885. — С. 114–126.

66. *Львовский.* Илья Иванович Терех (1880–1942) // ССКР. — 1962. — № 1–2. — С. 13–15: портр.

67. *Максимович М.А.* Собрание сочинений. — Т. 3: Языкознание. История словесности. — Киев, 1880. — 4, 745 с.

68. *Максимович М.А.* Листи Максимовича до Зубрицького // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. — 1901. — Т. 43. Кн. 5. — С. 25–36.

69. *Максимович М.А.* Новые письма к М.П. Погодину о старобытности Малороссийского наречия. — М., 1863. — 70 с.

70. *Малкин В.* Русская литература в Галиции. — Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1957. — 164 с.

71. *Марков Д.А.* Последнее слово перед австрийским судом (По стенографическому судебному протоколу). Перевели [из немецкого] А.Х. и Р.Л. [Александр Хиллак и Роман Луцк] — Львов: Издание газ. «Русский голос», 1938. — 59 с. — Оттиск из газ. «Русский голос». — В квадратных скобках, подчеркнутое — чернилами на титульном листе дописано рукой В.Р. Ваврика. — Архив Н.М. Пашаевой.

72. *Марков О. А.* Пыпин о «Истории литературы рускои» д-ра Ом. Огоновского. — Львов: Изд. редакции «Черв. Руси», 1890. — 47 с.

73. *Марков О.О.* Из переписки А.И. Добрянского: Письма к О.А. Маркову. — Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1930. — 22 с. — Отд. оттиск из «Карпаторусского сборника» 1930 г.

74. *Медвецкий С.* Апостольская администрация на Лемковщине 1935–1944 // ССКР. — 1966. — № 7–8. — С. 1–4.

75. *Медвецкий С.* Борьба Прикарпатья за Русь // ССКР. — 1966. — № 1–2. — С. 8–10; № 3–4. — С. 10–11, 16; № 5–6. — С. 11–13; № 7–8. — С. 13–16; № 9–10. — С. 1–6; № 11–12. — С. 5–8.

76. *Мирович Р.Д.* Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси с биографическими и библиографическими данными. — Львов, 1954–1960. — 488 с. — Машинопись. — Архив Н.М. Пашаевой.

77. *Р.Д.М. (Мирович Р.Д.)* Апологет православия перед австрийским судом: К 100-летию со дня рождения митрофорного протоиерея д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца (1868–1968) // ССКР. — 1969. — № 3–4. С. 6–8.

78. *Мирович Р.Д., Аристова Т.Ф.* Доктор В.Р. Ваврик (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. — 1971. — № 1. — С. 18–19: портр.

79. *Р.Д.М. (Мирович Р.Д.)* Защитительная речь и заключительное слово д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца перед венским военным судом — замечательный исторический документ. — VII с. — Машинопись. — Архив Н.М. Пашаевой.

80. *Мирович Р.Д.* Краткий обзор литературы о мариологии карпаторусского народа в Первую мировую войну 1914–1918 гг. — V, 35 с. — Машинопись. — Архив Н.М. Пашаевой.

81. *Мирович Р.Д.* По поводу статьи М.Гуменюка о «москвофилах». — 13 с. — Машинопись. Архив Н.М. Пашаевой.

82. *Мирович Р.Д.* Почему в 1908 году Самборская гимназия не чествовала годовщину Т.Г. Шевченко торжественным вечером (Воспоминание из школьной скамьи). — Машинопись. — Архив Н.М. Пашаевой.

83. Митрополит Галицкий Андрей Шептицкий и «Галицко-русская Матица». — Львов, 1905. — Оттиск из Научно-литературного сборника, издаваемого Обществом «Галицко-русская Матица». Оттиск вышел без имени автора, однако поскольку почти весь текст принадлежит перу Б.А. Дедицкого, в каталогах он числится как авторский.

84. *Мончаловский О.А.* Главные основы русской народности. — Львов, 1904. — 22 с.

85. *Мончаловский О.А.* Житье и деятельность Ивана Наумовича. — Львов: Изд. полит. об-ва «Русская Рада», 1899. — 112 с.: ил.

86. *Мончаловский О.А.* Памятная книжка в 25-летний юбилей Общества имени Михаила Качковского, 1874–1899 / Под ред. Б.А. Де-дицкого. — Львов: О-во им. Михаила Качковского, 1899. — 168 с.: портр.

87. *Мончаловский О.А.* Положение и нужды Галицкой Руси. Русская и украинская идея в Австрии / Д.А. Марков. — М.: Прогрессивное изд-во А.С. Дзюбенко, 1915. — 68 с. — Библиотека карпато-русских писателей под редакцией Ф.Ф. Аристова.

88. «Московифилы» // Украинская советская энциклопедия. — Киев, 1982. — Т. 7. — С. 65.

89. *Мзгочи П.Р.* Культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в Восточной Галиции // Славянские и балканские культуры в XVIII–XIX вв. — М., 1990. — С. 132–143.

90. *Наумович И.Г.* Апелляция к папе Льву XIII... / Пер. с латинского яз. — СПб., 1883. — 72 с.

91. *Наумович И.Г.* Письмо к Попову Нилу Александровичу 1867, февр. 29. — РГБ, ОР, ф. 239, картон 14, ед. хр. 29.

92. *Наумович И.Г.* Письмо к Черкасскому Владимиру Александровичу от 23 сентября 1873 г. — РГБ, ОР, фонд 327, раздел II, картон 12, ед. хр. 5.

93. *Наумович И.Г.* Сироты. — Львов, 1922. — 112 с. — Издания Об-ва имени Михаила Качковского 1922 года. Ч. 475/6.

94. *Наумович И.Г.* Червонная Русь, ее прошлое и настоящее: Чтение... в торжеств. собрании Киевского Славянского благотворительного об-ва 17 окт. 1890 г. — Киев, 1890. — (2), 30 с.

95. Національні процеси в Україні: Історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник у 2 ч. — Ч. 1. — Київ; Вища школа, 1997. — 583 с.

96. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. — 360, (2) с.

97. Опять скорбные дни (Памяти Р.Д. Мировича ск. 14 / IX 1971 г.) // ССКР. — 1972. — № 3–4. — С. 16.

98. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. — М.: Наука, 1980. — 609 с.

99. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. — М.: Наука, 1981. — 464 с.

100. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия: В 5 т. / Редкол: Гл. ред. В.Л. Янин и др. — М.: Большая Росс. энцикл., 1994–1996.

101. *П.Г.-н.* Воспоминания // ССКР. — 1974. — № 3–4. — С. 12–14; № 5–6. — С. 13–15; № 7–10. — С. 14–17; 1975. — № 1–2. — С. 11–13.

102. *Павлик М.І.* Московфильство та українофильство серед австро-руського народу. — Львів, 1906. — 82 с.

103. *Пашаева Н.М., Климкова Л.Н.* Галицко-русская Матица во Львове и ее издательская деятельность // Книга. Исследования и материалы. — М., 1977. — Т. 34. — С. 61–77.

104. *Пашаева Н.М.* История Галичины на страницах русской прессы 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // История, историография, библиотечное дело. Материалы конференции специалистов Гос. публ. ист. библ. Москва, 23–24 марта 1993 г. — М., 1994. — С. 91–116.

105. *Пашаева Н.М.* К вопросу о деятельности Я.Ф. Головацкого в 50-х — начале 60-х годов XIX в. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. Сб. — М., 1972. — С. 151–157.

106. *Пашаева Н.М.* Неизданная переписка Д.И. Зубрицкого // Славянский архив: Сб. статей и материалов. — М., 1962. — С. 179–186.

107. *Пашаева Н.М.* Отражение национальных и социальных противоречий в Восточной Галичине в 1848 г. в листовках «Русского Собора» // Славянское возрождение. — М., 1966. — С. 48–62.

108. *Пашаева Н.М.* Проблемное изучение славянского национального возрождения (Книга как исторический источник): Учеб.-метод. пособие. — Ч. 1–2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988–1989.

109. *Пашаева Н.М.* Русские ученые и публицисты о национальном возрождении в Галиции // Развитие капитализма в славянских странах — М., 1970. — С. 310–321.

110. *Пашаева Н.М.* Русское движение в Галичине XIX–XX вв. // Славянский альманах. 1998. — М., 1999. — С. 117–132.

111. Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861). — Вып. III. — М., 1880. — С. 533–666.

112. *Победоносцев К.П.* Письмо к Александру III от 23/X 1885. — РГБ, ОР, фонд 230, М 4394, Победоносцев, ед. хр. 1.

113. *Попов Н.А.* Краткий отчет о деятельности (1858–1868) Славянского благотворительного комитета в Москве. — М.: Универс. тип., 1868. — 27 с.

114. Православный храм во Львове // Церковные ведомости. Прибавления. — СПб., 1898. — № 50. — С. 1950–1951.

115. Протест галицких русинов против австрийского министерства // Русская беседа. — 1859. — № 6, отд. V. — С. 81–92.

116. *Пыпин А.Н.* Эпизоды из литературных отношений малорусско-польских // Вестник Европы. — 1886. — Т. I, февраль. — С. 725–770.

117. *Раевский М.* Письмо К.П. Победоносцеву от 30.III/11.IV 1883. — РГБ, ОР, фонд 230, картон М 4392, ед. хр. 12 б.

118. Русалка Днестровая. Ruthenische Volkslieder. — Будим, 1837. — 133, (2) с.

119. «Русский славянин»: Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. — М., 1867. — XVIII, 178 с.

120. *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах: Этносоциальные особенности и проблема присоединения к России // Вопросы истории. — 1996. — № 11–12. — С. 95–106.

121. Светлой памяти С.Ю. Бендасюка // ССКР. — 1965. — № 1-2. — С. 6-8.

122. *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. — 2-е доп. изд.: Издатель П.С. Гардый. — Lane Trumbull Connecticut, 1970. — 645 с. 1 ил.

123. Слово. — Львов, 1861-1887.

124. *Стеблій Ф.И., Криль М.М.* Галицкая Матица во Львове // Славянские Матицы XIX век. — Ч. 1. — С. 190-233.

125. Стенографический отчет из судовой росправы по делу Ольги Грабарь и товарищей, обжалованных о преступление головной здрады из § 58 бук. в карн. зак. — Львов: Наклад Ст. Гучковского, 1882. — 32, 407, 40 с.

126. Талергоф // Украинская советская энциклопедия. — Т. 11. Кн. 1. — Киев, 1984.

127. Талергофский альманах: Пропамятная книга австрийских жестокостей и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. — Вып. 1-4. — Львов: Издание «Талергофского комитета», 1924-1932.

128. *Тарнович Ю.* Ілюстрована історія Лемківщини. — Львів: Накладом видавництва «На Сторожі», 1936. — 285, (1) с. — Бібліотека Лемківщини, ч. 1.

129. *Терех И.И.* Украинизация Галичины // ССКР. — 1962. — № 1-2. — С. 3-9.

130. И.И. Терех (Некролог) // ССКР. — 1959. — № 5-6. — С. 10-13.: ил. подпись «Русый».

131. *Трусевич С.М.* Суспільно-політичний рух у Східній Галичині в 50-70-х роках XIX ст. — Київ: Наукова думка, 1978. — 166 с.

132. Український радянський енциклопедичний словник в трьох томах. — Київ: Академія наук Української РСР, Головна редакція Української Радянської енциклопедії АН УРСР, 1966-1968.

133. *Устианович Н.Л.* Из автобиографии // Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею. — Год 1885. — Вып. 1. — Львов, 1885. — С. 41-46.

134. *Франко И.* Искренность тона и искренность убеждений // Франко И. Сочинения в десяти томах. — Т. 10. — М., 1959. — С. 244-259.

135. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. — Т. VII. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1950. — 1095 с.; Национальная бестактность — с. 775-793; Народная бестолковость — с. 828-848. Мы цитируем по Полному собранию, а не по «Современнику», в котором статьи напечатаны с цензурными купюрами.

136. *Шашкевич М.* Азбука и абецадло // *Шашкевич М.* Писання. Видав М.Возняк. — Львов, 1912. — С. 202-209.

137. *Шлепецкий И.* Василий Романович Ваврик (К 80-летию со дня его рождения) // ССКР. — 1970. — № 3-4. — С. 10-13: портр.

138. *Шлепецкий И.* Светлой памяти д-ра В.Р. Ваврика // ССКР. — 1970. — № 5-6. — С. 13-14.

139. *Шмеман А.* Исторический путь православия. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. — 387, (2) с.

140. *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. — Киев, 1912. — VII, 588 с.

141. Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). — Т. 1–41. — СПб., 1890–1904.

142. *Янчак В.И.* Некролог // Исторический вестник. — 1911. — Июнь. — С. 1149.

143. *Holowacky J.* Die Zustände der Russinen in Galizien: Ein Wort zur Zeit von einem Russinen. — Leipzig: Slawische Buchhandlung Ernst Keil & Comp., 1846. — 22 S. Отд. отд. из: Jahrbucher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. — 1846. — Heft 9.

144. *Jireček J.* Über den Vorschlag das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben. Im Auftrage des k.k. Ministeriums für Cultus und Unterricht verfasst von Joseph Jireček. — Wien: Aus der k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1859. — (8), 60 S.

145. *Magocsi P.R.* Формування національної ідеології в Галичині під кінець дев'ятнадцятого століття: неукраїнські орієнтації // IX Міжнародний съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Резюме докладов и письменных сообщений. — М., 1983. — С. 553–554.

146. *Magocsi P.R.* Galicia: a historical survey and bibliographic guide. — Toronto: University of Toronto Press, 1983. — XVIII, (2), 299 p.

147. *Magocsi P.R.* The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus Ukraine // Nationalities Papers. — Vol. XXI, № 2, Fall 1993 // <http://www.carpatho-rusyn.org/lemkos/lemrepub.htm>. 20.09.99. — 6 p.

148. Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien. — Lemberg: Schnellpresse des Stauropigianischen Instituts, 1861. — LXIII, 362 с.

149. *Stupnicki H.* Galicja pod względem geograficzno-historycznym. — Lwów, 1849. — 176 с.

150. *Worobkiewicz E.E.* Ein historisches Gedenkbüchlein anlässlich der nahebevorstehenden Grundsteinlegung unter die neuuerbauende Orthodoxorientale Kirche in Lemberg. — Lemberg: Im Verlage des Verfassers. Buchdruckerei des Stauropigianischen Instituts, 1896. — 67 с.

151. *Zubrzycki D.* Granice między Ruskim i polskim Narodem w Galicyi. — We Lwowie: W drukarni Instytutu Stawropigianskiego, 1849. — 32 с.

152. *Zubrzycki D.* Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. — Lemberg, 1849. — 39 с.

153. *Zubrzycki D.* Die griechisch-katholische Stavropigialkirche in Lemberg und mit ihr vereinigte Institut // Neues Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst. — 1830. — № 77. — S. 605–609.

НЕМНОГО ОБ УНИИ В ГАЛИЧИНЕ

ГЛАЗАМИ СВЕТСКОГО ИСТОРИКА

Галичина¹ — край парадоксов. И один из них — история унии с XVI по XXI век... Правда ли, что уния была принята в Галичине добровольно? Каким образом униатская (Греко-католическая) церковь оказалась господствующей в Галичине и в XVI–XIX вв. и в начале 90-х гг. XX в.? Правда ли, что Греко-Католическая церковь в Галичине в конце XX в. была «церковью отцов»? В чем главная разница между православием и католицизмом (и латинского и греческого обряда)? И существенна ли она в современной истории мирового христианства? Чтобы искать ответы на эти вопросы, нужно вернуться к истории двух последних тысяч лет.

Когда Иисус Христос Своим учением и Своею Кровью создавал Церковь, Он создавал ее единой, «одно стадо» и Он «один Пастырь» (Ин. 10, 16). «Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11). И это единство сохранялось вселенской Церковью в первое тысячелетие. Важнейшие вопросы решались на Вселенских соборах всеми поместными церквями. В IV в. на первых двух Вселенских соборах был принят Никео-Цареградский Символ веры, не подлежащий никаким изменениям и дополнениям, доньше принятый и Православной и Католической Церквями. Он утверждал веру в «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». («Кафолическая» по-гречески и «католическая» по-латыни переводится по-славянски «соборная».) Самой большой из автокефальных, т.е. самостоятельных поместных церквей, входивших на равных в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, была Римская церковь. Среди других Православных Церквей долгое время она имела высокий духовный авторитет, епископ Римский считался «первым по чести», к нему в трудных случаях обращались за советом. Греческое слово детской лексики «папа», до конца V в. употреблявшееся как почетное наименование всех епископов, с конца V в. стало относиться главным образом к римскому архиепископу².

В православных святцах в календаре 2003 г. мы находим 14 пап православных святых — мученики, исповедники, борцы против ересей. Два храма в Москве посвящены Клименту, папе Римскому, один — папе Мартину Исповеднику — великим деятелям православного первого тысячелетия. В начале второго тысячелетия единую церковь подстерегала трагедия, последствия которой не изжиты доньше, — так называемое «разделение церквей».

Вот краткая история самих событий. В ответ на внедрение католического обряда при совершении Евхаристии в областях, которые

подлежали юрисдикции Константинополя (употребление опресноков, а не квасного хлеба) патриарх Константинопольский Михаил Керуларий закрывает в Константинополе латинские храмы и монастыри, в которых совершали Евхаристию по латинскому обряду. После обмена посланиями между патриархом Михаилом Керуларием и папой Львом IX в начале 1054 г. в Константинополь были направлены трое папских делегатов — кардинал Гумберт, канцлер Римской церкви Фридрих и архиепископ Петр из Амальфии. Легаты прибыли в Константинополь в июне 1054 г. Папа Лев IX умер незадолго перед тем, в апреле того же года. Отношения между патриархом и кардиналом сразу же сложились холодные, в ответ на явное неуважение легатов патриарх отказался вести с ними переговоры. Несмотря на это легаты «под видом примирения церквей начали действовать в Константинополе в пользу римской кафедры» и, наконец, во время торжественного богослужения в Святой Софии все трое, разделяя толпу, прошли к алтарю и положили на Престол составленную ими буллу, в которой предавался анафеме Патриарх, двое его сторонников и «все разделяющие их заблуждения и гордость», причем Патриарх обвинялся в том, что в нем «рассеиваются бесчисленные плеве-лы ересей». Анафема была торжественно повторена вслух, и, отрясая прах с ног, легаты удалились из храма и вскоре покинули Константинополь. Патриарх Михаил созвал Собор, на котором были преданы анафеме составители буллы. В грамоте, извещающей об этом решении остальных восточных патриархов, говорилось, правда, что легаты были ложные и действовали без ведома и уполномочения папы. Разделение состоялось, и с тех пор и доньше Православная Церковь не поминает на Евхаристии папу, епископа Римского³.

Кто «виноват» в разделении церквей — на это существует, разумеется, два противоположных мнения. Но, вероятно, события в Константинополе летом 1054 г. были только вершиной айсберга. Одной из главных причин называют иногда очень серьезное догматическое различие — *Filioque*, т.е. что Дух Святой исходит не только от Отца, но «и от Сына». Эта вставка в Символ Веры впервые была сделана в текст в 569 г. в Испании на Толедском соборе в горячке споров с арианами⁴ и в доказательство того, что Сын ни в чем не меньше Отца⁵. Эта вставка не только нарушала и нарушает незыблемость Символа веры, но и прямо противоречит неоднократно сказанным словам Спасителя: «И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины» (Ин. 14, 16–17) «Утешитель же Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Моё» (Ин. 14, 26); «Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15, 26). Позднее *Filioque* было внесено в Символ веры и принято всей Католической Церковью. Однако, очевидно, не это нововведение, которое первое время Вселенская церковь «не заметила», было причиной разрыва. Исторические обстоятельства, сделавшие Западную Церковь сильной не только духовной, но и политической организацией, позволили папам считать себя высшей церковной инстанцией среди дру-

гих христианских церквей. И не Filioque, не разница в обрядах определили разделение, а отход Западной Церкви от утвержденного Христом принципа соборности. Вспомним: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23, 8–12). Собор как таковой не отменялся, но из выразителя общего мнения всей Вселенской Церкви он превращался в совещательный орган при папе, решение которого было окончательным. (Как известно, Православная Церковь знает только 7 Вселенских соборов.) Католическая свои поместные соборы считает вселенскими. На протяжении последующих веков Католическая Церковь все больше отдалялась от Православной. В 1075 года титул «папа» стал относиться исключительно к папе Римскому, папа конца XII — начала XIII вв. Иннокентий III отбирает у епископов титул Vicarius Christi (викарий, в переводе наместник Христа) и отдает его только папе. И доньше папа — наместник Христа на земле. В Тридентском исповедании веры 1564 г. читается, что Римская церковь — мать и наставница всех церквей, в катехизисе, изданном в том же году, брошена мысль, что Христос поставил апостола Петра «главой всех верных», в 1854 г. папа провозгласил догмат о непорочном зачатии Девы Марии, в определениях I Ватиканского собора 1870 г. было утверждено, что папа обладает непогрешимостью, когда говорит с кафедры, и поэтому определения римского первосвященника неотменяемы сами по себе даже без единодушного согласия Церкви⁶.

Но во 2-й половине XX в. положение, казалось, начало резко меняться. Если начиная с разделения и в продолжении веков Католическая Церковь не хотела, да из-за своих притязаний на непогрешимость и не могла признать себя в чем-то неправой, то состоявшийся в 1962–1965 гг. II Ватиканский собор и последующая политика Католической Церкви стремится сделать католицизм наиболее приемлемым для других конфессий и неофитов. Вводится богослужение на родных языках, причащение мирян под обоими видами, в католических храмах появляются православные иконы, поощряется совместная с инославными молитва, участие их в богослужении, принимается особое постановление об экуменизме, где провозглашается терпимое и даже благожелательное отношение к инославным, «диалог с братьями»⁷, однако конечной целью все время остается вхождение всех христиан под верховную власть папы.

С 60-х гг. наступает потепление между Католической и Православной Церквями. В промежутке между заседаниями II Ватиканского собора папа Павел VI встречается на Святой Земле с Константинопольским патриархом Афиногором — первая встреча глав обеих Церквей после разделения Церквей 1054 г. В 1965 г. сняты были взаимные анафемы между Римом и Константинополем⁸. Наступает потепление и между Ватиканом и Русской Православной Церквю

вью, о желательном всемирном главенстве папы стараются не упоминать, налаживаются взаимные контакты (так, никого не удивляет, что в московский костел на Пасху приходит много православных и перед пасхальной службой почетным гостем приезжает кто-нибудь из русских православных владык. Гость в самой службе не участвует, но в конце ее обращается с добрыми словами поздравления к прихожанам-католикам). Измученные насильно навязываемым атеизмом советские христиане с радостью принимают это потепление. Наконец наступает переломный 1988 год, и внезапно... обе Церкви оказываются по разным сторонам баррикады. И главная причина (а быть может, скорее — повод) — уния в Галичине.

Слово *unio* по-латыни значит *соединение*, и понятие «уния» — это объединение, соединение, единение, союз. Восстановление единства Христианской Церкви — великая цель, но Католическая Церковь понимала ее только как единство под главенством Рима. И попытки такого объединения делались не раз. Однако толчком были обычно отнюдь не духовные, а политические мотивы. Так, в 1261 г. Византийский император Михаил VIII Палеолог овладел Константинополем и этим положил конец существованию Латинской империи крестоносцев. Однако положение его было очень непрочным, и чтобы избежать участия папы в готовившемся против него походе, Михаил ведет долгие переговоры с папским престолом. Наконец в 1274 г. он посылает на Лионский католический собор своих послов, среди которых были его приверженцы из православного духовенства, в том числе и бывший патриарх Герман III. На соборе послы провозгласили унию с Римом, признав *Filioque* и подчинение греческой Православной Церкви папе. Однако когда послы вернулись на родину, «со стороны православных стали раздаваться проклятия на униатов, с ними не хотели иметь никаких сношений, считали даже за осквернение прикосновение к ним и разговор с ними»⁹. Император начал жестоко преследовать несогласных, особенно духовенство, но греки унии не приняли. Наконец, новый папа Мартин IV, узнав об этом, отлучил Михаила. Лионская уния бесславно провалилась. Так же бесславно окончилась и Флорентийская уния 1439 года. Незадолго до падения Византийской империи под ударами турок греческие императоры не раз ездили искать помощи на Запад, и прежде всего у пап. Но Запад помощи не оказывал. И накануне уже неумолимо надвигавшегося падения империи император Иоанн VI Палеолог решил испытать последнее средство — подчинить Греческую Православную Церковь папе и за это получить помощь против турок. Собор начался в Ферраре в 1438 г. и был затем в 1439г. перенесен во Флоренцию. Новым в нем было то, что латиняне постановили одинаково признавать обряды как латинской, так и греческой церкви. Горячие дебаты шли вокруг вопроса о принятии *Filioque* — вставке в Символ веры долго сопротивлялись греческие епископы. Наконец под влиянием убеждений и угроз присутствовавшего на соборе византийского императора греческие отцы согласились с обоими требованиями — признанием *Filioque* и главенства папы. Твердо оста-

вался несогласным и не подписал решения собора только Марк, митрополит Эфесский, который был представителем Иерусалимского патриарха. Казалось, уния победила, но тотчас по прибытии в Константинополь греческие епископы отказались от нее, объясняя, что согласились на нее только под принуждением, и духовенство и народ возмутились, считая униатов за еретиков, вокруг Марка Эфесского объединились все защитники православия¹⁰. А в 1443 г. патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский составили в Иерусалиме собор, на котором произнесли отлучение на всех приверженцев унии. В 1450 г. на соборе в Константинополе восточные патриархи еще раз подтвердили это осуждение унии.

Так и в XIII, и в XV веках потерпели крах попытки создать единую «вселенскую» церковь под главенством папы. Но в конце XVI века подобная попытка была сделана в одной отдельно взятой стране. Этой страной была Польша, в состав которой входила тогда Галичина. Когда в 1569 г. было создано единое польско-литовское государство, «под гнетом польских феодалов, — пишет украинский исследователь, — в составе многонациональной шляхетской Речи Посполитой оказались почти все украинские земли... Наиболее характерной чертой политического и экономического строя Речи Посполитой было засилие шляхты, крупных и средних феодалов. Считалось, что вся власть принадлежит шляхте, фактически же Польшей правили самые крупные феодалы-магнаты... Экономической основой их могущества была нещадная эксплуатация крепостных крестьян, а союзником их была Католическая Церковь»¹¹. Со 2-й половины XVI века в исконно православной Галичине развертывают бурную прозелитическую деятельность иезуиты. Велико было влияние иезуитских школ, трудов иезуита знаменитого Петра Скарги. Русинская знать, сохранявшая ранее верность православию и родной древнерусской культуре, «примерно с 1585 года» переходит в католичество, и к 1600 г. большинство членов привилегированного класса, «за исключением последних представителей старшего поколения, исповедовало латинскую веру и подписывалось по-польски». Потоцкие, Дзедушицкие, Сапеги и многие другие древнерусские православные роды пополнили ряды польской католической знати. Усиливается нажим на Православную Церковь, начинаются и прямые преследования¹². Едва ли не самым опасным для Православной Церкви в Галичине были, однако, не прямые преследования, а практика раздачи епископских кафедр светским людям, нужным или во всяком случае желательным для правителей страны. Право патроната оставляло за землевладельцем право принять или не принять священника в церковь, находящуюся в его владениях. Это прямое вмешательство католических светских властей в церковную жизнь православного населения Галичины вызвало активное противодействие церковных братств, наиболее сильным из которых было Львовское Старопигийское братство, иначе Ставропигион. Оно существовало при Успенской церкви недалеко от центра Львова на нынешней Русской улице с XV века¹³. 1 января 1586 г. старого стиля проезжая через Львов, Антиохийский патриарх

Иоаким скрепил своей печатью статут братства, утверждавший его независимость от местных церковных властей. Именно эта дата считается началом Львовского Ставропигиона. Братство поддержал и Константинопольский патриарх Иеремия, в церковной юрисдикции которого находилась Православная Церковь Галичины, своей грамотой подтвердил права Успенского братства, которое получило статус патриаршей Ставропигии (от греческого «утверждаю крест»). Этот термин обозначал, что монастырь или братство, на котором «утвердил крест» патриарх, зависит только от патриарха, а не от местного епископа. При братстве были школа, «шпиталь», т.е. богадельня, и типография. Последняя сыграла огромную роль во всей культурной истории Галичины вплоть до 1939 года. Членами братства были люди разных сословий, но основную роль в организации играли львовские мещане. Уже по статуту 1586 г. братство имело право контролировать епископа, не подчиняться ему, если его действия считало неправильными¹⁴. Это право было особенно важным в конце XVI в. Тогда в состав Речи Посполитой входили, кроме Галичины, почти вся Украина* и Белоруссия. Эти земли, исконно православные, население которых твердо знало, что они не поляки и не литовцы, а Русь, окормлял православный Киевский митрополит. Некогда Киевская епархия была епархией митрополита Киевского и всея Руси, но окончательно с 1458 г. Московское государство окормлял митрополит Московский, а земли Речи Посполитой принадлежали к епархии Киевской, подчиненной Константинопольскому патриарху и переживавшей в конце XVI в. тяжелые времена. «Несоответствие пастырскому предназначению слишком приземленных епископов, которых выбирал и назначал, исходя из государственных интересов, польский король, нарушение синодальной традиции в управлении церковью (большинство соборов на протяжении этого столетия просто не собиралось), низкий уровень грамотности среди духовенства, недостаток учебных заведений, отсутствие академического богословия и широко распространенная, если не сказать систематическая, социальная и правовая дискриминация по отношению к восточным христианам со стороны официального католического общества и государства — все это вместе обусловливало слабость Рутенской церкви» — так характеризует положение современный украинский католический автор (Борис Гудзяк), оговариваясь дальше, что целый ряд подобных бед был свойствен и Католической Церкви Галичины в тот период¹⁵. Думается, профессор Гудзяк не упомянул едва ли не самое главное — законное недоверие русинской паствы к своему епископату. Это наглядно показал конфликт между Львовским епископом Гедеоном Балабаном и Львовским братством, «пошла борьба за то, кто будет главным в церковной жизни Львова — епископ или братство»¹⁶. Православные патриархи Иоаким Антиохий-

* Здесь и дальше мы будем говорить об Украине, традиционно применяя это название к Правобережной, Левобережной, Слободской Украине, Подолии и Волини. Галичину стали порой называть Украиной лишь со 2-й половины XIX в., а Западной Украиной Галичина, Закарпатье, Буковина стали, кажется, только в советскую пору.

кий и Иеремия II Константинопольский поддержали братчиков, однако серьезно помочь Православной Церкви в Польше не могли. С начала 90-х гг. XVI в. среди епископов Православной Церкви Польши на повестку дня встал вопрос об унии с Римом, переходе церкви под власть папы Римского. Были составлены и переданы в Рим даже условия, на которых возможна уния — не только сохранение восточного обряда, что предлагал еще Флорентийский собор, но и целый ряд статей, которые должны были уравнивать в Речи Посполитой права униатов и католиков, «защищать и укреплять церковное самоопределение Киевской церкви»¹⁷. Вероятно, сейчас трудно определить, чем в первую очередь руководствовались епископы, готовя унию. Возможно, важнейшую роль играла угроза потерять свои кафедры под нажимом усилившегося движения православных мирян, в первую очередь братств. Важным, вероятно, было и опасение патриаршего суда, к которому могли прибегнуть в затянувшемся конфликте братчики Ставропигиона. Переход под власть папы, как виделось сторонникам унии, должен был уравнивать в правах униатскую и католическую церкви. Король и бывшие православные епископы оказывались в ограде одной господствующей в стране церкви. Прозвучала и надежда, что грядущий разрыв не вечен. «А если со временем Богу будет угодно даровать, чтобы все остальные братья нашего народа и греческой религии пришли к тому же святому единству, да не будет вменено нам в вину то, что мы опередили их в том единстве, ибо мы вынуждены пойти на него по известным и справедливым причинам, ради согласил в христианской Речи Посполитой и чтобы избежать дальнейшей смуты и разлада»¹⁸. Все приготовления к введению унии шли в глубокой тайне от духовенства, влиятельных мирян и всей массы верующих, но информация все же просочилась и вызвала законный гнев православных. Нужно было спешить, и два епископа — Кирилл (Терлецкий) и Ипатий (Потей) в ноябре 1595 года отправились в Рим. Папа Климент VIII принял их, и на торжественной церемонии в Ватикане они объявили о признании Киевской митрополией верховенства папы, произнесли Символ веры с *Filioque*, приняли в качестве нормативов латинские установки по спорным вопросам¹⁹. Ни о каких переговорах, условиях уже не могло быть речи. Их принимали в лоно Католической Церкви как бывших схизматиков, которым только сохранялся восточный обряд. Уния состоялась, но еще нужно было провозгласить ее на соборе, созванном в октябре 1596 г. в Бресте. На собор съехались два отдельных собрания — проуниатская часть собора заседала в кафедральном соборе города. Унию приняли 6 из восьми епископов. Униатский епископ Бреста распорядился запереть все церкви города, чтобы православной части собора было негде собраться. Православные, организованные горячим сторонником православия знаменитым Константином Острожским, заседали в частном доме на другом конце города. На униатском соборе присутствовали митрополит, 5 епископов, архимандриты трех белорусских монастырей, 3 представителя короля, 3 латинских иерарха, представлявшие папу, 2 ученых иезуита и один

греческий богослов. Как замечает сообщаящий эти сведения католический автор Б.Гудзяк, «определить степень присутствия на униатском соборе белого духовенства и мирян затруднительно, поскольку главный соборный документ подписан только высшим духовенством»²⁰. Душой антиуниатского собора был Константин Острожский. Кроме него на соборе присутствовали два оставшихся православными епископа, 9 архимандритов, по меньшей мере 25 представителей рядового духовенства, около 22 представителей «рутенской» православной и протестантской знати, 35 бюргеров из 16 городов — представители многочисленных братств, а также представитель патриарха Александрийского Мелетия Пигаса будущий Константинопольский патриарх Лукарис. (Мелетий Пигас и до и после Бреста твердо стоял на стороне противников унии.)*

Председательствовал на соборе экзарх патриарха Константинопольского монах Никифор. (Патриарх Иеремия II, умерший за год до собора, назначил Никифора патриаршим протосинкеллом (викарием) и экзархом в 1592 г.) Председатель трижды безуспешно приглашал на православный собор митрополита и епископов-униатов. На униатском соборе было провозглашено присоединение Киевской митрополии к Римской церкви, лишение сана противников унии. На антиуниатском соборе экзарх Никифор объявил о низложении принявших унию епископов.

После этих двух соборов, как пишет современный католический исследователь (София Сенек), «епископы так и остались на своих кафедрах, священники — на своих приходах. В приходских храмах и монастырях продолжали возносить молитвы за их благочестивых устроителей. Богослужebные обряды не изменились. Народ ходил в паломничество все к тем же иконам». Большинство было, вероятно, равнодушно к унии, а то и вовсе не заметило ее — к такому выводу приходит С.Сенек. Однако, думается, такую умиротворенную картину можно было наблюдать совсем недолго...

При подготовке к принятию унии наблюдалась парадоксальная картина — некоторые потенциальные ее сторонники становились затем ее активными противниками, активными защитниками православия. Причину этого историки предлагают искать в том сложном положении, в каком оказалась Православная Церковь Речи Посполитой в конце XVI в. Киевская митрополия, оторванная от северной Руси, подчиненная в сущности бессильной Константинопольской патриархии, пленнице турок, испытывала постоянный нажим со стороны поддержанного польским государством католицизма, иезуитской пропаганды, с одной стороны, и идей протестантизма, распространенного тогда в Речи Посполитой, причем протестантизма в его наиболее крайних формах — с другой. Вызывал серьезные опасения у церковных владык и подъем активно-

* Патриарх Александрийский Мелетий Пигас недавно канонизирован Александрийской православной церковью и имя его по благословению Священного Синода включено в число святых Русской православной церкви (Церковный вестник, 2003, № 9–19, с. 5).

сти мирян — деятельность многочисленных церковных братств, самое сильное из которых — Львовское Успенское — было подчинено не местному епископу, а Константинопольскому патриарху. На стадии обсуждения переход под юрисдикцию папы не казался тогдашним не слишком исторически мыслящим епископам отходом от православия — ряд предполагаемых условий при заключении унии и неизбежность православного обряда, казалось, оставляли неприкосновенным главное*. Теоретически уния мыслилась просто как переход под власть более сильного епископа — не более. Однако Католическая Церковь была уже тогда, как мы бы сформулировали сегодня, крепкой тоталитарной всемирной организацией, требовавшей признания всемирной духовной власти папы (и не только духовной!). Тех, кто отказывался, церковь считала еретиками, в лучшем случае как православных «схизматиками», т.е. раскольниками, и нередко не гнушалась насилия. Этого не поняла сразу та часть галицких православных деятелей, которая сначала мечтала о помощи братской Католической Церкви и лишь позже осознала истинное положение вещей. После принятия унии ее деятели сразу же поняли допустимость и даже желательность насильственных методов ее внедрения.

Едва окончился собор, в том же 1596 г. архимандрит Никифор Тур, участник православного собора, вернулся к себе в Киево-Печерский монастырь, зависевший тогда только от Константинопольского патриарха. Униатами было решено подчинить монастырь Киевскому митрополиту, и они попытались захватить обитель силой. Но монахи во главе с архимандритом оказали вооруженное сопротивление. Через два года вторая подобная попытка тоже окончилась провалом. Так же — силой — отстоял монастырь и свои обширные имения. И тогда же, в конце XVI века, он получил ставропигию от Константинопольского патриарха и с тех пор стал лаврой²².

Как пишет современный католический автор Б.Гудзак, униатские епископы «действовали исходя из предпосылки, впоследствии оказавшейся ложной, что стадо послушно побредет за своими пастырями»²³.

Попытки насильственного введения унии вызвали сопротивление, особенно сильно оно было на Украине, однозначно не признавшей унии. Не признало ее и казачество, и не случайно на Переяславской раде 1654 г. казаки сказали «волим под царя московского, православного».

На протяжении всего XVII в. (с большей или меньшей интенсивностью в разные годы) неукоснительно проходит процесс насильственного внедрения унии. Одним из самых сильных противников ее было Львовское братство, наказывавшее своим послам на Брестском соборе в специальной грамоте никогда не соглашаться на подчинение папской власти. «И тело и душу свою до конца кладем за истину» — заявляли братчики²⁴.

* Иначе понимали проблему греки, еще помнившие IV крестовый поход и придерживавшиеся твердых антиуниатских взглядов.

И это были не пустые слова. В своей публикации документов «Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год» А.С. Петрушевич приводит текст воззвания Ставропигийского братства 1600 года к своим соплеменникам с мольбой о материальной помощи, чтобы братству «возможно было церковными и науковыми заведениями спасти русскую народность». Из этого документа видно, какой травле подвергались на местах православные русины. Польские паны с помощью всяческих притеснений, разорения и изгнания запрещают нашим людям заработать на жизнь «чим бы только человек жив быти мог» (вплоть «до наименшой иглы и шильця»). И это они делают более всего из-за отступления «старших наших духовных митрополита и владык, стремясь втянуть нас в это же отступление». Заканчивая публикацию всего документа, Петрушевич прибавляет: «В выше приведенном воззвании Львовского ставропигийского братства описанное жалкое состояние продолжалось чрез все XVII столетие»²⁵. Ипатий Потей, ставший после смерти Михаила Рогозы митрополитом униатов, приехав во Львов, вынуждал мещан признать унию, но львовяне с оружием в руках выступили против попытки униатов захватить кафедральный собор. Потей с озлоблением писал, что «может быть и патриархи присоединились бы к святой унии, но им не позволили бы этого сделать их овечки, то бишь козлики, потому что этот схизматический народ содержит в себе какое-то врожденное упрямство»²⁶.

Епископ Краковский Петр Тылицкий в своей грамоте 1612 года, основывая город Мушинку, вероятно, от его имени названный *Тылич*, предостерегает, чтобы в городе Тыличе не поселялся никто из русских неунитов. Позднее, в 1636 г., краковский епископ Задик послал в Тылич комиссию, которая прогнала из города русских жителей и забрала их церковь. Тяжба о церкви продолжалась до 1682 г.²⁷. В конце 1614 г. униатский митрополит Вельямин Рутский и владимирский епископ Малаховский попробовали ворваться в Онуфриевский монастырь во Львове, где находилась типография, но братья ударили в сполох, произошла битва, и нападавшие, были отбиты²⁸. Такое противостояние, возможно, продолжалось бы еще долго, если бы не исчезла угроза, что украинские казаки помогут единоверцам в Галичине. После Переяславской рады православная Галичина уже не могла надеяться на их помощь. «Во 2-й половине XVII в. католическая реакция в Речи Посполитой активизировала свою деятельность с целью насильственного введения унии. В 1676 г. шляхетский сейм Речи Посполитой под страхом смертной казни запретил контакты братств и других лиц с восточными патриархами. Представители Ставропигии ездили на сеймы, чтобы добиться отмены этого решения, но безуспешно. Хотя за это им угрожала смертная казнь, братства и дальше поддерживали связи с востоком и считали, что они подчинены только патриархам»²⁹.

Что происходило в Галичине в конце XVII века, наглядно показывают отдельные примеры. Так, осенью 1690 г. униатский Перемышльский епископ Малаховский захватил пять православных

церквей, причем униаты отняли у греческих вероисповедников дворы и разграбили имение. Король велел дворы и орную, т.е. пахотную землю отдать, но униаты не послушались, а владелица имения, где находились захваченные церкви, велела поймать одного священника и бить пред собою дубьем, он получил 300 ударов, но и у короля управы найти на удалось³⁰. Русский резидент Волков доносит из Варшавы в Москву 14 мая 1690 г.: в Варшаве «канцлер коронный Ернест Денгоф судил владимирских неуниатских мещан с епископом Владимирским. Епископ хотел обратити в унию две неуниатские церкви, построенные Владимирским братством: он выставял на вид, что все русские церкви теперь в Унии находятся под его паствою; осталось только две те церкви и священники их ходят по своей воле, а его, епископа, не слушают. Мещане доказывали, что церкви те исстари греческие и потому не следует обращати их в унию, король при избрании своем присягал, что вере никакого утеснения не делати. Канцлер произнес такое решение: “Хотя прежде церкви те в унии и не были, так теперь будут”. Король, которому переадресовал решить это дело коронный канцлер, решил в пользу униатского епископа³¹. «В Стрые, где Сочавский митрополит жил, (1692 года сентября 8) городские четыре благочестивые церкви отняли насильно, и священников русских к Литургии приступивших, с облачения обнажа. вон выгнали». Приводящий эти сведения Петрушевич прибавляет, что в Стрыю «насилием введено унию»³².

Избранный в 1667 г. Львовским православным епископом, фактически занявший эту кафедру лишь 5 лет спустя Иосиф Шумлянский много сделал для введения унии в Галичине. Выходец из православной шляхетской семьи, в юности перешедший в унию, на протяжении многих лет он вел двуличную политику, скрывая, что он — тайный униат, хотя при избрании Львовским епископом он официально числился православным. Наконец в 1700 году он в открытую стал униатом. В этом же 1700 году он сделал попытку подчинить унии Львовское братство — «епископ Шумлянский, великий коронный гетман А.Яблоновский, магистратские чиновники, и католические ксендзы с вооруженным отрядом ворвались в Успенскую церковь»³³. Тогда братство еще устояло, но насильно внедряемая уния все же вынудила его в 1709 году, по выражению Петрушевича, «уступив напору, покориться непосредственно папе»³⁴, чтобы хотя бы не зависеть от местного епископа*. На протяжении первой половины XVIII в. то здесь, то там еще сохранялись православные общины, но постепенно они исчезали — поставлять священников было некому, наконец православное богослужение можно было совершать только

* Петрушевич называет датой перехода братства в унию 1709 г. Как пишет Исаевич, «5 апреля 1709 года папа Климент XI издал грамоту (бреве) о принятии братства под свою непосредственную юрисдикцию и о признании независимости его от львовских епископов. Так в результате долгих годов открытых насилий и издевательств уния была провозглашена во всей Галичине»³⁵.

в Манявском скиту (в Станиславской области), к которому тянулись православные всей Галичины. В 1772 г. в результате первого раздела Польши Галичина вошла в состав Австрийской империи. Манявский скит продержался до 1785 года. Напрасно старались заставить последнего игумена Исака Протасевича и его 59 монахов перейти в унию — они наотрез отказались, и тогда монастырь подвергся насильственной секуляризации, игумен и монахи изгнаны и бедными странниками были приняты частью в Буковине в монастырях Сучавица и Драгомирна, а частью в Киево-Печерской лавре. От монастыря остались развалины*. Во всей Галичине не осталось ни одного православного прихода, но православным надо было где-то крестить, венчать и отпевать — и так, «добровольно», они вынуждены были обращаться в униатские церкви: других не было. Да и богослужение оставалось прежним. И православное самосознание, сознание своей «русскости» сохранялось в толще закрепощенного галицкого крестьянства — и при австрийском владычестве остававшегося под властью все тех же польских панов.

Церковная униа в Галичине была явлением отнюдь не духовного, а исключительно политического характера, попыткой польского государства и Католической Церкви оторвать Галичину от ее древнерусских корней, положить между нею и остальной Русью непреходимый религиозный барьер. 400-летие Брестской унии было торжественно отпраздновано в 1996 г. Католической Церковью, писалось неоднократно о добровольном, мирном переходе Галицких русинов в унию. Действительно, это была победа политики правящих кругов польского государства (в конце XVIII в. потерявшего независимость более чем на столетие!), победа католического прозелитизма, активной католической экспансии на восток, хотя и в меньших размерах, чем предполагалось, — Украина была потеряна. Для окончательной победы надобилось два столетия. Это, безусловно, была победа — но пиррова победа.

* * *

Итак, по первому разделу Польши Галичина была присоединена к Австрийской империи. Подводя итоги более чем четырехсотлетнего владычества Польши в крае, известный галицко-русский ученый будитель Я.Ф. Головацкий писал в 1865 г.: «Кто перечислит все гонения, преследования, оскорбления и понижения якие истерпела наша Русь в продолжении пяти веков... Не дивно, что среди таких смут и

* Как только был уничтожен Манявский скит, во Львове организовалась небольшая православная община, состоявшая из греков, румын и славян — в основном православных купцов. Им было разрешено на свои средства устроить домовую церковь «без права публичности» т.е. полутайную. О ее существовании, вероятно, мало кто вообще догадывался, т.к. она помещалась в частных домах, пока в 1856 г. не был куплен небольшой участок земли, на котором в 1897–1901 гг. была построена православная церковь св. Георгия — нынешний Малый Юра, единственный во Львове храм Московской патриархии³⁶.

беспрестанных лишений русское дворянство и вельможи дали переманиться в латинство и изменили своей народности. Мещане лишены прав и преимуществ, устранены от городских достоинств, исключены из обществ и цехов и отданы на произвол старостов и каштелянов. Народ сельский не защищен неким законом противу своевольству шляхты, порабощен и предан презренному невежеству»³⁷.

Униатская церковь находилась в упадке, священники были полонизированы и имели низкий культурный уровень. В то же время низшее мещанство и темные крестьяне, не в первом поколении уже ходившие в униатскую церковь, еще от времен Киевской Руси сохранили свое самоназвание *русский, русский, русин* и своеобразное православное самосознание, понимание единства своей церкви с церковью за кордоном, в России. Лидеры униатской церкви в конце XVI в. надеялись, что переход в унию будет означать равенство в правах униатской и Католической Церкви в Речи Посполитой. Но эти надежды не оправдались — униатская церковь все два века занимала в государстве второстепенное положение.

«Австрия, — писал Головацкий в той же работе — приняла Галицко-Перемышльскую или Червонную Русь уже не как русскую область с живой и развивавшейся народностью, но как полупольскую провинцию, — в которой задавленная, порабощенная, униженная Русь едва подавала признаки жизни»³⁸. Реформы Иосифа II, проведенные в духе просвещенного абсолютизма, прежде всего отмена личной зависимости крестьянства, в целом сказались положительно на развитии края, однако по-прежнему была сохранена барщина и власть польских панов на местах не была ликвидирована. Реформы коснулись и церкви. Несмотря на указ о веротерпимости 1781 г. в 1785 г. пал Манявский скит — последний оплот православия, а в 1788 г. в Ставропигийский институт было преобразовано Ставропигийское братство, которое на протяжении всего XVIII в., официально перейдя в унию, пыталось продолжать свои православные традиции, поддерживало деловые и культурные связи с православным Востоком, помогало книгами и деньгами монахам Манявского скита и т.д.³⁹.

В ведении Института оставались издательство, типография, школа, он осуществлял патронат над Успенской церковью, но изъятый из под власти Рима Институт был исключительно светским учреждением, единственным для русинов Галичины вплоть до 1848 г. Как пишет исследователь, «австрийские власти, вынужденные до некоторой степени считаться с украинским фактором во внутрисоветской политике, а также благодаря авторитету Ставропигии, не ликвидировали ее, как большинство церковных братств, а наоборот признали за ней право на существование и придали ее членам статус представителей и защитников местного украинского населения (“греко-католической нации”)»^{40*}. Под властью Польши на-

* Термин «украинцы», «украинский» по отношению к галицким русинам известен со 2-й половины XIX в., стал официально принятым в 1939 г., когда «Западная Украина» вошла в состав Советского Союза.

циональная культура была задавлена, национальной интеллигенции почти не существовало. Ею могло быть в тех условиях прежде всего униатское духовенство, недаром декрет императора Леопольда II 1790 г. уравнивал в правах униатов с католиками, (хотя на практике этого не произошло)⁴¹.

Однако униатские священники стояли, как правило, на очень низком культурном уровне, и тогда австрийское правительство пытается, хотя и весьма непоследовательно, улучшить образование будущих униатских пастырей. В 1783 г. была открыта в крае русская духовная семинария с преподаванием на русском языке, на базе существовавшей с 1661 г. академии во Львове в 1784 г., открывается Львовский университет, где тоже наряду с латинским, немецким и польским языком преподавания оказывается русский; правда, под этим термином понимался не русский литературный язык, и о степени близости к нему, к украинскому или церковно-славянскому языку может сказать лишь отдельное лингвистическое исследование. Эти послабления вскоре прекратились, и некоторое оживление в национальной культурной жизни края наблюдается лишь во 2-м и 3-м десятилетиях XIX в. Но будущим униатским священникам к началу 30-х гг. представлялась возможность получить образование — студенты Львовской семинарии были одновременно и слушателями Львовского университета. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом — едва ли не главной задачей унии при ее насильственном введении в Галичине было оторвать ее от единства с восточной Русью, по формулировке Д.Зубрицкого навсегда провести между ними разрыв и породить взаимную религиозную ненависть⁴². И вот в центре подготовки будущих униатских клириков вырастает целое поколение священников, горячих проповедников этого единства, (которое «русские галичане» понимали как «Русь от Карпат до Камчатки», а «украинцы» как единство только с Восточной Украиной).

С конца XVIII в. в славянских странах начинается эпоха славянского национального возрождения, ее деятели, будители, нередко были духовные лица. В Галичине этот процесс начался довольно поздно, и галицкие будители были большей частью униатские священники, составившие цвет галицкой национальной интеллигенции — достаточно вспомнить имена М.С.Шашкевича, И.Н.Вагилевича, Я.Ф.Головацкого, его брата И.Ф.Головацкого, И.В.Левицкого, И.П.Лозинского, Н.Л.Устиановича, А.С.Петрушевича и многих других⁴³. Пожалуй, редким исключением был стоявший у истоков национального возрождения Галичины выходец из обедневшей галицкой шляхетской семьи Д.И.Зубрицкий, первый историк Галичины, многолетний член и труженик Ставропигийского института.

Галицкие будители испытывали постоянный прессинг австрийской администрации, исключая короткий период революций 1848–1849 гг., когда австрийское государство, боясь польского национального движения, надеясь найти союзников в лице галицких русинов. На подъеме революции стал профессором Львовского университета крупный ученый-славист Я.Ф.Головацкий, однако в 1867 г.

он был из него изгнан за поездку в Россию и участие в этнографической выставке и славянском съезде. Лишенный кафедры, т.е. средств к существованию, он принял приглашение на пост председателя Виленской археографической комиссии, вместе с семьей переехал в Россию, снял сан, принял православие (как и его домашние) и как русский ученый еще много сделал для отечественной археографии. Трагична и в то же время знаменательна была судьба униатского священника просветителя И.Г.Наумовича, оставшегося верным до последнего своей церкви, в которой родился, в которой многие годы служил как сельский священник, уважаемый и горячо любимый пастором, в 1861 г. — депутат первого галицкого сейма, а в 1873 г. — рейхсрата, талантливый писатель, публицист, издатель популярной литературы, основатель нескольких периодических изданий.

Верность православному обряду при переходе в унию была гарантирована Флорентийским и Брестским соборами. Однако, вероятно уже с первых же лет начались искажения обряда*, введение в него католических черт. (Недаром порой унию расценивают именно как ступень от православия к католицизму.) На волне реформ в 60-е гг. в Империи униатский священник Наумович начал со своего прихода движение по возвращению униатскому богослужению чистого православного обряда. Его деятельность вызвала горячий отклик прихожан, идея была подхвачена другими приходами, на страницах только начавшего выходить в 1861 г. органа русского движения «Слово» начали печататься материалы по этой горячей теме и самого Наумовича, и других авторов, большей частью анонимно. Успех движения вызвал резкий отпор в католических кругах, но оставивший по себе добрую память митрополит Григорий Яхимович не мешал движению, даже сочувствовал ему. Под давлением Рима он вынужден был, однако, издать пастырское послание, призывавшее униатов воздержаться от очищения обряда до решения собора, который он обещал вскоре созвать. Неожиданно 29 апреля 1863 г. владыку нашли поутру мертвым в его комнате. Разнеслись слухи, что он был отравлен...⁴⁵ Как и его соратники по русскому движению, лояльный к своему государству и верный своей церкви Наумович продолжал свою просветительскую работу. Сознание общерусского единства носило исторический и религиозный характер. Так, в 1866 г. он писал, что

* Современный католический ученый София Сенек пишет о ситуации после Брестского собора: «Священники, которые противились унию, могли проявлять это лишь косвенно, оказывая неповиновение в чем-то другом. И когда Потий лишал таких священников сана, сбрасывал им бороды и остригал волосы, он применял к ним такие же дисциплинарные меры, какие применялись к любому проявлению непослушания со стороны священников»⁴⁴. Не забудем лишь, что таким образом Потей придавал «провинившемуся» священнику католический облик, недаром, напр. в XIX в. униатские клирики сплошь были бритые и не носили длинных волос. Лишь ныне глава униатов на Украине кардинал Гузар (как некогда и А.Шептицкий) имеет традиционно православное обличье (см. фото Независимая газета 2003,15/1. НГ Религии. С. 3).

«Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская, Тобольская и пр. с точки зрения этнографической, языковой, литературной, обрядовой — это одна и та же Русь»; «Как христианин и как проповедник науки Христовой я не могу не видеть в Москве моих ближних, братьев, не могу их не любить или любить меньше, чем люблю ближних и во Христе братьев в Кракове, Варшаве и Познани. Как славянин не могу в Москве не видеть русских людей»⁴⁶. Австрийская администрация давно ждала удобного момента, чтобы расправиться с неугодным пастырем. Предлог представился — попытка маленького галицкого села Гнилички перейти в православие. Прошения писал Наумович — этого было достаточно, чтоб затеять грандиозный процесс Ольги Грабарь, называемый так по имени одной из обвиняемых — матери русского художника и искусствоведа Игоря Грабаря. Она была арестована вместе с отцом, известным угро-русским деятелем А.И.Добрянским, Наумовичем и еще рядом лиц — всем им было предъявлено обвинение в панславизме, в государственной измене. Это был первый из целого ряда политических процессов, сотрясавших Галичину и Закарпатье вплоть до распада Австро-Венгрии. Обвинение позорно провалилось, но за нарушение публичного спокойствия четверо подсудимых были приговорены к нескольким месяцам тюрьмы, Наумович — к восьми. После более чем шестимесячного предварительного заключения он был временно выпущен под залог, пока его кассационная жалоба рассматривалась в Вене. Вернуться в свой приход он не смог — его отобрали у него духовные власти, затем последовало отлучение его от церкви. В ожидании ответа на свою кассационную жалобу Наумович направил папе большую апелляцию против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме. Он апеллирует к авторитетам, безусловно признаваемым Католической Церковью, весь тон апелляции — не мольба о пощаде, а грозное обвинение унии, обличение состояния униатской церкви. «Поколеблен весь строй нашей церкви, постановления Флорентийского собора многократно нарушены, и нет ничего удивительного, если народ стремится вернуться к вере отцов».

«Мы во всем обмануты и при нынешнем состоянии лишены всякой надежды на улучшение несчастнейшей судьбы нашей церкви и нашего народа» (с. 53). Свой приговор унии в Галичине Наумович заканчивает надеждой на христианскую любовь, которая подаст победу «церкви Христовой против сильнейших врагов ее, прекратит несогласие, длящееся 800 лет между востоком и западом и на место его восстановит прочное единение церквей, непоколебимое согласие между верующими»⁴⁷.

После такой отповеди Наумовичу уже не на что было рассчитывать*. Он отсидел еще 8 месяцев в тюрьме, а затем, отвергнутый

* Ему, правда, предлагали покаяться и безусловно покориться Риму в обмен на отречение от своих взглядов. Митрополит Сильвестр Сембратович обещал ему «светлую будущность», но, разумеется, Наумович не мог этого сделать.⁴⁸

своей церковью, принял православие, как протоиерей Иоанн еще много успел сделать в приютившей его России — и неожиданно умер при весьма загадочных обстоятельствах в 1891 г. Русские галичане были уверены в том, что он отравлен⁴⁹.

На протяжении многих лет в Галичине (как, впрочем и в Закарпатье) складывалась парадоксальная ситуация. Задуманная в конце XVI в. как мощное оружие против православия, проведенная насильственными методами и, как может показаться, успешно внедренная в издревле православный край, уния из врага православия все более превращалась в своеобразную форму верности ему. Близость обряда (даже искаженного) с обрядом за кордоном, симпатии к России и порой ее помощь не торопили русинов-униатов к переходу в православие. Подсудимые процесса Ольги Грабарь большею частью были униаты, но М.Павлик, известный социалист, недаром сказал, что расправа 1882 г. обернулась скорее церковным собором, на котором судили «православну справу»⁵⁰. Наумовича галицко-русский народ стал считать мучеником. Положить конец этим процессам должны были жесткие мероприятия, проводимые в Галичине Ватиканом совместно с австрийским правительством, поддержанные самим императором. Под шум процесса 1882 г. и страшного террора иезуиты и поляки, пишет известный деятель русского движения О.А.Мончаловский, «устроили передачу всех василианских монастырей в Галичине и их громадных имуществ, пожертвованных еще русскими князьями и царями, под власть и руководство иезуитов». Когда против этой меры выступил Львовский митрополит Иосиф Сембратович, он моментально был смещен, вызван в Рим и через некоторое время умер в каком-то римском монастыре фактически в заключении. Коренным образом менялась и система подготовки священников — самые образованные священники выходили из русской духовной семинарии в Вене, основанной еще при Марии Терезии. В 1893 г. она была закрыта, а фонды, за счет которых содержались ее воспитанники, направлялись на их воспитание в Риме. Одновременно закрывалась генеральная духовная семинария, «где воспитывались будущие священники для всех трех галицких епархий, и открыты для этой цели епархиальные семинарии с понижением образовательного ценза будущих пастырей. Цель этих мероприятий следующая: из епархиальных семинарий будут выходить священники без университетского образования и вполне зависимые от своих епископов — правительственных ставленников»⁵¹.

До 90-х гг. XIX в. униатские священники в массе придерживались «русской» ориентации. После смещения Иосифа Сембратовича митрополитом становится его племянник Сильвестр — сторонник украинского направления, а с 1901 г. на протяжении более чем четырех десятилетий кафедрой митрополита занимает Андрей Шептицкий (1865–1944). До принятия монашества Роман, католик, офицер австро-венгерской армии, Шептицкий в 1888 г. стал униатом, монахом ордена василиан, затем в 1899 — епископом Стани-

славским, в 1900 митрополитом Львовским, а в 1901 — митрополитом Галиции и главой галицкой униатской церкви он оставался вплоть до самой кончины. И Сильвестр Сембратович, и еще в большей мере Шептицкий активно поддерживали проукраинскую политику австрийской администрации, которая, по формулировке современного русского историка, «всемерно поддерживала украинофильское течение, видя в нем своего союзника не только в борьбе против традиционного стремления русин к единению с Россией, но и в планах территориальных приобретений за счет России, а также опору для своей политики в отношении польских помещиков в Галиции»⁵². Одним из важных слагаемых этой поддержки была деятельность молодых униатских священников, «попиков», получивших образование после реформ конца XIX в. и готовивших из юных галичан убежденных украинцев, в начале Первой мировой войны вставших в ряды Украинских сичевых стрелцов и составивших часть австро-венгерской армии.

Ответом на эти явления был переход галичан в православие. В XIX веке вероятно, это были отдельные случаи, а незадолго до начала Первой мировой войны переходили уже целые села. Так, например, к 1911 году относится переход в православие русинских сел на Лемковщине, в Сокальщине и Коломыйщине. Против переходивших в православие неоднократно применялись прямые репрессии, хотя это и было разрешено австрийскими законами⁵³. Знаменательно, что между православными и униатами русинами не наблюдалось никакой вражды, ни даже противостояния, на бытовом уровне, при одинаковом богослужении разница была незначительная и ни с какой стороны не вызывала отторжения. В 1901 г. была закончена строительством и открыта первая во Львове каменная православная приходская церковь св. Георгия. К началу строительства в 1896 г. богослужения проходили в маленькой старой деревянной церкви, церковный совет состоял из четырех человек, среди них О.А.Мончаловский, один из лидеров русского движения, и М.Грушевский — активный лидер украинского направления. В Православной Церкви они стояли рядом...⁵⁴

Начало Первой мировой войны ознаменовалось невиданным террором и созданием страшного концентрационного лагеря Талергоф в Штирии, в который были заключены тысячи галичан — и униатов, и православных. Об их взаимоотношениях говорит и маленький эпизод, сохранившийся в воспоминаниях одного из узников, переживших Талергофский ад, униатского священника о. Генриха Полянского. В числе узников были униатские священники, вскоре была устроена униатская церковь и назначен настоятель, но не из заключенных, а беженец. По воспоминаниям о. Генриха, в лагере было «множество православных», и священник Дионисий Киселевский с братом отстроили православную «часовню», т.е. церковку, в которой можно служить литургию. Но служить ее полагается в церковных ризах, а их сначала не было. Православные брали их на время у униатов. Как-то настоятель о. Карпьяк встретил «кого-то

несущего эти ризы в нашу церковь, — рассказывает о. Генрих. — “Откуда ты это несешь?” — спросил о. Ярослав. “Из православной часовни”, — ответил несущий. “Каким образом?” — “Мы заняли эти ризы к нашему богослужению”, сказал несущий. “Так? То отнеси ризы обратно в часовню; я не позволю их больше употреблять в нашей церкви”. Какой фанатизм — говорилось в лагере — уж будто и ризы пропитаны “схизмою”⁵⁵. Нам думается, заключенные не поняли настоятеля. Осторожный и считавшийся папистом, он просто подарил ризы в православный храм, не вызывая нареканий начальства.

В ходе Первой мировой войны во время оккупации Галичины русскими войсками политика военных властей в целом отличалась веротерпимостью. Глава униатской церкви в Галичине митрополит Андрей Шептицкий дал командующему армией генералу Брусилову честное слово, «что он никаких враждебных действий, как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет» и был оставлен во Львове для исполнения своих духовных обязанностей. Однако свое честное слово стал нарушать и тогда был арестован и выслан сначала в Киев, а затем в Нижний Новгород, Курск, Суздаль, наконец, в Ярославль⁵⁶. Однако, как только произошла Февральская революция, Шептицкий получил свободу, а Временное правительство легализировало греко-католическую церковь в России⁵⁷.

Когда после распада Австро-Венгрии и Первой мировой войны Галичина попала под власть Польши, вновь началась ее полонизация. Особенно тяжело процесс проходил в Лемковщине. Сложно складывалась и религиозная жизнь края. Занявший кафедру униатского епископа Перемышльского Иосафат Коцыловский при поддержке митрополита А.Шептицкого развернул в 20-х годах широкую украинизаторскую кампанию, посылал на приходы молодых политизированных священников, использовавших церковь как политическую трибуну. И тогда с 1926 г. начинается, а с 1927 г. разворачивается массовый переход лемковских сел в православие. По свидетельству польского автора А.Крысинского, которое приводит в своей справке на 1929 г. В.Р.Ваврик⁵⁸, треть всех лемков «в последние годы» приняла православие. При переходе в православие церковь не передавалась православным, начиналось строительство новой церкви. Иногда часть села оказывалась православной, часть униатской, и тогда между православными и униатами происходили столкновения, иногда даже специально спровоцированные чиновниками. Насилия и столкновения прекратились только, когда Рим вынужден был изъять лемковские униатские приходы из-под власти епископа Коцыловского и создать специальную администрацию во главе с священником Я.Медвецким. Переход в православие целых сел наблюдался не только на Лемковщине — так, в 1928 г. отмечен подобный процесс и в Восточной Галичине⁵⁹.

В 1936 г. торжественно праздновалось 350-летие Ставропигиона, после 1709 г. оставшегося униатским, хотя его секретарем во время празднования был православный В.Р.Ваврик.

* * *

После Второй мировой войны обвиненные в сотрудничестве с гитлеровцами советскими органами были арестованы все униатские епископы Галичины. А 8–10 марта 1946 г. состоялся Львовский собор Галицкой униатской церкви. «Законный, он или «незаконный»? Для этого нужны такие архивные изыскания, каких сейчас никто не сможет, да и не захочет проводить. Униатские духовные лица сотрудничали с гитлеровцами. Кто? Насколько и насколько вынужденно? Насколько добровольно приняло православие униатское духовенство на соборе? Насколько поддерживало собор население, окормлять которое должна была ставшая православной галицкая церковь? И, наконец, быть может, самое важное — какие тайные пружины и тогда и позднее стояли за всеми событиями последних шести десятилетий? Будем же говорить только об известных фактах. Когда к 1946 году все униатские епископы были арестованы, советские власти допустили созвание собора без высшего духовенства⁶⁰. И на этом соборе ученый, протоиерей униатской церкви Гавриил Костельник предложил вернуться в православие, т.е. к вере прадедов. Кто из присутствующих священников категорически заявил: «Нет! Мы верны папе, он — глава всемирной церкви, все вы — схизматики!» — и пошел дальше в лагерь или был расстрелян? Если бы такой был, он бы давно был канонизирован Католической Церковью и мы бы об этом знали. Если бы собор сказал — нет, все было бы по-другому. Но собор сказал «Да». И Православная Церковь, которая продолжала быть под гнетом, окормляла верующих Западной Украины, чего тогда униатская церковь сделать не могла. Выросло два поколения православных. А Гавриил Костельник был убит через два года, в 1948 г., по дороге из храма в 10 часов утра.

Униатская церковь продолжала существовать (или возродилась) подпольно. Атеистическая политика советского государства, сглаженная некоторой терпимостью в первые послевоенные годы, с приходом к власти Хрущева, обещавшего показать по телевизору последнего попа, превратилась в прямое гонение прежде всего православия. В Галичине она приняла своеобразные формы. Был выпущен из тюрьмы митрополит Иосиф Слипый, глава униатской церкви после смерти Шептицкого в 1944 г. Он оказался в Москве. (Автор лично

* «В Украине XVI века, — утверждает Д.Гонис (профессор церковной истории Афинского университета), — иезуиты и паны обещали предоставить равноправие православным епископам, отчего последние и вернулись к Риму. Со стороны Римско-католической церкви, однако, это был незаконный акт, а именно же — вмешательство во внутренние дела Православной церкви. Слабым пунктом и Львовского собора 1946 г. явилось то, что в нем не участвовали епископы, а также то, что важную роль в нем играл Кремль. Кремль хотел наказать Украину за сотрудничество с нацистской Германией. Такое государственное вмешательство, скорее всего, неправомерно. Но миряне и низшее духовенство вполне могли желать вернуться в православие. Почему греко-католики в одностороннем порядке считают Львовский собор недействительным, а Брестский — действительным? Ведь в обоих случаях политические факторы и внешние влияния сыграли существенную роль»⁶¹.

видела его в Исторической библиотеке, куда он раз пришел.) Затем его отпустили в Рим. И при Хрущеве, и в эпоху застоя официальное отношение к унии оставалось прежним, но практически ей развязывали руки в ее деятельности, прямо противозаконной по тогдашнему законодательству⁶². Так, мне рассказывали, что, например, в карпатское село, где церковь закрыта и открыть ее законно православным совершенно невозможно, свободно приезжают униаты во главе со священником. Им отпирают храм, они служат, исполняют требы окрестных крестьян и спокойно отбывают восвояси, причем власти им в этом даже потворствуют. В сталинскую эпоху на страницах книг и статей об унии отзывались в самых крайне оскорбительных формулировках (за это заплатил жизнью Ярослав Галан. «Плюю на папу», да разве так можно?! — говорил мне как-то с возмущением православный русский галичанин). Со 2-й половины 50-х гг. постепенно положение меняется. В СМИ проглядывается симпатия к подпольно действующей церкви. Таким образом достигалась главная цель атеистической пропаганды — в сознание населения внедрялся образ униатской церкви как церкви гонимой и защитницы веры, создавался стойкий антиправославный настрой. Фактически униаты становились союзниками советской власти в ее борьбе против православия.

Наконец наступает перестройка. В СССР идет активная подготовка к празднованию 1000-летия крещения Руси. Переданный правительством еще в 1983 г. духовно-административный центр Русской Православной Церкви Данилов монастырь в Москве в 1987 г. уже почти восстановлен из руин, и тогда в сентябре в Риме проходит синод, — начало празднования тысячелетия крещения Украины Украинской греко-католической церковью. «Вскоре после синода — пишет греко-католический епископ Михаил Хрынчишин, — 6 ноября 1987 г. кардинал Мирослав Любачивский выступил со следующим обращением: “Следуя примеру Христа, мы протягиваем руку русскому народу и Московскому патриархату в знак прощения, примирения и любви. Как мы это делали, примиряясь с народом Польши, мы повторяем слова Христа: Прости... как и мы прощаем (Мф: 6, 12). Будучи братьями во Христе, станем уважать друг друга, научимся жить вместе, помня, что объединяет нас общая вера во Христа. Мария, Мать Божья, — столь могучая сила для обеих наших религиозных традиций, что она поможет нам преодолеть все препятствия на пути к единству во спасения народа нашего”». Два года спустя, 24 сентября — 8 октября 1989 г., следующий архиерейский синод Украинской церкви в Риме завершил празднование тысячелетия. Президиум синода послал патриарху Московскому Пимену послание в духе прощения и примирения. Ни на тот, ни на другой жест ответа не было⁶³. Хотелось бы знать, за что из своего римского далека милостиво посылал прощение православному патриарху кардинал Любачивский. Это была, думается, скорее очередная декларация всемирной духовной власти Рима, правда, более похожая на дипломатическую ноту тоталитарного государства. (Недаром современный профессор истории бого-

словия Афинского университета Георгий Металлинос прямо говорит об «империалистическом государстве Ватикан»⁶⁴.)

Прошел 1988 год, год отмены насильственного атеизма, год юбилея крещения Руси. Государство возвращало отнятые у Церкви храмы. И тогда униаты в 1989 г. вышли из подполья и заявили свои претензии на храмы, почти полвека уже православные или только сейчас возвращенные православным.

О добровольном введении унии создают легенду, как и 400 лет назад, но факт остается — храмы в основном захватывались насильем, как и столетия назад. Православные оказывали сопротивление, но силы были неравные. Начиненные боевиками автобусы были вполне подготовлены к нападению, а государство — и разваливавшийся Советский Союз, и зарождавшаяся самостоятельная Украина — не собирались помогать жертвам насилия⁶⁵. Да и проливать кровь на ступенях храма — не лучшее занятие для кротких русинов. Захваты прекратились только тогда, когда, по словам владыки Августина, брать уже было нечего. Что же предпринимал Ватикан для прекращения избиений и безобразий, которые творились... фактически инсценированные из Рима? А ничего. Папа каялся не в своих грехах, но не хотел, а быть может и не мог, каяться в своих, в попустительстве насилиям и безобразиям. Да и зачем? Это было продолжение очень старой политики Ватикана, его *Drang nach Osten* (натиск на восток), его стремление утвердить власть церкви апостола Петра, а фактически свою власть в славянских, исконно православных регионах, в России, на Украине. После захвата православных церквей в Западной Украине Ватикан предпринимает целый ряд шагов, чтобы вызвать Русскую Православную Церковь на диалог, чтобы она поскорее забыла карпатскую трагедию. Но это не удается. Недаром на заседании синода Украинской православной церкви Московского патриархата 17 апреля 2003 г. «был разговор об отношении к католикам и униатам. Пришли к общему решению: нет достаточных аргументов для ведения переговоров. Верующие настолько смущены экспансией униатства, что, если увидят наши благие действия по отношению к католикам, обстановка обострится. Перед тем как вести переговоры, нужно определить их тему. Говорить об объединении церкви абсурдно, а о возвращении храмов надо не говорить, их надо возвращать»⁶⁶. И сейчас, в сущности, вероятно, разочаровываясь в успехе унии, Ватикан начинает массированное прозелитическое наступление на восток, проповедуя уже не унию, а просто католицизм.

Но почему же все-таки после Брестского собора для торжества унии понадобилось два века, а ныне лишь несколько лет? Почему сейчас в одной семье одни могут ходить к Малому Юре, единственной во Львове церкви Украинской православной церкви Московского патриархата, а другие — в соседнюю униатскую церковь? И главное, это никого не удивляет. Думается, здесь сказывается, назовем так, стихийный экуменизм советских и постсоветских людей, большая часть которых не понимает вообще, в чем

разница не только православия и католицизма, но даже где проходит грань между христианством и нехристианскими сектами, только прикрывающимися христианской терминологией. Для галичан уния — отнюдь не вера отцов, как иногда хотят представить. Отцы либо были уже автоматически православными после 1946 года, либо вообще официально атеистами, как это тогда полагалось. Но в основе, вероятно, лежит и более глубокая причина — великий парадокс Католической Церкви. Думается, историки не ошибаются — да, Католическая Церковь — это возникшее в средние века государство, претендовавшее и доныне претендующее на духовное (и, вероятно, не только духовное) мировое господство. Люди, не разделяющие этих взглядов, вне церкви — схизматики или еретики, а внутри ее — заложники ее устройства, а порой и жертвы. Но одновременно Католическая Церковь — это неотъемлемая часть той Церкви, которую основал Спаситель, которую «врата адовы не одолеют». И недаром существует изречение, приписываемое св. Филарету митрополиту Московскому (Дроздову): «Наши перегородки не доходят до неба». Поэтому не дай Бог нам осуждать наших братьев — и мирян и духовных греко- и римокатолической церкви, которые искренно служат в ней Богу, верят в Святую Троицу, считают основой своей искренней, а нередко и пламенной веры Евангелие. А еще верят своей церкви, в которой крещены или которой искренно поверили или даже верят, — церкви Христовой — в той форме, как им навязало государство. Только беспокорно за них. Им упорно навязывается сознание, что папа — наместник Христа на земле, что все церкви, кроме католической неправильные, навязывается стойко отрицательное отношение к Русской Православной Церкви и снисходительно-осуждающее — к православию.

В XVII–XVIII вв. уния в Галичине победила, но это была пиррова победа. Что будет дальше с униатской церковью ныне — покажет время. Сейчас от нас, православных мирян и особенно православного духовенства, зависит очень многое — прежде всего духовная и нравственная чистота церкви, на всех ее ступенях, порядок, бескорыстие — начиная от иерархов и вплоть до уборщицы, доброжелательность, любовь по отношению друг к другу и к инославным. И в то же время отсутствие каких бы то ни было уступок в вопросах веры и церкви. Мы должны быть едины в духе любви, всегда помнить: «не судите да не судимы будете», но одновременно мы должны быть твердыми в том, во что верим...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Настоящий очерк — не историческое исследование. Это личное мнение автора, подтверждаемое общеизвестными фактами; ссылки мы даем порой на справочные издания и энциклопедические статьи.

Понятием *Галичина* обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне находятся в составе Западной Украины, — Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области, а также в Польше — Лемковщина с

древнерусским Перемышлем (ныне Пшемысль). Исконное население — потомки древнерусского племени. В IX–XI вв. Галичина была частью Киевской Руси, крещена вместе с остальной Русью, с середины XI в. вошла в состав Галицкого, а затем Галицко-Волинского княжества, которое прекратило свое существование в 1340 г. С середины XIV в. оказалась под властью Польши, в результате первого раздела Польши в 1772 г. вошла в состав Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии). После Первой мировой войны вновь под властью Польши. В 1939–1991 гг. — часть Советского Союза (УССР).

2. Христианство. Энциклопедический словарь в 3 томах. — М., 1993–1995. — Т. II. — С. 284. (Далее — «Христианство».)

3. *Тальберг Н.* История христианской церкви. — М: Интербук, 1991; Нью-Йорк, Астра, 1991. — С. 274–276; *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). — Брюссель: Жизнь с Богом, 1964. — С. 548–549.

4. Александрийский священник Арий ум. в 336 г., учение его было осуждено на Никейском соборе 325 г. как ересь. Согласно учению ариан, Иисус Христос не единосущен Богу-Отцу, а является Его творением, существом низшего порядка.

5. *Поснов.* Ук. соч. С. 555.

6. Христианство. Т. I. С. 712–714.

7. Второй Ватиканский собор. Конституции, декреты, декларации. — Брюссель, 1992. — С. 131.

8. Христианство. Т. III. С. 478.

9. *Тальберг.* Ук. соч. С. 288.

10. Там же. С. 291.

11. *Исаевич Я.Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. — Київ, 1966. — С. 10–11.

12. 400 лет Брестской церковной унии 1596–1996. Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Неймеген. Голландия. — М., 1998. — С. 14, 15. (Далее — «400 лет...».)

13. Исаевич считает, что в XV в. братства еще не было, но была все же какая-то «организация мещан, осуществлявшая патронат над церковью» (*Исаевич.* Ук. соч. С. 25). Полемизируя с историками, относящими существование братства к XV в. (прежде всего с Зубрицким), думается, Исаевич спорит скорее о терминах.

14. *Исаевич.* Ук. соч. С. 35.

15. 400 лет... С. 30–31.

16. Там же. С. 16.

17. Там же. С. 48.

18. Там же. С. 50.

19. Там же. С. 51.

20. Там же. С. 55.

21. Там же. С. 23.

22. Христианство. Т. I. С. 730.

23. 400 лет... С. 46.

24. *Исаевич.* Ук. соч.. С. 88.

25. *Петрушевич А.С.* Сводная Галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год. — Львов, 1874. — С. 8–11.

26. *Исаевич.* Ук. соч. С. 90.

27. *Петрушевич.* Ук. соч. С. 45.

28. *Исаевич.* Ук. соч. С. 90.

29. Там же. С. 91.

30. *Петрушевич.* Ук. соч. С. 366.

31. Там же. С. 364–365.

32. Там же. С. 237.

33. *Исаевич.* Ук. соч. С. 92.

34. *Петрушевич*. Ук. соч. С. 11.
35. *Исаевич*. Ук. соч. С. 93.
36. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. — М., 2001. — С. 98–102; *Бендасюк С.Ю.* Православна Св. Георгіївська церква у Львові (Історичний нарис) // Львівський православний журнал «Епархіальний вісник». — 1946. — № 5. — С. 10–21.
37. *Головацкий Я.Ф.* О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен Австрийского владения в той земле. — Львов, 1865. — С. 6.
38. Там же. С. 10.
39. *Исаевич*. Ук. соч. С. 96.
40. *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.). — Львів, 2001. — С. 3.
41. Там же. С. 133.
42. Там же.
43. См. напр.: *Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. — Лувен, 1973.
44. 400 лет... С. 23.
45. *Пашаева*. Ук. соч. С. 69.
46. *Мончаловский О.А.* Житие и деятельность Ивана Наумовича. — Львов, 1899. — С. 61–67.
47. *Наумович И.Г.* Апелляция к папе Льву XIII... / Пер. с латинского яз. — СПб., 1883. — С. 31, 53, 54, 70, 72.
48. *Мончаловский*. Ук. соч. С. 87.
49. *Ваврик В.Р.* Просветитель Галицкой Руси (Иван Г.Наумович). — Львов–Прага, 1926. — С. 62–66.
50. *Павлик М.Л.* Москвофильство та українофильство серед австро-русского народу. — Львів, 1906. — С. 19–20.
51. *Мончаловский О.А.* Положение и нужды Галицкой Руси. Русская и украинская идея в Австрии / Д.А.Марков. — М., 1915. — С. 9–11.
52. *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах: Этносциальные особенности и проблема присоединения к России // Вопросы истории. 1996. — № 11–12. — С. 132–133.
53. Подробнее — *Пашаева*. Ук. соч. С. 138–140.
54. *Worobkiewicz E.E.* Ein historisches Gedenkbuch anlaesslich der nahebevorstehenden Grundsteinlegung unter die neuzuerbauende Orthodoxorientalische Kirche in Lemberg. — Lemberg, 1896. — С. 47–48.
55. Талергофский альманах. Вып. IV. — Львов, 1932. — С. 116–117.
56. *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. — М., 2000. — С. 145, 152–153. Конфессиональной политике России в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны Бахтурина отвела в своей монографии, отдельную главу (с. 142–183).
57. *Даниленко С.Т.* Униаты. — М, 1972. — С. 50–56; *Пашаева*. Ук. соч. С. 157.
58. *Ваврик В.Р.* Справка о русском движении на Галицкой Руси, с библиографией на 1929 год. — Львов, 1930. — С. 5.
59. *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. 2-е доп. изд. — Lane Trumbull Connecticut, 1970. — С. 601.
60. С 1945 г. Собор подготавлила инициативная группа во главе с доктором философии настоятелем Преображенского собора во Львове протоиереем Гавриилом Костельником (1886–1948), некогда преподавателем Львовской Греко-католической богословской академии, из которой в 1930 году был уволен и отдан под строгий надзор епархиальной власти за симпатии к православию. Кроме о. Гавриила до Собора приняли православие еще два униатских священника — д-р Михаил Мельник и Антоний Пельвецкий, хиротонисанные во епископы в Киеве накануне Собо-

ра — единственные два епископа, принимавшие в нем участие (*Григоренко А.* Уния. — Новосибирск, 1991. — С. 81 и др.). На собор было приглашено 225 делегатов-священников и 22 делегата от мирян. Прибыли 216 делегатов-священников и 19 делегатов-мирян. «Из приглашенных противников воссоединения на Собор никто не прибыл» (Львовский церковный собор. Документы и материалы. 1956–1981. — М., 1982. — С. 63).

61. 400 лет... С. 98.

62. «Большинство вчерашних униатов стало посещать православные храмы. Не слишком многочисленные стойкие приверженцы греко-католичества на Западной Украине более 30 лет осуществляли свою деятельность в подполье. Впрочем, об этом было известно властям, предпочитавшим смотреть “сквозь пальцы” на нелегальное существование униатских общин, монастырей и даже семинарий. Большинство иерархов УГКЦ было в послевоенные годы репрессировано. Однако, отбыв срок заключения (к смертной казни никто из них приговорен не был в отличие от архиереев Русской Православной Церкви), почти весь греко-католический епископат оказался в эмиграции» (*Петрушко В.И.* Украинская греко-католическая церковь: Современное состояние. Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы. 1997. — М., 1997. — С. 42–47.

63. 400 лет... С. 60–61.

64. Там же. С. 96.

65. В 1992 г. в Афинах была опубликована декларация, в которой говорится: «Богословская секция богословского факультета Афинского университета с неослабевающим вниманием следит за попытками Ватикана вдохнуть новую жизнь в исторические останки униатства среди страдающих православных народов Украины, Молдавии, Югославии, Албании и Чехословакии с целью насадить главенство папы в Восточной Европе. Ватикан неправ, пользуясь временной растерянностью западноевропейцев в связи с неожиданным развитием событий в Восточной Европе для того, чтобы содействовать подавлению православных. Неопишуемые акты изощренной жестокости и насилия, направленные против православных в этих регионах, вызывают в их памяти трагический опыт более ранних методов папства...» (400 лет... С. 101–102). Конкретные примеры бесчинств униатов см., напр.: *Григоренко.* Ук. соч. С. 3–6, 90, 92, 96 и мн. др.

66. Церковный вестник. — 2003. — № 8. — С. 2.

Указатель имен

Аксаков И.С. 42, 62,82
Александр II 59
Александр III 87
Альфонс XIII 116
Андреев Л.Н. 95
Антоний (Храповицкий) архиепископ. 101, 104
Арабажин К 83
Аристов Ф.Ф. 7, 14, 102, 126
Аристова Т.Ф. 8, 102, 133

Бадени К. 80, 82
Бантыш-Каменский 17
Барвинский А. 80
Барвинский В. 128
Бах А. 42
Белоус М. 65
Бендасюк С.Ю. 95, 104–105, 115, 123, 124, 133
Бескид А. 118
Бинерт 98
Блонский Т. 54
Бобринский В.А. 101, 104, 114
Бобринский Г.А. 112
Богатырец К.Д. 116, 119
Богданьский Г. 21
Бодянский О.М. 20, 21
Борисикевич И. 34
Будилович А.С. 83, 99, 101

Ваврик В.Р. 8, 15, 35, 70, 88–120, 91, 108, 109, 118, 119, 121, 122, 123–125,
127, 128, 130, 131, 132–134, 162

Ваврик Павел 130
Ваврик Петр 130
Вагилевич И.Н. 15, 16, 18, 19, 20, 24, 25, 27, 28
Валуев П.А. 56
Вальницкий К. 94, 122
Ваньо Ф 116
Вергун Д.Н. 95
Веселовский Я. 116
Вильсон 118, 119
Вишневецкий А.А. 127
Владимир (митрополит) 101
Вовк Г. 105
Вовк И.В. 106
Водовозов Н.В. 8
Возняк М. 37

Волконская З. 52
Воробкевич Э.Е. 74–77
Выговский И.Е. 29, 127
Вышеградский И.А. 86

Гавришков К.М. 133
Гавришкевич 77
Гай Л. 57
Ганка В. 36
Ганкевич 107
Гарасевич М.С. 15
Гардый П.С. 110
Гелитович А. 94
Гелитович Я. 94, 100
Гербильский Г.Ю. 20, 39
Геровский Г.Ю. 38
Герцен А.И. 93
Гецев О.О. 95
Гильфердинг А.Ф. 36, 42
Гирс 109
Глушкевич Б.Ф. 92, 93
Глушкевич М.Ф. 89, 95, 102
Гнатышак Г. 117
Гоголь Н.В. 22, 34, 96, 124, 127
Головацкий И.Ф. 20, 25, 35, 43, 53
Головацкий Я.Ф. 11–13, 15, 16–18, 20, 22, 25–26, 27, 28, 31, 33–39, 41, 42,
43, 44, 49–51, 53, 54, 55, 57–59, 61, 98, 155–157
Голуховский А. 35, 36, 41–42, 44, 58, 59
Горький А.М. 92, 95
Грабарь И. 69, 159
Грабарь О. 61, 69, 78, 82, 84, 159
Греч Н.И. 69
Грицак Я.И. 37
Громосяк Н. 119
Грушевский М. 76, 96, 99, 161
Гудима И. 104, 108, 109, 130
Гудзяк Б. 149, 151, 152
Гулак-Артемовский 23
Гуменюк М. 132, 133
Гушалевиц И. 31, 34, 40, 43, 53, 83, 91, 100

Давидяк В. 82
Даль В.И. 34
Данкевич Л. 43
Дедицкий Б.А. 20, 34, 35, 40, 43, 45–46, 48, 53, 54, 57, 58, 61, 62, 66, 73, 90,
91, 95
Делла Скала 68
Деникин А.И. 115

Державин Г.Р. 14, 20, 22
Дзюбенко А.С. 102
Димитриевич Н. 76
Добрянский А.И. 30, 68, 70, 78, 79, 99, 159
Дольницкий 107
Достоевский Ф.М. 92, 93
Драгоманов М.П. 64, 84, 102
Драгомирецкий В.С. 83
Драгомирецкий И.Н. 116
Дудыкевич В.Ф. 88, 115, 117
Духнович А.В. 37, 43, 53
Дьяков Ф. 116, 128

Евлогий (Георгиевский) 114
Есенин С.А. 127
Ефименко Е. 96

Задорожный В.П. 20
Залеский В.М. 31
Залесский В. 17
Залозецкий В.Д. 53, 55, 74, 95
Застырец В. 94
Злупко С. 67
Зубрицкая С. 52
Зубрицкий Д.И. 14, 20, 21, 23, 25, 28, 30, 31, 34–36, 39–40, 49, 52, 54, 59, 60, 102, 157

Иеремия патриарх 10
Илькевич Г. 16
Ильницкий В.С. 35
Иоаким патриарх 10
Иордан Я.П. 26
Иосиф II 26
Иречек Й. 41–42

Карабелеш А.В. 110
Караджич В. 22, 25
Карл I 109, 117
Карпьяк Я. 108
Качковский М.А. 43, 46, 66, 68, 76, 83, 88, 91, 94, 97, 105, 123–125, 128
Качмарик Я.Ф. 119
Квитка-Основьяненко Г. 23, 34, 47
Керенский А.Ф. 109, 117
Киреевский П.В. 20
Киселевский Д. 108
Киселевский Ю. 108
Климкович К. 61
Княжевич Д.М. 20

Ковальский В.Д. 35
Козарищук Д. 87
Колеса И. 127
Колдра В.А. 104
Коллар Я. 22
Кольцов А.В. 127
Компаневич В. 20, 21
Копач И. 93
Корнилов Л.Г. 121
Корнякт К. 127
Коссович К. 76
Костельник Г. 130, 163
Костомаров Н. 47, 55
Котляревский И. 21–23, 34, 47
Коцыловский И. 120, 121, 125
Кралицкий А.Ф. 43, 53, 54
Красовский Н. 127
Крылов И.А. 20, 40
Крысинский А. 120, 162
Куземский М. 33, 41–42, 58
Куиловский Ю. 73, 90
Купчанко Г. 127
Курылович В.М. 116
Кулиш П.А. 23

Лавровский И. 13
Лев XIII 70
Левицкий И.В. 17, 35,
Левицкий И.Е. 11, 41, 45, 47, 53, 62, 79
Левицкий К. 107, 116
Левицкий М. 26
Лемкин И.Ф. 129
Ленин В.И. 47
Леопольд II 12, 157
Лермонтов М.Ю. 20, 34, 62, 92
Лешек-Боровский 62
Ливчак И.Н. 57, 58, 61
Литвинович С. 30, 41, 90
Лодий П. 13, 127
Лозинский И.П. 17, 18, 22, 35, 41
Ломоносов М.В. 20
Лопатынский В. 16
Любкович 52

Мазепа И.С. 29, 55, 98
Макар Г. 106
Максимович М.А. 20, 23–24, 127
Малиновский М.И. 35, 41, 42, 43, 54

Малкин В. 20, 22, 81, 93, 96, 132
Мария-Терезия 72, 160
Марков Д.А. 88, 90, 97, 98, 102, 105, 115, 128
Марков О.А. 78, 79, 85, 88
Марков О.О. 70, 79
Марков С.Л. 115
Маркс К. 47, 93
Мастюх В. 121
Маяр М. 57
Медвецкий С. 97, 129
Медвецкий Я. 121, 162
Мерена Ф. 107
Мерунович К. 54
Мирович Р.Д. 98, 117, 119, 123, 128, 133
Митрофанович Д. 76
Могильницкий А.Л. 35
Могильницкий В.О. 95
Молчан М.В. 57
Мончаловский О.А. 71, 72–73, 76, 83, 85, 88, 89, 121, 95–97, 102, 124, 160,
161
Мордовцев Д. 55
Мулькевич Г. 116
Мурин А.Г. 103, 114
Мышковский Т.И. 120, 125
Мэгочи П.Р. 65–67, 88, 89, 124

Навроцкий Г.И. 92, 93
Надеждин Н.П. 20
Наумович И.Г. 25, 29, 30, 35, 40, 43, 47, 52, 54, 57–59, 62–72, 75, 78, 80, 84,
85–88, 124, 127, 158–160
Некрасов Н.А. 127
Нестор 64, 85
Несторович 91
Несторович Н.Ю. 105
Никаноров И.В. 101
Никитин И.С. 127
Никитин С.А. 57
Николай II 113, 116, 117, 128

Огоновский О. 43, 55, 84

Павенцкий А. 31
Павлик М. 56, 68, 69, 84
Павлович А.И. 43, 53
Павлович Е.О. 57
Павловский О. 23
Палацкий Ф. 56, 57
Пальмов И.О. 101

Пашук А. 37
Пелехатый К.Н. 122
Петр, митрополит Московский и всея Руси, св. 9
Петр I 10, 17, 33
Петрович Г. 18
Петрушевич А.С. 33, 35, 40, 53, 54, 58, 62, 74, 75, 79, 91, 96, 153, 154
Пий IX 52
Площанский В.М. 54, 61, 69, 78, 86
Победоносцев К.П. 86
Погодин М.П. 20, 21, 24, 35, 38–40, 52
Половинкин И.Н. 83
Полянский А.А. 126
Полянский Г.А. 107–110, 161
Полянский И. 121
Попель М.О 43
Попов Н. 24, 39, 57
Потапов А.Л. 59
Потоцкий А. 72
Принцип Г. 108
Протасевич И. 74
Процьк Н. 76
Пустошкин К.П. 75, 77, 92
Пушкин А.С. 20, 40, 55, 62, 92, 93, 127
Пыпин А.Н. 25, 38, 84, 85

Рагоза М. 127
Рагозов И. 76
Раевский 77
Раевский М. 86
Ратов М. 106
Ригер Ф. 57
Родзянко М.В. 100
Романчук Ю.С. 80, 128
Рылеев К.Ф. 92

Савченко В.Н. 99, 114
Сакс 77
Сангушко 77
Сандович М.Т. 104, 106, 116
Сандович М.М. 106
Свенцицкий И.С. 19, 93, 96
Сверчевский К. 130
Свистун Ф.И. 8, 37, 52, 55, 60, 65, 67, 73, 79, 81, 86, 95, 100
Сембратович И. 61, 72, 160
Сембратович С. 71–73, 80, 81, 90, 102, 103, 159
Сергий (Старгородский) 101
Слипый И. 130, 131, 163
Смолер Я. 57

Снегурский И. 13
Соболевский А.И. 101
Соллогуб В.А. 34
Сперанский М.Н. 96
Срезневский И.И. 20
Стадион Ф. 29, 31
Сталин И.В. 49
Стефан Яворский 10
Студинский К. 16, 18, 21, 116
Ступницкий 11

Терех И.И. 102, 105, 127
Терлецкий И.С. 52
Тернопольский И. 127
Толстой Л.Н. 92, 93
Трещаковский Л. 32
Троцкий Л.Д. 117
Трублаевич Д.Ф. 96
Труш В.Я. 121, 125

Успенский Г. 92
Устиянович Н.Л. 15, 16, 28, 32, 35, 40, 43, 53, 55

Федоров И. 10, 20
Федоров-Федоричка И. 127
Федькович О. 55, 127
Феофан Прокопович 20
Филевич И.П. 83, 96
Флоринский 83
Франко И. 21, 23, 56, 60, 68, 78, 82, 83, 84, 93, 127
Франц-Иосиф 32, 44, 72, 77, 110
Франц-Фердинанд 108

Хиляк В.И. 25, 78, 83
Хиляк Д.В. 119, 120
Хрущев.Н.С. 131
Хмельницкий Б. 17
Хомяков А.С. 40

Черкасский В.А. 58, 65, 86
Черлюнкаевич К.С. 105, 116
Чернышевский Н.Г. 11, 25, 46–49, 51, 84, 92
Чехов А.П. 95
Чировский В. 107

Шалата М.Й. 37
Шараневич И.Г. 43, 55, 62
Шашкевич В.М. 43, 55

Шашкевич М.С. 15, 16–19, 22, 24–25, 37, 43, 47, 55
Шевченко Т.Г. 23, 26, 31, 47, 49, 55, 85, 98, 100, 127
Шептицкий А. 73, 90, 103–194, 117, 120, 130, 158, 160–162
Шехович С. 40, 41
Шеман 71
Шумлянский И. 74

Щеголев С.Н. 98

Яворский Ю.А. 73, 81, 82, 90, 125, 126
Языков Н.М. 40
Якубович Д. 76
Якубович И.Ф. 95
Якушкин П.И. 127
Янчак В.И. 100
Янчевецкий Д.Г. 1116
Ярослав Мудрый 18
Яхимович Г. 28, 43, 46, 48, 53, 59, 90, 158

Содержание

Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.

От автора. <i>Ко второму изданию</i>	5
От автора	7
I. От Киевской Руси до национального возрождения	
IX в. — 30-е гг. XIX в.	9
II. Первый период национального возрождения	
С 30-х гг. XIX в. до революции 1848–1849 гг.	13
1. Первые будители	13
2. Русские книги. Русские друзья	19
3. Язык? Наречие?	22
4. Накануне революции	25
III. «Весна народов» 1848–1849. 50-е годы — годы реакции .	27
1. Революция	27
2. Глухие 50-е	35
IV. Под австрийским и австро-венгерским скипетром.	
1861–1918	44
1. В преддверии дуализма	44
2. Львовское «Слово» и его оппонент	45
3. «Обрядовое движение». И.Г.Наумович	51
4. На ниве культуры	53
5. Украина? Москва? Русь!	54
6. Под знаком дуализма. Этнографическая выставка. Судьба Якова Головацкого	56
7. Русское движение конца 60-х — 70-х гг. Деятельность И.Г.Наумовича	59
8. «Процесс Ольги Грабарь» 1882 г.	68
9. На путях к православию	70
10. После процесса. 80–90-е годы	77
11. Русские друзья, оппоненты, помощники	82
12. В преддверии Талергофа. Рубеж XIX–XX вв. — 1914 г.	88
13. Первая мировая война. Талергоф	105
V. Между двумя мировыми войнами. 1918–1939	118
VI. Эпилог	129
Литература	135

Немного об унии в Галичине

Глазами светского историка	144
----------------------------------	-----

Указатель имен	170
----------------------	-----

Иллюстрации

1. Карта Галичины // Купчанко Г. Галичина и ее русски жители. — Ведынь, 1896.
2. Успенская церковь // Земцов С.М. Львов, М., 1956 — С. 35.
3. Руины Манявского скита // Баладыженко К. Иллюстрированная история Галичины в кратких очерках. — Пг., 1915. — С. 83.
4. Лемки // Купчанко Г. Галичина и ее русски жители. Ведынь, 1896. — С. 82.
5. Д.И. Зубрицкий // Аристов Ф.Ф. Капато-русские писатели. — Т. 1. — М., 1916. — С. 40.
6. М.Шашкевич // М.Шашкевич, І.Вагилевич, Я.Головацький: БіблЮграфічний показчик. — Львів, 1962. — С. 34.
7. Я.Ф. Головацкий // Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. — Т. 1. — М., 1916. — С. 84.
8. А.С. Петрушевич // Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. — Т. 1 — М., 1916. — С. 244.
9. М.А. Качковский // Русская Беседа. 1895. — Август — С. 100
10. Б.А. Дедицкий // Русская Беседа. 1895. — Август. — С. 102.
11. И.Г. Наумович // Белоус Ф.И. Церкви русския в Галиции и на Буковине. — Коломыя, 1877. — С. 149.
12. Православный храм св. Георгия во Львове («Малый Юра») // Вергун Д. Что такое Галиция? — Пг., 1915. — С. 17.
13. О.А. Мончаловский // Мончаловский О.А. Положение и нужды Галицкой Руси. Русская и украинская идея в Австрии. /Д.А. Марков. — М., 1915. — С. 3.
14. Д.А. Марков. // Мончаловский О.А. Положение и нужды Галицкой Руси. Русская и украинская идея в Австрии. /Д.А. Марков. — М., 1915. — С. 35.
15. С.Ю. Бендасюк. Фотография. — Архив Н.М. Пашаевой.
16. Виселица в с. Лавочном, на которой в 1914 г. во время австрийского террора было перевешано более 10 ни в чем неповинных крестьян // Талергофский альманах. — Вып.1. — Львов, 1924. — С. 134.
17. М.Т. Сандович. Талергофский альманах. — Вып.1. — Львов, 1924. — С. 180.
18. Талергоф. В последний путь. // Талергофский альманах. — Вып. 3. — Львов, 1930. — С. 81.
19. Памятник жертвам Талергофа на Лычаковском кладбище во Львове // Независимая газета. — 03.09.94. — С. 8.
20. Р.Д. Мирович // В.Р. Ваврик. Краткий очерк галицко-русской письменности. — Лувен, 1973. — С. 70.
21. В.Р. Ваврик // Свободное слово Карпатской Руси. — 1970. — №3-4. — С. 10.

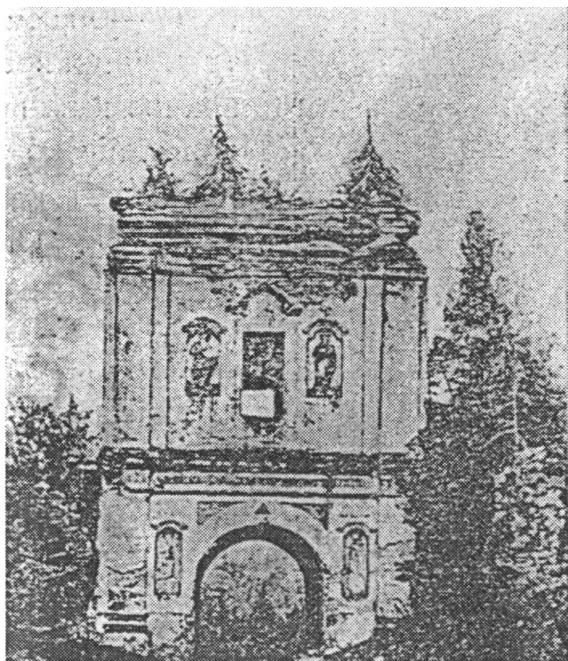

Карта Галичины

Успенская церковь

*Руины Манявского
скита*

Лемки

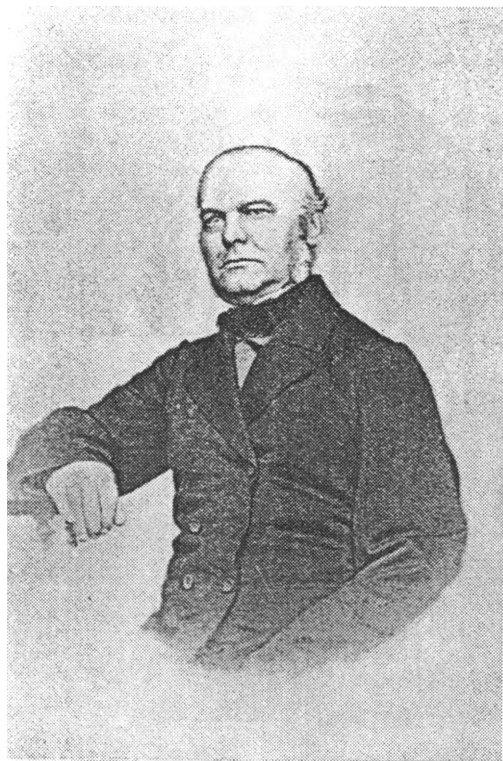
Д.И. Зубрицкий

М.Шашкевич

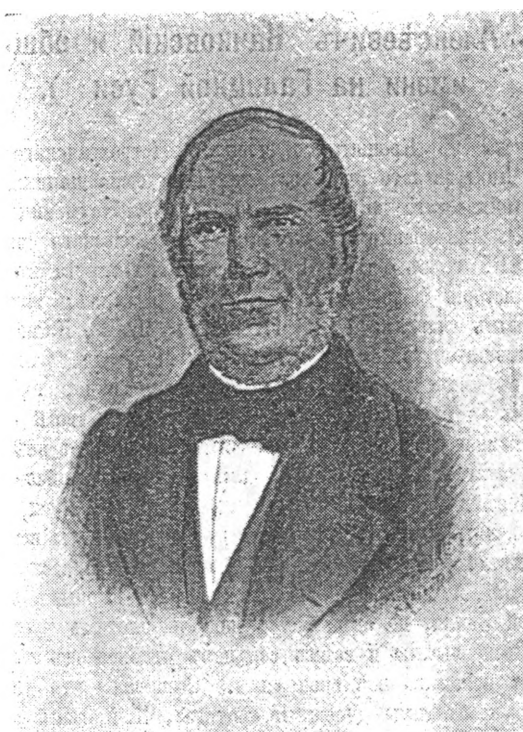

Я.Ф. Головацкий

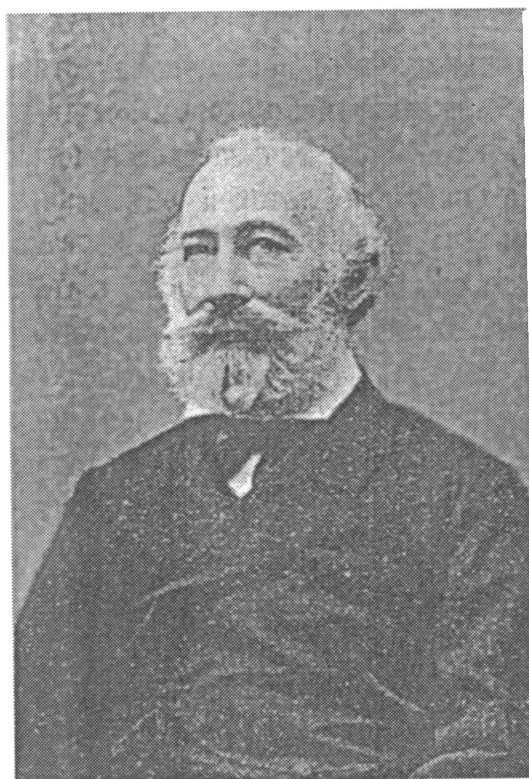

А.С. Петрушевич

М.А. Качковский

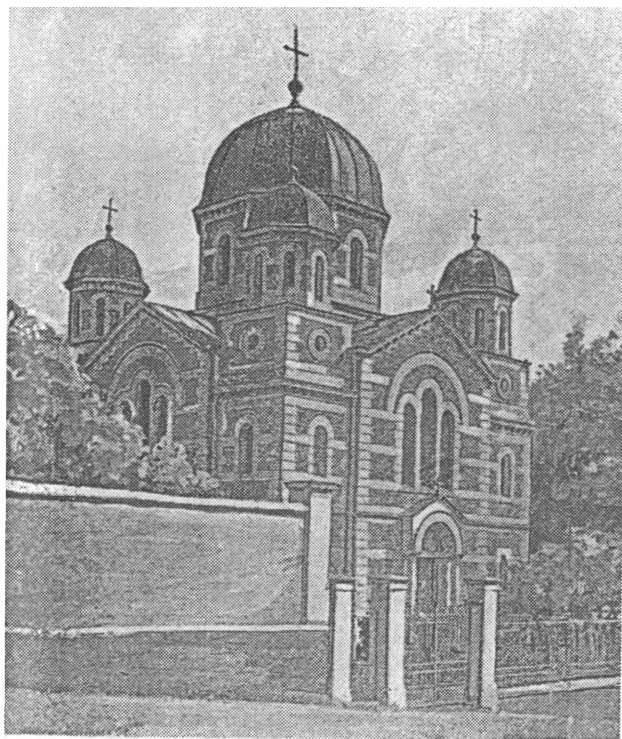

Б.А. Дедицкий

И.Г. Наумович

*Православный
храм
св. Георгия
во Львове
(«Малый Юра»)*

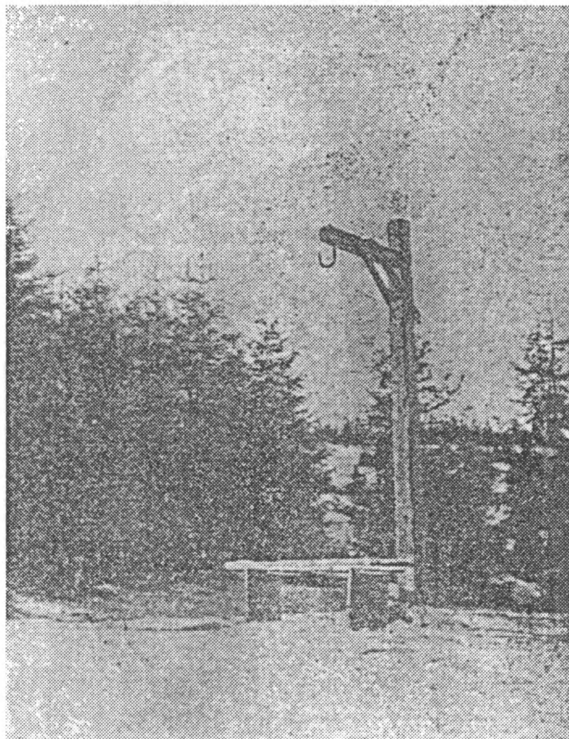
О.А. Мончаловский

Д.А. Марков

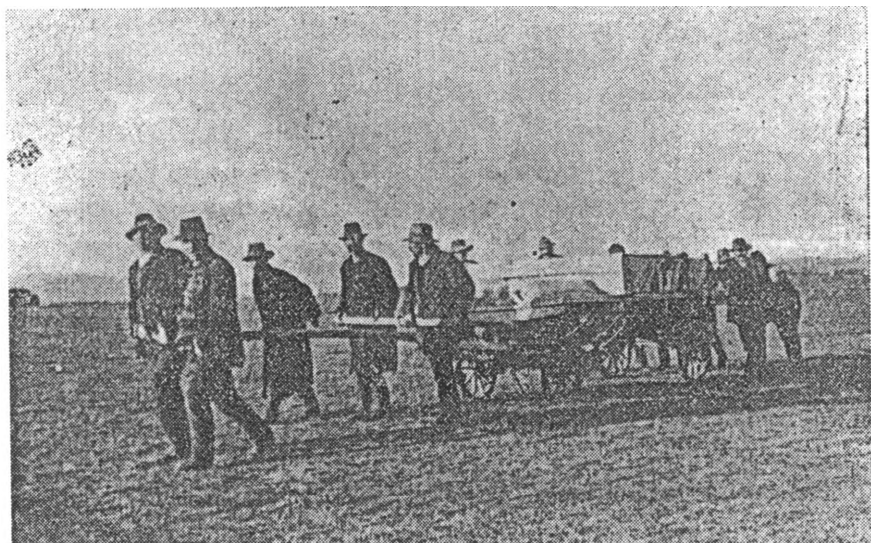
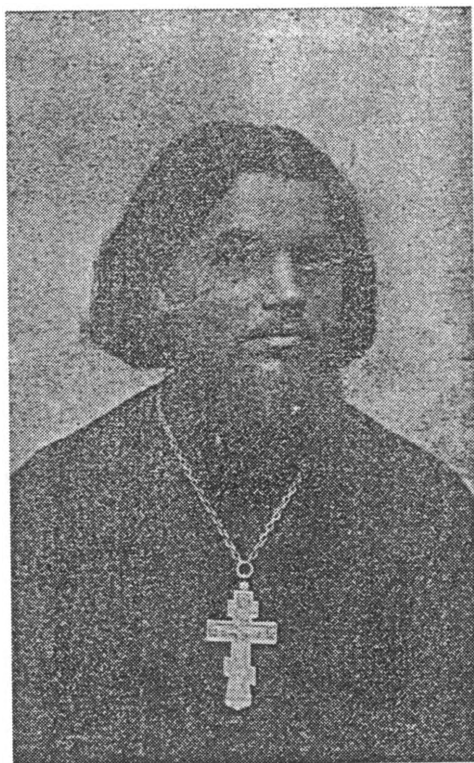

С.Ю. Бендасюк

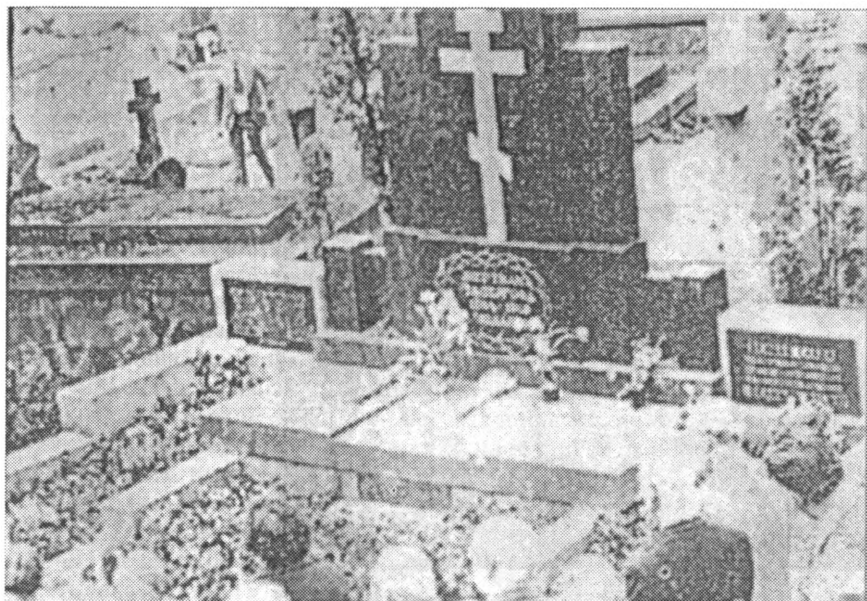

*Виселица
в с. Лавочном,
на которой
в 1914 г. во время
австрийского
террора было
перевешано более
10 ни в чем
неповинных
крестьян*

М.Т. Сандович

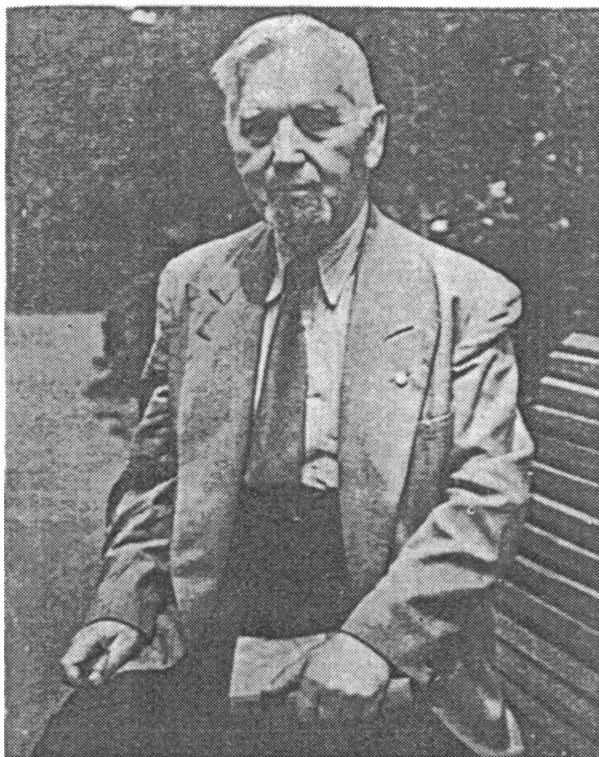
Талергоф. В последний путь

Памятник жертвам Талергофа на Лычаковском кладбище во Львове

Р.Д. Мирвич

V.P. Vavrik

Малорусская Народная Историческая Библиотечка

Традиция это передача пламени, а не поклонение пеплу

МНИБ — собрание дореволюционных и редких книг в электронном формате по истории Малой Руси — Украины. Особое внимание уделяется региональной истории Галиции, Закарпатья, Буковины, Подола, Волыни, Украйны, Слабожанщины, Донбасса, Новороссии, Крыма; теме национального движения и становления украинствующих; „москвофильскому» (твердо-русскому) движению в Подкарпатской Руси и украинофильскому на Украине. Наровне с националистической литературой представлены работы, жизнеописания и переписка деятелей других, ныне замолченных, направлений.

В Библиотечке содержатся такие книги, как *Неизвращенная История Украины-Руси* А. Дикого (Нью Йорк 1961), *Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма* С.Н. Щеголева (Киев 1912), *Литературное и политическое украинофильство* Мончаловского (Львов 1898), *Русалка Днестровая* (Будапешт 1837), работы Кулиша, Драгоманова, Дедицкого, Купчанко, Мякотина, Свистуна, Аристов. В Библиотечке есть Талергофский Альманах, а также богатая подборка библиографических списков и опубликованных документов.

Книги доступны через интернет по адресам www.mnib.kiev.ua (Украина) или mnib.malorus.org (Германия), а также на двух дисках, которые можно заказать в Едином книжном интернет-магазине (magazin.malorus.org).

Библиотечка приглашает к совместной работе по наполнению новыми книгами, популяризации и распространению материалов МНИБ.

www.mnib.kiev.ua
mnib.malorus.org

«ЕДИНЫЙ книжный магазин» — первый тематический магазин, специализирующийся на книгах по «украинской» тематике: церковный раскол, исторические мифы украинствующих, языковой вопрос и славяно-православная (русская) альтернатива прозападной ориентации украинствующих. Целью магазина является не только продажа книг, а также информировать общественность о выходе новых книг по тематике и поддерживать книгоиздателей и современных авторов.

Магазин является общим для интернет-проектов Единая Русь (www.edrus.org), Украинские Страницы (www.ukrstor.com) и Малорусской Народной Исторической Библиотечки — МНИБ (mnib.malorus.org). Приглашаем распространителей книг и интернет-проекты к сотрудничеству.

magazin.malorus.org
www.edrus.org/lavka

Нина Магометхановна Пашаева

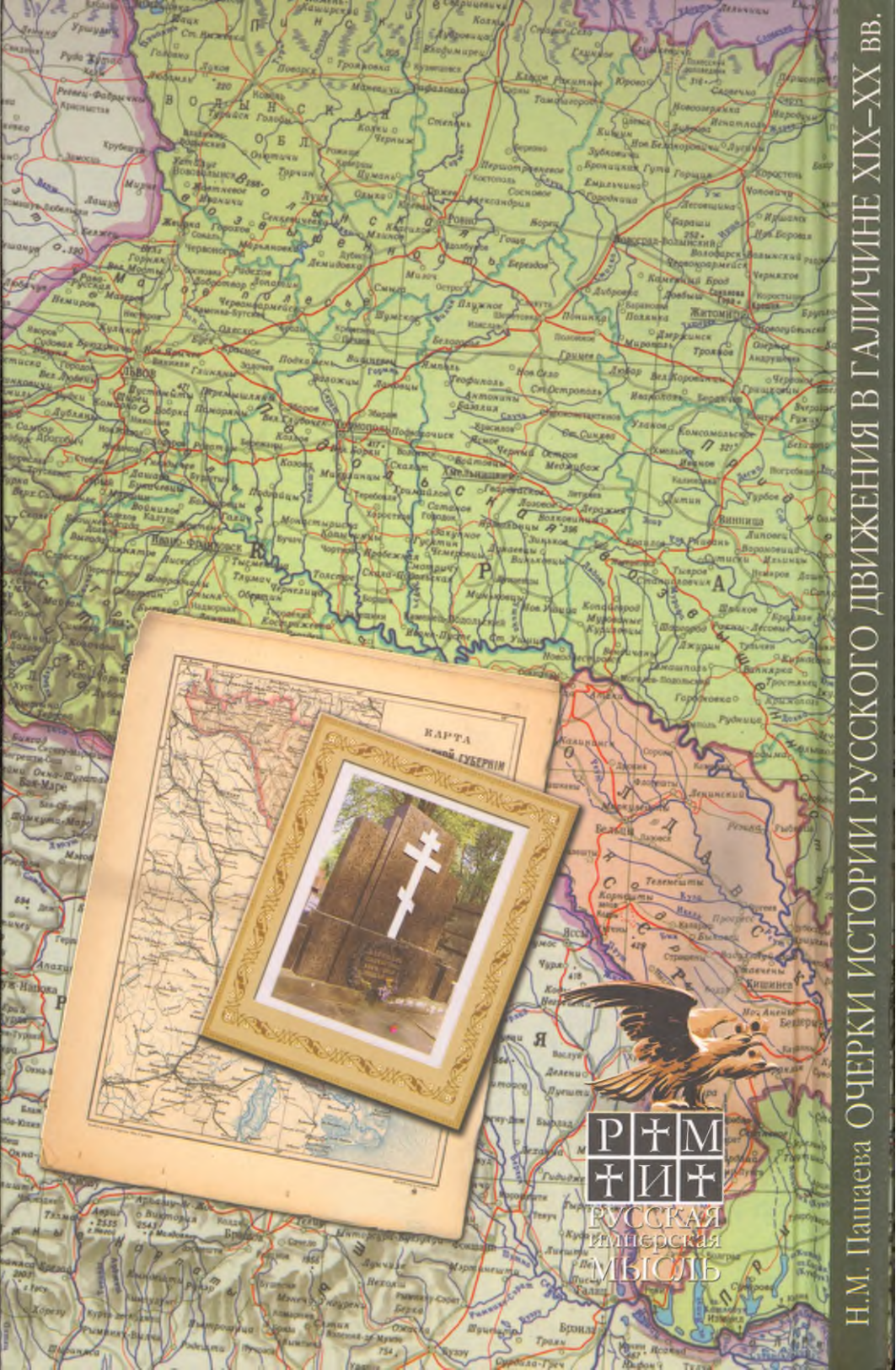
**Очерки истории
русского движения в Галичине XIX–XX вв.**

Редактор *М.Б. Смолин*
Художник *Д.Е. Бикашов*
Корректор *А.Г. Васильева*

Подписано в печать 05.12.06.
Гарнитура «Antiqua». Формат 60x100/16.
Усл. печ. л. 13,32. Тираж 1000 экз.
Отпечатано на ОАО ПК «Зауралье».
Заказ 2358.

Издательство «Имперская традиция»
«Православный центр имперских политических исследований»
E-mail: pcipi@mail.ru

Р И М
Т И Т
РУССКАЯ
ИМПЕРСКАЯ
МЫСЛЬ